

Полное собраніе сочиненій Г.П.Данилевскаго
въ 24 томахъ

Том XX

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание А. Ф. Маркса
1901

OCR Бычков М.Н.

Жизнь и смерть короля Ричарда Третьяго,
Вильяма Шекспира.
ПЕРЕВОДЪ съ АНГЛІЙСКАГО.
(В. А. Каратыгину.)

Переводъ Г.П. Данилевскаго

Отъ переводчика.

«Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея?..
Человѣкъ и народъ, — судьба человѣческая и
народная. Вотъ почему Шекспиръ — великъ!»

Записки Пушкина.

Историческая драма «Ричардъ III» — считается нѣкоторыми первою, по времени, историческою драмою Шекспира. Коллье и Дэйсъ относятъ ее къ 1593 году.

Рядъ произведеній, въ средѣ которыхъ эта драма занимаетъ такое видное мѣсто, составляетъ, по мнѣнію Шлегеля, колоссальную драматическую эпопею, подобной которой нѣтъ ни у одного литературнаго народа. Эти историческія драмы обязаны своимъ происхожденіемъ лучшей эпохѣ царствованія Елисаветы, — когда, при сокрушеніи испанской Армады (1598 г.), впервые въ сердцахъ англичанъ заговорило чувство народнаго самосознанія и гордой независимости, въ кругу державъ Европы. Удивляясь общему, политико-патріотическому значенію историческихъ драмъ Шекспира, Шлегель сказалъ, что «главныя черты происшествій въ нихъ до того вѣрно схвачены, ихъ причины и тайныя начала такъ ясно изображены, что всюду исторія въ нихъ изучается изъ источника истины, какъ бы у корня самой дѣйствительности». Единственнымъ пособіемъ Шекспиру въ ихъ созданіи служила хроника Голиншеда, которая явилась въ свѣтъ между 1577 и 1587 годами, въ двухъ фолиантахъ. Какъ онъ пользовался ею, насколько отступалъ отъ нея и слѣдовалъ ей — превосходно объяснилъ Куртнэй въ своемъ отдѣльномъ сочиненіи — «Commentaries on the historical plays of William Shakespeare, 1840». Вотъ главный законъ, которому по мнѣнію Куртнэя, подчинился Шекспиръ при пользованіи

источниками хроники Голиншеда: «онъ искалъ природы и внутренней истины». Мотивы историческихъ дѣйствій онъ бралъ изъ простодушныхъ повѣствованій Плутарха; на ихъ основаніи онъ смѣло входилъ въ міръ сагъ и миѳовъ Голиншеда, и самая хроника представлялась ему сквозь свѣтлую призму естественности и природы, такъ что — чѣмъ свободнѣе и энергичнѣе творилъ Шекспиръ, тѣмъ, — какъ, на примѣръ, въ «Ричардъ III», — поэтичнѣе являлись его образы, хотя при этомъ болѣе теряли въ историческомъ достоинствѣ, — чѣмъ, напротивъ, вѣрнѣе и близко къ дѣйствительности творилъ онъ, тѣмъ болѣе его характеры, — какъ, на примѣръ, характеры въ «Ричардъ III», — выигрывали въ историческомъ смыслѣ, но тѣмъ болѣе теряли въ поэтическихъ достоинствахъ. — Рядъ этихъ историческихъ драмъ, именно: «Ричардъ III» (1593 г.), «Ричардъ II» (1597 г.), «Генрихъ IV», первая и вторая части (1596—1598 гг.), «Генрихъ V» (1599 г.), «Виндзорскія Кумушки», «Король Іоаннъ» и «Генрихъ VIII» (1604 г.), — интересенъ не менѣе фантастическихъ трагедій Шекспира, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, на примѣръ, въ «Ричардъ III», встрѣчается еще интересъ чисто *психологическій*. Эту истину доказалъ просвѣщенному міру германскій ученый Гервинусъ, въ капитальномъ сочиненіи «Shakespeare». «Историческія драмы» Шекспира составляютъ второй томъ этого сочиненія. Чтобы показать высокій интересъ и оригинальность взглядовъ ученаго, которому Я. Гриммъ, авторъ «Исторіи германскаго языка», посвятилъ свой великій трудъ, здѣсь излагаются главныя мысли Гервинуса объ исторической драмѣ Шекспира «Ричардъ III».

Теперь доказано, что еще въ 1583 г., въ Кембриджѣ, была написана докторомъ Легге латинская драма, подъ именемъ «Ричардъ III», а въ 1588 г. англійская трагедія «The true tragedy of Richard III», которая, впрочемъ, появилась въ печати годомъ позже Шекспировой. Обѣ помѣщены въ запискахъ Шекспировскаго общества, но изъ нихъ видно, что творецъ «Отелло» и «Макбета» ими почти не пользовался. «Ричардъ III» Шекспира — самобытное твореніе великаго драматурга и служитъ продолженіемъ его драмы «Генрихъ VI». Здѣсь, какъ и въ «Генрихъ III», еще не вполнѣ выдержана строго-драматическая форма. Но эта пьеса полна трагическихъ мотивовъ и сценъ, и въ ней поразительно выступаетъ міръ черныхъ злодѣяній, которыя Шекспиръ, безъ доказательствъ исторіи, сваливаетъ на Ричарда III и тѣмъ, съ такимъ горькимъ сарказмомъ, развертываетъ внутреннія отношенія своихъ героев, гдѣ мы постепенно видимъ, какъ коварный Ричардъ показываетъ падшему поколѣнію послѣдствія гражданскихъ смуть, какъ онъ, низвергнутый, возвышается, побѣждаетъ своихъ враговъ, и, почти въ мигъ торжества, самъ падаетъ и погребается подъ обломками всеобщаго разрушенія. Трагедія Шекспира основана на борьбѣ *блѣлой и алой розъ*, на соперничествѣ домовъ Іорка и Ланкастера.

Среди гражданскихъ смуть и потрясеній всего общества — выступаетъ страшный Глостеръ, съ опаснымъ сознаніемъ превосходства своихъ дарованій и съ пронизательною зоркостью взгляда на испорченность и неспособность челоуѣчества его эпохи. Въ мірѣ, гдѣ всякій добро считаетъ добромъ, онъ ложно убѣждается, что одно зло должно управлять нашими дѣйствіями; слѣпой и неблагородный эгоизмъ

возвышаетъ его надъ слабыми личностями; гордость мышленія заставляетъ его пренебрегать законами обычаевъ и нравовъ. Что свѣтъ покоряется уму и силѣ — было началомъ его макиавеллизма; онъ избралъ тронъ цѣлью своей суетности; окружающихъ его людей онъ обращаетъ въ ступени лѣстницы своего возвышенія. Англійская сцена, во всѣ времена, интересовалась этимъ созданиемъ. Въ восемнадцатомъ столѣтїи Коллей-Гибберъ вынесъ его изъ мрака забвенія. Величайшіе артисты Англїи, Борбэджджъ, Гаррикъ и Кинъ, считали Ричарда въ числѣ своихъ любимѣйшихъ ролей, что особенно удавалось двумъ первымъ, по причинѣ ихъ натуральной малорослости. Другіе артисты, какъ напримѣръ, Кембель, оставили цѣлые трактаты объ исполненїиэтого характера. Уже во время Шекспира (1614 г.) одинъ читатель, вѣроятно, Христофоръ Брукъ, сочинилъ поэму в стансахъ — «Духъ Ричарда III», которая помѣщена въ запискахъ Шекспировскаго Общества. Эта поэма тѣмъ интереснѣе, что показываетъ, какъ тогдашнее время понимало человѣчество и насколько оно старалось вникать въ духъ такихъ характеровъ, каковъ характеръ Ричарда III.

Биографія Ричарда переведена Томасомъ Муромъ съ латинской біографіи-хроники Голиншеда, который, вѣроятно, ее заимствовалъ въ свой чередъ, у архіепископа Мортонa. Въ этомъ источникѣ Шекспиръ нашелъ слѣдующія скудныя, но довольно мѣткія черты для характеристики своего героя. Ричардъ родился съ зубами, былъ безобразенъ и его лѣвое плечо было выше праваго. Злость, гнѣвъ и ненависть были его главными качествами. Онъ былъ хорошей войнѣ; былъ щедръ, что доставляло ему самыхъ многочисленныхъ, но непостоянныхъ друзей; былъ таинственъ, глубокой лицемѣръ; снаружи онъ казался смиреннымъ, внутри его бушевали кичливость и гордость; онъ былъ другомъ и врагамъ въ одно время, цѣловалъ въ тотъ самый мигъ, когда готовилъ убійство, и если пускалъ въ дѣло свое вѣроломство и тщеславіе, то не щадилъ ни враговъ, ни друзей. Шекспиръ удержалъ всѣ эти черты, — удержалъ въ самой высокой, художественной естественности и гармонїи. Его Ричардъ всюду является отличнымъ, ловкимъ краснобаемъ, съ духомъ испорченнымъ и холодно-ядовитымъ, съ острою пронизательностью взгляда, вполне такимъ, какъ его изображаетъ хроника; въ его двуличности, волокитствѣ и ухаживанїи за Анною, въ его лицемѣрныхъ фразахъ, въ его сарказмахъ и двусмысленныхъ рѣчахъ, — вездѣ проглядываетъ острый и ядовитый даръ его лукавой рѣчи. Съ наслажденїемъ смотритъ на него мстительно-жадная Маргарита. Суровый, дикій, выросшій на войнѣ и въ крови убійствъ, съ гордостью аристократа и съ проницательствомъ плута, Ричардъ является въ вѣчномъ противорѣчїи съ самимъ собою. Уже хроника выставила его съ качествами существа падшаго и дерзкаго въ своихъ злодѣянїяхъ; Шекспиръ его дорисовалъ; Ричардъ выходитъ на сцену съ духомъ переменчивымъ и необузданнымъ, въ припадкахъ бѣшенства и упорства, и тутъ же расточаетъ медовыя рѣчи; то кажется легко-откровеннымъ и поверхностно-безпечнымъ льстецомъ, то вдругъ — самымъ суровымъ и коварнымъ лицемѣромъ, злодѣемъ.

Сомнѣвались, возможны ли подобныя противорѣчїя въ одномъ лицѣ. Могъ ли человѣкъ, которому въ высочайшей степени свойственна десть, такъ далеко упасть въ суровости и свирѣпости нрава, сдѣлаться самымъ закоснѣлымъ злодѣемъ? Или, если

эта свирѣпость была его природнымъ качествомъ, могъ ли подобный извергъ быть образцомъ такого ума? Наконецъ, возможно ли было человѣку, такъ сознававшему свои силы въ достиженіи предположенной цѣли, распространять страхъ и ужасъ, и, по сказанію хроники, исполнять всѣ свои гнусныя злодѣйства, безъ природной склонности, изъ одной политики? Шекспиръ, какъ и его историческіе источники, главною пружиною дѣйствій Ричарда, основою всѣхъ его плановъ выставляютъ его заносчивое честолюбіе. Онъ поставилъ это качество въ центръ всего характера Глостера. Въ его грубой природѣ столько гордости и самолюбія, столько аристократической щепетильности, столько, наконецъ, отвращенія къ кривой лести, что онъ ползаетъ и сгибается, какъ мы видимъ, изъ одного непреклоннаго стремленія къ достиженію того мѣста, на которомъ каждый передъ нимъ долженъ склоняться. Вслѣдствіе своихъ намѣреній и плановъ, онъ дошелъ до того, что не только могъ сдѣлаться неподражаемымъ плутомъ, но еще могъ скрывать свое плутовство и свои цѣли. Лицемерство онъ довелъ до высшей степени, такъ что онъ является иногда преслѣдуемымъ и угнетеннымъ тамъ, гдѣ онъ самъ всѣхъ угнетаетъ и уничтожаетъ, — и разыгрываетъ роль труса въ то время, когда его ненависть разить самымъ отчаяннымъ и коварнымъ ударомъ; — такъ что артистъ-актеръ долженъ непременно различать, гдѣ его сила природна и гдѣ она въ своемъ дѣйствіи только принятая роль. Наконецъ, онъ доводитъ свое лукавство до *non plus ultra*, до того, что онъ, ужасъ людей, принимается въ свѣтѣ за кроткаго и милосерднаго, за добродѣтельнаго, что онъ, тѣломъ и душою демонъ-предатель, является въ образѣ праведника, и что его врагъ, какъ, напримѣръ, Риверсъ, вѣритъ въ его честность; прямой человѣкъ, какъ Гэстингсъ, вѣритъ въ неспособность его скрытности; Анна замѣчаетъ въ немъ возвратъ къ раскаянію, а падающій Кларенсъ вѣритъ въ его братскую любовь... На послѣднихъ ступеняхъ къ достигаемой цѣли состязается съ Бокингэмомъ въ лицемерствѣ и побѣждаетъ его...

Слабы нити, посредствомъ которыхъ характеръ Ричарда связывается съ добрыми сторонами человѣческой природы; не найди Шекспиръ этого характера въ достовѣрныхъ скрижаляхъ исторіи, онъ, можетъ-быть, не рѣшился бы, позднѣе, воспроизвести его въ типахъ Эдмунда и Яго. Шекспиръ старался сдѣлать какъ можно болѣе интереснымъ этотъ характеръ, и потому такъ развилъ въ немъ его злую сторону... Невѣроятно при этомъ встрѣтить въ демонѣ пороковъ, въ дерзкомъ Ричардѣ, — черту совершенно неожиданную: герой зла подверженъ припадкамъ *суевѣрія!* Когда Маргарита (I актъ, 3 сцена) осыпаетъ его проклятіями, Глостеръ старается ее прервать различными словами и обратить ея проклятія на нее же. Одинъ предсказатель объявилъ ему смерть послѣ его свиданія съ Ричмондомъ, и это уже тяготитъ его. Хроника говоритъ, что онъ выходилъ изъ себя, когда слышалъ имя Ричмонда. Шекспиръ удержалъ эту черту. Внутренніе голоса, днемъ связывающіе его совѣсть и волю, вырываются наружу въ полночь, когда спятъ его нравственныя силы; злодѣя томятъ ужасные сны... Наканунѣ его битвы съ Ричмондомъ (также по сказанію хроники), передъ нимъ являются духи убитыхъ имъ жертвъ и терзаютъ его угрозами и упреками... Ричардъ просыпается въ испугѣ, и, обливаясь холоднымъ потомъ, кричитъ отрывистыя слова и въ бреду чуть не выдаетъ самого себя...

Въ роли Ричарда — актеру предстоитъ тѣмъ самымъ непреодолимымъ трудностей. По словамъ Стивенса, не то здѣсь затруднительно, что артистъ долженъ безпрестанно мѣнять въ себѣ образы героя и шарлатана, государственнаго человѣка и буффо, лицемѣра и разбойника, не то здѣсь трудно, что онъ долженъ ежеминутно извертываться между высочайшими страстями и самымъ фамиллярнымъ тономъ рѣчи, между красными словами — то грубаго солдата, то лукаваго политика и льстиваго придворнаго и между угрозами взбѣшеннаго пирата; наконецъ, не въ тонкой обрисовкѣ движеній или мимической и риторической художественной діалекціи состоятъ трудности выполненія характера Ричарда, но въ томъ, что артисту должно найти основныя начала всѣхъ этихъ разнообразностей и соединить ихъ плотью гармоніи. Ричардъ — это Протей превращеній. Самый лучший выразитель его роли до сихъ поръ былъ и есть — самъ Шекспиръ... Для величайшихъ актеровъ онъ всегда былъ Гордіевымъ узломъ.

Въ трагедіи — остальные лица, какъ и въ раннихъ произведеніяхъ Шекспира, группируются вокругъ главнаго дѣйствующаго характера; одна и та же идея связываетъ ихъ съ страшнымъ героемъ. Сверхчеловѣческимъ силамъ Ричарда прежде всего противопоставляются женщины — во всей ихъ женственной слабости и безсиліи. *Анна*, которую онъ въ началѣ покоряетъ оружіемъ своего лицемѣрія, возбуждаетъ скорѣе участіе, нежели презрѣніе; она ненавидитъ и выходитъ замужъ; она проклинаетъ ту, которая станетъ женою убійцы ея мужа, и сама подпадаетъ этому проклятію и, ставши его супругою, входитъ снова, невольно, въ ряды враговъ своего новаго мужа... Рѣдко выводили сцену, полную такихъ невѣроятностей, какова сцена, гдѣ Анна играетъ главную роль, и ея характеръ выходитъ неожиданно и какъ бы мимоходомъ, снова исчезнувъ въ своемъ проявленіи до конца пьесы, но блеснувъ всею роскошью красокъ, женскою кичливостью, самолюбіемъ, слабостью и кокетливостью рѣчи; подобное явленіе мы видимъ еще въ трагедіи «Эфесская Матрона»... Не надобно забывать, впрочемъ, что убійство ея мужа частью оправдывается неизбѣжнымъ зломъ всякой гражданской войны и долгомъ воинской чести...

Не менѣе остроумно выступаетъ, въ противоположность характеру Глостера, простодушіе Гэстингса. Онъ добросердеченъ, вѣренъ чувству добра, болтливъ, честенъ, чуждъ всякаго лукавства; онъ вѣритъ Кэтзби столько же, сколько и Ричарду; онъ торжествуетъ съ неосмотрительною радостью при паденіи своихъ враговъ, тогда какъ ему грозитъ подобная же участь; онъ подаетъ въ совѣтъ свой голосъ за Глостера, за своего чуждаго и вѣрнаго друга, и не видитъ, что тотъ уже подписалъ его смертный приговоръ. Вся сцена (III актъ, 4 сцена), въ которой это происходитъ, даже въ подробностяхъ характеристической рѣчи, заимствована изъ хроники. Иначе Шекспиръ выставилъ Бракенбери; — здѣсь онъ основывался единственно на силѣ своего воображенія, и потому этотъ послѣдній исторически играетъ совершенно другую роль, нежели въ трагедіи. Являясь лицомъ вполнѣ страдательнымъ, какъ Кэтзби и Тирроль характерами дѣйствующими, онъ вѣчно вызываетъ Ричарда къ дѣйствіямъ, вызываетъ его планы и намѣренія, — безъ чего послѣдніе, повидимому, не получили бы такого энергическаго полета. Самымъ главнымъ орудіемъ Глостеру служить его креатура — Бокингэмъ... Онъ выставленъ съ нимъ рука объ руку, какъ

его близкое и дивно-схожее отраженіе, какъ копія его честолюбія и лицемѣрія. Другъ у друга они заимствуютъ и оба вмѣстѣ стремятся къ одной цѣли — къ возвышенію. Здѣсь — ихъ природная, нравственная связь. Въ Бокингэмѣ, въ его сходствѣ съ Ричардомъ, Шекспиръ примиряетъ противоположности въ характерѣ своего героя и рѣзкое различіе въ типахъ второстепенныхъ лицъ, сгруппированныхъ около Глостера. Онъ помогаетъ своему патрону возвыситься — и, подобно ему и его продѣлкамъ, дивно скрываетъ свою атаку... Сама Маргарита въ началѣ считаетъ его невиннымъ; ея проклятія не касаются его; онъ не вѣритъ имъ, но, подобно Глостеру, сомнѣвается въ своихъ убѣжденіяхъ и радуется, что страшная женщина извлекаетъ его изъ круга тѣхъ, на которыхъ обрушаетъ свои заклинанія, и что она протягиваетъ ему руку помощи. Вездѣ, въ добрѣ и злѣ, онъ рисуется за Ричардомъ — на второмъ планѣ. — Совершенная противоположность Бокингэму — Стэнли. Это настоящій льстецъ и лицемѣръ; внѣ своей главной сферы онъ не признаетъ ничего, и, подобно Елисаветѣ, поражаетъ Ричарда его же оружіемъ, Будучи въ родствѣ съ Ричмондомъ, онъ уже съ самаго начала принялъ мѣры предосторожности, и изъ врага дѣлается другомъ королевы Елисаветы; его глазъ видитъ всюду; сама исторія изумляется, какъ Ричардъ, будто ослѣпленный самимъ небомъ, могъ обмануться въ этомъ человѣкѣ?.. Шекспиръ оправдываетъ истину тѣмъ, что даетъ Стэнли одно оружіе съ Ричардомъ; равенствомъ природной ловкости — онъ надолго оспариваетъ побѣду у Глостера...

Разсмотрѣвъ эти стороны, объяснивъ положенія лицъ, сгруппированныхъ около сверхъестественнаго характера героя трагедіи, мы должны замѣтить, что поэтъ искалъ еще большихъ крайностей, чтобы со всѣхъ сторонъ вполнѣ освѣтить и уяснить этотъ характеръ. Онъ противопоставляетъ его счастью, его возвышенію — горести и паденія; его глубокому лицемѣрію — безпечность и добродушіе; его кровожадности — беззаботное самодовольство, которое издѣвается надъ самою смертию. — Все это объясняется появленіемъ *Маргариты*.

Маргарита была вдовою короля Генриха Шестого; она однажды вернулась изъ Франціи, куда была сослана, на материкъ Англій — въ одеждѣ нищей... Обезоруженная, съ убитымъ самолюбіемъ, она издѣвается надъ опасностями, надъ самою смертию, которая ей грозитъ за нарушеніе закона; она врывается въ кругъ своихъ враговъ и, будучи не въ силахъ повелѣвать и управлять ими, не имѣя возможности скрыть своей внутренней бури, она въ безуміи и бѣшенствѣ расточаетъ безпощадныя, предсказательныя проклятія, развертываетъ во всей наготѣ страшную истину и, какъ труба суда Божія, — гремитъ и поражаетъ отступниковъ правды, своихъ бездушныхъ гонителей. Эти слова имѣютъ болѣе силы и огня, чѣмъ всѣ злодѣянія Ричарда, и жажда ея мщенія неукротима: она неукротимѣе и ненасытнѣе, чѣмъ вся страшная жажда честолюбія, грызущаго гнусную душу Глостера. Сочинитель хроники замѣчаетъ, при описаніи смерти сына Маргариты, что всѣ, бывшіе при этой кончинѣ, позднѣе испили одинаковую чашу, «вслѣдствіе заслуженной справедливости и карающаго наказанія Божія...» Шекспиръ этотъ судъ олицетворилъ въ суровой Маргаритѣ и ея проклятійхъ. Она прокляла Эдуарда, и Эдуардъ скоропостижно умираетъ; ея проклятія сбываются и на несчастномъ Кларенсѣ, который сражался за домъ Ланкастеровъ; они сбываются и на Гэстингсѣ, и на Елисаветѣ, которая подъ конецъ, въ самомъ дѣлѣ, остается безъ брата, безъ мужа

и безъ дѣтей, и на лукавомъ Бокингэмѣ... Ричардъ также, наконецъ, дѣлается жертвою ея проклятій... Бокингэмъ измѣняетъ ему, — это ему предсказала Маргарита. Самъ Ричардъ (IV актъ, 4 сцена), въ дерзкомъ безвѣрїи, накликаетъ на свою голову судъ Божїй... Наконецъ, его родная мать, Герцогиня Йоркская, которую поэтъ выставилъ въ срединѣ — между Елисаветою и Маргаритою — и надѣлилъ ее качествами этихъ обѣихъ, говоритъ ему (IV актъ, 4 сцена), что ея молитвы будутъ на сторонѣ его враговъ; она восклицаетъ: «Да будутъ мои проклятїя, въ день роковой, послѣдней битвы, на головѣ твоей тяжелѣе твоего желѣзнаго шлема!» И картины движутся, какъ живыя, и все идетъ, какъ на яву, и страшный конецъ неотразимъ, Кара небесная, какъ ужасный ураганъ, охватываетъ всѣхъ и несетъ къ гибельной цѣли... «Lascinate ogni speranza voi clie intrate!..» Послѣдняя туча разсѣянной бури, лицемѣрный и ехидный Бокингэмъ восходитъ на эшафотъ. — «Всевышній, надъ Промыслѣмъ котораго я издѣвался, — восклицаетъ онъ, — обрушилъ мою лицемѣрную молитву на мою голову; онъ далъ мнѣ по святой правдѣ то, о чемъ я просилъ въ шутку!» Послѣднія слова трагедїи, которыя Шекспиръ влагаетъ въ уста Ричмонда, человѣка, осчастливленнаго волею небеснаго Промысла — «God say amen!» — примиряютъ наше чувство съ идеею всей драмы, богатой такими многообразными подробностями.

«Ричардъ III» въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ переведенъ на русскій языкъ — стихами, съ французскаго перевода Шекспира {Переводъ покойнаго актера *Брянскаго*, шедшій долго на сценахъ нашихъ театровъ.}. Въ 1842 году эта драма явилась у насъ въ третьей части переводовъ Шекспира—Кетчера. Послѣдній перевелъ ее слово-въ-слово и со многими примѣчанїями, съ англїйскаго, — въ прозѣ.

Предлагаемый здѣсь переводъ сдѣланъ также съ англїйскаго языка стихами, какъ и позднѣйшїй А. В. Дружинина.

Слѣдуетъ прибавить нѣсколько словъ объ *извѣстнѣйшихъ актерахъ, выполнявшихъ*, въ разныя времена, роли въ этой драмѣ.

Драма, особенно драма Шекспира, теряетъ половину своихъ достоинствъ, если она не представляется на сценѣ театра; актеръ-художникъ дополняетъ, животворитъ идеи поэта, выясняетъ ихъ, даетъ имъ гармоническую плоть и дѣлаетъ ихъ доступными органамъ зрителей. — Такъ иногда, при жизни своей, поэтъ бываетъ гораздо менѣе славенъ, чѣмъ актеръ, выполняющій его созданїя; послѣднему зритель приписываетъ свои сердечныя движенїя, свое наслажденїе; послѣдній, подобно гальскому Геркулесу, приковываетъ къ своимъ устамъ цѣлый народъ своихъ поклонниковъ. Но, увы! приходитъ роковая, безвозвратная пора, и этотъ голосъ, этотъ могучій голосъ — смолкаетъ навсегда: завѣса другого міра падаетъ между нами и актеромъ. — Отъ него, какъ отъ исполнителя-музыканта, какъ отъ пѣвца, какъ отъ прелестной танцовщицы, остается одно: звукъ его имени и нѣсколько лучей славы! Произведенїя его исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ его жизнью, которая иногда десятки лѣтъ увлекаетъ цѣлыя поколѣнїя и цѣлыя современности наполняетъ новыми эстетическими началами. И едва-едва остаются отъ всей его личности

немногіе слабыя отголоски, немногія преданія, выраженные слабымъ, бесплоднымъ словомъ.

Ни одинъ поэтъ столько не сдѣлалъ для актеровъ, сколько сдѣлалъ Шекспиръ; ни одинъ изъ писателей-драматурговъ не создалъ такого множества характеровъ, типовъ, которые живутъ самостоятельною жизнью и совершенно овладѣваютъ нашимъ воображеніемъ. Большая часть актеровъ приобрѣтала свою славу исполненіемъ ролей Шекспира. — Скажемъ о нѣкоторыхъ изъ болѣе прославленныхъ, въ отношеніи къ «Ричарду-Третьему». — *Беттертонъ*, по словамъ записокъ Коллея-Гиббера, «былъ единственнымъ человѣкомъ, который еще могъ играть роли созданій Шекспира, такъ точно, какъ Шекспиръ одинъ только и могъ писать для сцены...» Главное достоинство Беттертона было: разнообразіе игры и примѣненіе своей артистической личности къ личности каждой изъ играемыхъ имъ ролей... Въ «Ричардѣ-Третьемъ» съ нимъ могъ соперничать одинъ Кинъ. Коллей о немъ выражается такъ: «въ роляхъ, созданныхъ не Шекспиромъ, онъ превосходилъ всѣхъ другихъ актеровъ; въ Шекспировскихъ же твореніяхъ онъ превосходилъ самого себя». — Онъ родился въ 1683 году, умеръ въ 1710. — *Гаррикъ* — былъ знаменитъ въ роли «Ричарда-Третьяго», въ «Лирѣ» и «Макбетѣ». — Онъ родился въ 1716 году, умеръ въ 1779 году, и происходилъ отъ французской фамилии. Англичане его ставятъ выше всѣхъ своихъ актеровъ; природа, естественность и разнообразіе были его главными качествами. Будучи самъ сочинителемъ, Гаррикъ всю свою жизнь разрабатывалъ творенія Шекспира. Онъ иногда передѣлывалъ роли Шекспира, оправдываясь желаніемъ приблизить ихъ къ духу своей эпохи. Упрекъ этотъ, впрочемъ, исчезаетъ при мысли о достоинствахъ Гаррика: онъ возвратилъ своею игрою всю популярность Шекспиру, которую этотъ послѣдній потерялъ съ той поры, какъ англійская сцена лишилась Беттертона. Онъ поочередно былъ то страшень, то благородень, то патетичень, то страстенъ; и никогда актеру столько не изумлялись и не аплодировали, сколько изумлялись и аплодировали Гаррику. По его смерти, Англія воздала ему почести великихъ людей, и онъ былъ похороненъ въ пышномъ склепѣ Вестминстерскаго аббатства. — Роли *Маргариты* и *Елисаветы* въ «Ричардѣ Третьемъ» со славою исполняла мистриссъ *Притчардъ*. Она первая замѣнила собою молодыхъ актеровъ, которые до нея обыкновенно выполняли всѣ женскія роли Шекспира. Она также неподражаемо играла роли милэди Макбетъ, королеву въ «Гамлетѣ» и «Екатерину» въ «Генрихѣ Восьмомъ». Мистриссъ Притчардъ родилась въ 1711 году, умерла въ 1768 году. — Послѣ этихъ именъ мы можемъ назвать *Кука*, которому было уже сорокъ-пять лѣтъ отъ роду, когда онъ, въ 1801 году, на Кавентъ-Гарденскомъ театрѣ, дебютировалъ въ роли короля «Ричарда-Третьяго»... Ему аплодировалъ самъ Кембль. Будучи красивъ собой, Кукъ отличался, главнымъ образомъ, неподражаемымъ выраженіемъ ненависти, зависти, хитрости и ѣдкой ироніи... Онъ ѣздилъ играть въ Соединенные Штаты, гдѣ въ Нью-Йоркѣ, въ 1812 году, и скончался, на пятьдесятъ-восьмомъ году отъ рожденія, — Но славнейшимъ изъ исполнителей роли «Ричарда Третьяго» былъ *Кинъ*. *Эдмондъ Кинъ* владѣлъ удивительными качествами. — Иногда онъ впадалъ въ тривіальность и уже въ слишкомъ изступленную энергію гнѣва и горячности... Но безъ этого онъ былъ благородень, высокъ и изящень, «Ричардъ Третій» и «Шейлокъ» были главными его

ролями. Ричардъ Третій, изъ котораго онъ дѣлалъ безобразнаго Донъ-Жуана, росъ мгновенно и становидся почти гигантомъ, едва надъ нимъ распададася туча опасности. Вся зала потрясалася электрическимъ ударомъ, когда онъ кричалъ: «Коня! коня! все царство за коня!» — Кинъ, подобно всѣмъ англійскимъ актерамъ, въ совершенствѣ владѣлъ шпагою и рапирою... Поэтому въ роли Ричарда онъ растягивалъ съ умысломъ послѣднюю сцену своей борьбы съ Ричмондомъ и умиралъ, показавъ вполнѣ свое искусство владѣть оружіемъ, Кинъ оставилъ сына, но его сынъ вовсе ее имѣеть таланта своего отца. Въ новѣйшее время исполненіемъ роли Ричарда III прославились итальянскіе трагики Сальвини и Росси.

Изъ нашихъ актеровъ *Мочаловъ* исполнялъ въ Москвѣ роль «Ричарда Третьяго» и былъ неподражаемъ въ пятомъ актѣ; этотъ пятый актъ, подъ именемъ «Сна короля Ричарда Третьяго» — въ послѣдніе годы жизни Мочалова давали обыкновенно отдѣльно.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Король Эдуардъ четвертый.

Эдуардъ, принцъ Валлійскій, |
} сыновья его.

Ричардъ, герцогъ Йоркскій, |

Ричардъ, герцогъ Глостеръ, |
} братья его.

Георгъ, герцогъ Кларенсъ, |

Малолѣтній сынъ Кларенса.

Генрихъ, графъ Ричмондъ.

Кардиналъ Борчеръ, архіепископъ кэнтерберійскій.

Томасъ Росерамъ, архіепископъ йоркскій.

Джонъ Мортонъ, епископъ элійскій.

Герцогъ Бокингэмъ.

Герцогъ Норфолькъ.

Графъ Серри, сынъ его.

Графъ Риверсъ, братъ жены короля Эдуарда.

Маркизь Дорзетъ и Лордъ Гремъ, сыновья его.

Графъ Оксфордъ.

Лордъ Гэстингсъ.

Лордъ Стенли.

Лордъ Ловель.

Сэръ Томасъ Вогень.

Сэръ Ричардъ Радклифъ.

Сэръ Вилльямъ Кэтзби.

Сэръ Джемсъ Тиррель,

Сэръ Джемсъ Блентъ.
Сэръ Вальтеръ Гербертъ.
Сэръ Робертъ Бракенбери, комендантъ Тоуэра.
Христофоръ Орзвикъ, священникъ.
Лордъ-Меръ Лондона.
Шерифъ Вильширскій.
Елисавета, жена Эдуарда Четвертаго.
Маргарита, вдова умершаго короля Генриха Шестого.
Герцогиня Йоркская, мать короля Эдуарда Четвертаго, Глостера и Кларенса.
Лэди Анна, вдова Эдуарда, принца Валлійскаго.
Маленькая дочь Кларенса.
Лорды. Свита. Джентльмены. Священникъ. Писецъ. Граждане. Убийцы. Гонцы. Духи.
Солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лондонъ. — Улица. (Входитъ Глостеръ).

Глостеръ. — Зима усобицъ нашихъ обратилась
Въ блистательное лѣто солнцемъ Юрка:
Потоплены въ пучины океана
Нависшія надъ нами тучи.
Побѣда увѣнчала чела наши.
Трофеями виситъ побѣдное оружье.
Веселый пиръ смѣнилъ свирѣпость битвы,
И плясокъ звукъ — звукъ маршей заглушилъ!
Суровый бой чело свое разгладилъ,
И на коняхъ, закованныхъ въ желѣзо,
Не носится, пугая души робкихъ;
Онъ весело въ покояхъ лэди пляшетъ,
Подъ звуки льстиво-сладолюбивой лютни...
И только я, къ игрушкамъ неспособный,
Несозданный для зеркала уродъ,
Я, такъ топорно срубленный, лишенный
Любовныхъ чаръ, таинственныхъ и сильныхъ,
Передъ вертлявостью кокетокъ-нимфъ;
Я, въ красотѣ мужчины обдѣленный,
Физиономіи лишенный отъ природы,
Уродъ я недодѣланный, до срока
Я выброшенъ на свѣтъ, какъ недоносокъ,

Едва поконченный, и то такой красивый,
Что на меня собаки лаютъ, чуть
Предъ ними гдѣ заковыляю; только я, —
Въ изнѣженно-пустое время это,
Отрады жить совсѣмъ не нахожу, —
За исключеніемъ, конечно, созерцаніи
На солнцѣ тѣни собственной своей,
Да разсужденій о своемъ уродствѣ.
И вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ я но въ силахъ быть
Любовникомъ, — любимцемъ пошлой моды,
Я быть хочу злодѣемъ, я рѣшился
Преслѣдовать отраду жизни смертныхъ!..
Разставилъ я губительныя сѣти,
Пророчества безумцевъ, письма, сны, —
Въ смертельный бой поставятъ короля
И Кларенса; и если Эдуардъ
Король — правдивъ и такъ же вѣренъ долгу,
Какъ я хитеръ, лукавъ и вѣроломъ, —
Сегодня-жъ Кларенсъ будетъ въ заключеніи,
Изъ-за пророчества, что буква — Г
Обезнаслѣдитъ племя Эдуарда!..
Но вотъ и онъ: сокройтесь всѣ расчеты!..

(Входитъ Кларенсъ со стражей и Бракенбери).

А! здравствуй, братъ! Что значить эта стража
Вокругъ тебя, съ оружіемъ въ рукахъ?

Кларенсъ. — Его величество, забота съ сердцемъ

О сохраненіи моемъ, велѣль

Ей проводить меня конвоемъ въ Тоуэръ.

Глостеръ. — За что?

Кларенсъ. — За то, что я зовусь — Георгомъ.

Глостеръ. — Ай-ай, милордъ! Но, ваша-ль въ томъ вина?

Отцовъ сажать въ тюрьмы за имя надо.

Ужъ не задумалъ ли король для васъ

Устроить въ Тоуэрѣ опять крестины?..

Безъ шутокъ, Кларенсъ, можно-ль знать, въ чемъ дѣло?

Кларенсъ. — Да, Ричардъ, если-бъ зналъ я; но клянусь

Тебѣ, не знаю: говорятъ, онъ снамъ

И предсказаньямъ вѣритъ, говорятъ,

Вездѣ изъ алфавитовъ букву Г

Вычеркиваетъ, ибо это Г,

По предсказаніямъ, лишитъ потомства

Его фамилію должно; мое —

Георга имя — букву Г въ началѣ

Имѣть; и за то меня врагомъ
Король возмнилъ... и вотъ какіе вздоры
Составили приказъ — идти мнѣ въ Тоуэръ.

Глостеръ. — И такъ всегда бываетъ, только баба
Осилитъ человѣка! Не король,
А лэди Грей. жена его, вась, Кларенсъ,
Несправедливо въ Тоуэръ посылаетъ.
И не она-ль, иль не ханжа-ль смиренный,
Антоній Вудвиль, братъ ея, рѣшили
И лорда Гэстингса забросить въ Тоуэръ,
Откуда тотъ сегодня только выйдетъ?
Не безопасны мы; да, Кларенсъ, мы —
Не безопасны!.. —

Кларенсъ. — Небомъ я клянусь,
Здѣсь никого на полѣ нѣтъ; свободны —
Родня лишь королевы, да гонцы
Отъ короля, къ красоткѣ Шоръ. Вы, вѣрно,
Слыхали, какъ ее постыдно-рабски
Просилъ лордъ Гэстингсъ о своей свободѣ!

Глостеръ. — Покорныя воззванья къ божеству
Вернули волю лорду-камергеру.
Сказать ли? намъ одно осталось средство
Приобрѣсти любовь монарха, — это
Ужъ разомъ надѣвать ливрею Шоръ
И поступать на службу къ ней скорѣе;
Она, съ каргою старой, королевой —
Теперь въ странѣ сильнѣйшія особы.

Бракенбери. — Прошу обоихъ вась мнѣ извинить:
Его величество строжайше всѣмъ
Имѣтъ бесѣды тайныя съ милордомъ,
Съ кѣмъ онъ ни говорилъ бы, — запретилъ.

Глостеръ. — Что-жъ, если вамъ угодно, Бракенбери,
Вы можете войти въ бесѣду нашу.
Не объ измѣнѣ рѣчь: мы говоримъ,
Что мудръ король, что королева наша
Немножко хоть стара, за то добра,
И хороша, и вовсе неревнива;
Мы говоримъ, что у супруги Шоръ —
Вишневый ротикъ, прелестъ — ножка, бойкій
Языкъ, и глазъ презоркій; *что* въ дворянство
Возведены родные королевы...
Ну, что же, сэръ? Ужли все это ложь?..

Бракенбери. — До этого мнѣ, лордъ, нѣтъ дѣла.

Глостеръ. — Какъ?
Нѣтъ ничего, что можно бѣ съ мистриссъ Шоръ
Вамъ сдѣлать? Пусть такъ думаютъ другіе,
Одинъ же человѣкъ въ секретѣ держитъ
Безсилъе это съ ней...

Бракенбери. — Кто-жъ онъ, одинъ?..

Глостеръ. — А мужъ ея, бездѣльникъ! Донеси
Теперь на насъ...

Бракенбери. — Простите, ваша свѣтлость,
И кончите вашъ разговоръ съ милордомъ.

Кларенсъ. — Твой долгъ извѣстенъ намъ, и мы внимаемъ
Тебѣ.

Глостеръ. — Мы — королевины рабы! —
Прощайте, братъ, я къ королю спѣшу;
И что бы вы мнѣ къ нему ни поручили, —
Хотя-бъ назвать сестрою Эдуарда
Вдову, — на все готовъ я, только-бъ вамъ
Вернуть свободу. Болѣе, чѣмъ вы
Предполагаете, — измѣна брата
Убійственна мнѣ.

Кларенсъ. — Знаю! — намъ обоимъ
Она не по сердцу...

Глостеръ. — Но вамъ недолго
Сидѣть въ тюремѣ; я васъ освобожу,
Иль сяду самъ туда. Терпѣнье только!

Кларенсъ. — Сперплю! терпѣть мы всѣ должны; прощайте.

(Уходитъ съ Бракенбери и стражей).

Глостеръ. — Ступай, оттуда не легко вернуться,
Простякъ и глупый Кларенсъ! — Я тебя
Люблю, поэтому скорѣе душу
Твою отправляю въ небо, если этотъ
Подарокъ небо приметъ отъ меня.
Но кто тамъ? А, освобожденный Гэстингсъ!.. *(Входитъ Гэстингсъ).*

Гэстингсъ. — День добрый вамъ, почтенный лордъ.

Глостеръ. — И вамъ, лордъ-камергеръ, того-жъ желаю.
Радъ видѣть васъ я снова на свободѣ.
Ну, что, какъ вы сносили заключенье?..

Гэстингсъ. — Терпѣль, милордъ, какъ терпитъ всякій узникъ.
Теперь же я спѣшу благодарить
Доставившихъ мнѣ прелесть заточенья.

Глостеръ. — О, да! какъ разъ! и Кларенсъ вамъ поможетъ.
У васъ съ нимъ общія дѣла, его
Враги и васъ такъ злобно сокрушили.

Гэстингсъ. — Бездушные! закабалить орла,
Тогда какъ коршуны на волѣ грабятъ!

Глостеръ. — Что новаго — на воздухѣ?

Гэстингсъ. — Внѣ дома
Не лучше, что и въ самомъ домѣ: слабѣ
Король и хворь, и удрученъ тоской,
И страшно трусятъ за него врачи.

Глостеръ. — Клянусь Петромъ, плохая ваша новость!
Долгонько нашъ король не зналъ діэты
И свѣше силъ себя ужъ истощалъ!
Невесело объ этомъ и подумать.
Гдѣ онъ теперь? въ постели?

Гэстингсъ. — Да, въ постели.

Глостеръ. — Иди-жъ, я за тобою вслѣдъ къ нему! (Гэстингсъ уходитъ).
Ему не жить, увѣренъ я; Георга-жъ
Онъ, умирая, на небо ушлетъ;
Скорѣе къ Кларенсу — въ немъ подозрѣнье
Воспламенить лукавой клеветой;
И если я не ошибаюсь въ планахъ,
Не жить до-завтра Кларенсу: тогда —
Прими, Господь, и душу Эдуарда,
Меня-жъ оставь стараться въ этомъ мірѣ;
Здѣсь Варвикову дочь возьму я въ жены!
Но я убилъ ея отца и мужа?!
Что-жъ?.. Дать собой ей мужа и отца
Опять — не значить ли ее утѣшить?..
И я исполню это! — Безъ сомнѣнья —
Не изъ любви, — изъ лучшей, важной цѣли...
А цѣли мнѣ достигъ лишь этой связью!
Однако-жъ я спѣшу на рынокъ прежде
Коня! Еще и Кларенсъ живъ, и самъ
Король живетъ и править!.. Уберутся,
Тогда считать начнемъ мы барыши.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тамъ же. Другая улица. — Несутъ гѣло короля Генриха Шестого въ открытомъ
гробѣ. Джентльмены съ алебардами охраняютъ его. За нимъ лэди Анна, —
плачущая.

Анна. — Поставьте на-земь вы честную ношу.
Коль въ гробѣ можетъ укрываться честь;
Посѣтовать мнѣ дайте о кончинѣ
Ланкастера безвременно-печальной!
Холодный ликъ святого короля!

Безкровные останки крови царской!
Поблеклый прах Ланкастерова дома!
Да внемлетъ тѣнь твоя рыданьямъ Анны,
Супруги сына твоего, — любимца,
Пронзеннаго одной съ тобой рукою!
Смотри, безпомощнымъ бальзамомъ глазъ
Я орошаю раны — окна смерти...
Проклятiе рукъ, ихъ отворившей,
Кровь источившей! — О, да разразится
Надъ нимъ, убійцею твоимъ, несчастье
Ужаснѣе всего, что пожелать
Могу я жабамъ, паукамъ, ехиднамъ,
Всѣмъ злобнымъ, пресмыкающимся гадамъ!
И если станетъ онъ отцомъ, — пусть будетъ
Дитя его уродомъ, прежде срока
Рожденнымъ, — видъ котораго, ужасный
И дикій, мать родную испугалъ бы!..
И да наслѣдуетъ его онъ звѣрство!
Когда-жъ возьметъ себѣ жену онъ, пусть
Она несчастнѣй жизнью мужа будетъ,
Чемъ я кончиной мужа и твоею!
Теперь идите съ вашей ношей въ Чертзи,
Берите гробъ и, если притомитесь,
Поставьте на-земь, я-жъ своимъ стенаньемъ
Послѣднiй долгъ воздамъ святому праху (*Носильщики
поднимаютъ тѣло и несутъ его далѣе. Входитъ Глостеръ*).

Глостеръ. — Эй, вы! стой, — на-земь опускайте гробъ!

Анна. — Какой колдунъ косматый сатану
Сюда наслалъ мѣшать святымъ обрядамъ?

Глостеръ. — Спускайте трупъ, бездѣльники! иль Павломъ
Клянусь, я въ трупъ васъ обращаю самихъ!

Первый джентльменъ. — Лордъ, пропустите гробъ, посторонитесь.

Глостеръ. — Собака дерзкая! велятъ — такъ стой!
Прочь алебарду отъ груди моей,
Иль, Павломъ я клянусь, за дерзость
Ногами растопчу тебя, бездѣльникъ. (*Носильщики ставятъ гробъ на
землю*).

Анна. — Какъ?! вы трепещите? вы испугались?
Нѣтъ, — я винить не смѣю васъ, вы смертны,
А взорамъ смертныхъ демона не вынести
Исчезни ты, палачъ ужасный ада!
Ты власть имѣлъ надъ тѣломъ этой жертвы,
Пе властенъ ты въ ея душѣ: исчезни!

Глостеръ. — О, праведная, чѣмъ я прогнѣвилъ?

- Анна.** — Исчезни, ради неба, гнусный демонъ,
Не искушай насъ, богомъ заклинаю!
Ты нашу землю въ адъ преобразилъ
И воплемъ ярости се наполнилъ!
Когда собой ты въ силахъ любоваться,
Гляди, — вотъ плодъ твоей бездушной бойни.
О! посмотрите, Генриховы раны
Открылися и источаютъ кровь!..
Краснѣй, дрожи, поганый недоносокъ,
Ты эту кровь исторгъ, чуть подошелъ —
Изъ охладѣвшихъ, изъ безкровныхъ жилъ
Чудесный этотъ разлился потокъ...
Творецъ, создавшій чудо, отомсти
За кровь! Земля, упившаяся кровью,
За смерть его отмсти! Убийцу, небо,
Сожги грозой, — земля, отмсти пасть,
И поглоти его, какъ эту кровь,
Имъ истощенную, ты поглощаешь!
- Глостеръ.** — Законъ Христовъ вы позабыли, лэди,
Законъ — платить за зло благословеньемъ.
- Анна.** — Не знаешь ты ни божьихъ, ни людскихъ
Законовъ; звѣрь не чуждъ ихъ состраданья.
- Глостеръ.** — Я — чуждъ его, и потому не звѣрь.
- Анна.** — О, диво! демонъ истину промолвилъ.
- Глостеръ.** — Еще чуднѣе, — разсердился ангель.
Божественное совершенство Евы,
Позволь мнѣ предъ тобою оправдаться
Въ злодѣйствахъ, возводимыхъ на меня.
- Анна.** — Несовершенство гнусное Адама,
Позволь мнѣ тутъ же проклинать тебя
За несомнѣнныя твои злодѣйства.
- Глостеръ.** — Прелестница, красивѣй всѣхъ рѣчей,
Придетъ пора, меня ты оправдаешь!
- Анна.** — Уродъ, ужаснѣй всѣхъ терзаній сердца,
Повѣсившись — тѣмъ можешь извиниться.
- Глостеръ.** — Такимъ поступкомъ обвиню себя.
- Анна.** — За то, отчаявшись, прощенье, извергъ,
Получишь ты, отмстивъ себѣ достойно —
За всѣхъ, тобой убитыхъ неповинно!
- Глостеръ.** — Клянусь тебѣ, я ихъ не убивалъ!
- Анна.** — Тогда они и не были-бъ убиты;
Но — нѣтъ ихъ, и виной тому ты, —
Палачъ!
- Глостеръ.** — Не умерщвлялъ я твоего

Супруга.

- Анна. — Значить, живъ онъ?
Глостеръ. — Нѣтъ, убить.
Но онъ убить рукою Эдуарда.
Анна. — Ты лжешь своею гнусной глоткой: твой мечъ
Въ его крови дымился. Маргарита
Свидѣтель въ томъ, — твой мечъ, тобой однажды
И на нее направленный при братьяхъ.
Глостеръ. — Я вызванъ былъ ея же клеветой
И умысломъ — взвалить вину чужую
На плечи мнѣ, невинному ни въ чемъ.
Анна. — Ты вызванъ былъ твоимъ кровавымъ духомъ,
Который грезитъ объ однихъ убійствахъ,
Кто-жъ Генриха убилъ? ты?
Глостеръ. — Я, — согласенъ.
Анна. — Согласенъ, ежъ? — Такъ согласишься же, Боже,
Отмстить тебѣ за это злое дѣло!
О! Генрихъ былъ такъ милосердъ, такъ кротокъ!
Глостеръ. — Тѣмъ болѣе приятенъ онъ для Бога.
Анна. — Онъ — на небѣ, тебѣ же — не бывать тамъ.
Глостеръ. — За нимъ спасибо, — я ему помогъ
Туда попасть. Ему на небѣ — мѣсто.
Анна. — Тебѣ же мѣста лучше ада нѣтъ.
Глостеръ. — Ахъ, есть одно, когда-бъ его назвать
Позволили?..
Анна. — Въ острогъ?
Глостеръ. — Въ вашей спальнѣ!
Анна. — Проклятье дому, гдѣ ты обитаешь
И спишь.
Глостеръ. — Мнѣ не найти покоя въ домѣ,
Гдѣ я, милэди, сплю одинъ, безъ васъ.
Анна. — Надѣюсь!
Глостеръ. — Именно. Но, лэди Анна,
Оставимъ сшибку легкую острогъ
И спустимся къ чему-нибудь серьезнѣй.
Кто предалъ ранней смерти Эдуарда,
Плантагенетовъ Генриха, — не правда-ль, —
Былъ смерти ихъ причина и свершитель?
Анна. — Ты былъ причиной, ты же и палачъ.
Глостеръ. — Твоя краса одна тому причина!
Она во снѣ меня томить и сушить,
И цѣлый мiръ готовъ я перерѣзать,
За часъ одинъ — пробытъ въ твоихъ объятыхъ!..
Анна. — Будь это все не ложь, клянусь, убійца,

Когтями я красу съ лица сорвала-бъ.
Глостеръ. — Я-бъ не стерпѣлъ ея уничтоженья.
При мнѣ вы ей не сдѣлали-бъ вреда:
Какъ цѣлый мѣръ живится солнцемъ, такъ
Я ею. Мнѣ она — и день, и жизнь!
Анна. — Да омрачится день твой черной ночью,
Жизнь — смертью.
Глостеръ. — Дивное созданье, ты
Себя клянeshь, — вѣдь ты же эти оба.
Анна. — Когда бы такъ, чтобъ отомстить тебѣ.
Глостеръ. — Нѣтъ ничего ненатуральнѣй мести
За то, что любятъ насъ.
Анна. — Нѣтъ ничего
Естественнѣй и справедливѣй мести —
Убийцѣ мужа моего.
Глостеръ. — Тотъ, кто
Лишилъ васъ мужа, сдѣлалъ это съ тѣмъ,
Чтобъ дать вамъ лучшаго, милэди, мужа.
Анна. — На всей землѣ нѣтъ лучшаго другого.
Глостеръ. — Есть, — тотъ, кто любитъ васъ сильнѣй его.
Анна. — Кто-жъ онъ?
Глостеръ. — Пантагенеть.
Анна. — Такъ звался мужъ мой.
Глостеръ. — Одно названье, — качества другія.
Анна. — Но гдѣ-жъ онъ?
Глостеръ. — Здѣсь. (Она плюетъ ему въ лицо).
За что-жъ плюетесь вы?
Анна. — Желала-бъ я, чтобъ это ядомъ стало!..
Глостеръ. — Изъ сладкихъ устъ не проливался ядъ!
Анна. — И никогда не попадалъ на жабу
Гнуснѣе! Прочь! ты взоръ мой заразишь!
Глостеръ. — Твои глаза — мои ужъ заразили.
Анна. — О, для чего они не василиски!
Глостеръ. — Когда бы такъ, чтобъ умереть мнѣ сразу,
А то они меня живьемъ терзаютъ.
Смотри, мои глаза — соленой влагой
Затмилися, потокомъ дѣтскихъ слезъ
Позорить ихъ твой взоръ, — когда ни разу
Тамъ не было слезинки состраданья, —
Ни въ часъ, когда отецъ мой Йоркъ и братъ
Рыдали, воплямъ Рютланда внимая,
Котораго терзалъ свирѣпый Клиффордъ,
Ни въ часъ, когда воинственный отецъ твой
Разсказывалъ о смерти моего

И двадцать разъ крѣпился, какъ дитя,
Рыдая, и у всѣхъ стоявшихъ слезы
Бѣжали по щекамъ, какъ дождь по листьямъ...
И въ этотъ часъ мой взоръ слезы не вѣдалъ!
И то, чего не выжали страданья,
Могла твоя святая прелесть вызвать!
Вѣкъ не молилъ ни друга, ни врага я,
Уста мои не знали сладкой рѣчи;
Но красота твоя мой умъ плѣнила,
И молитъ сердце, и языкъ мой плачетъ.

(Она взглядываетъ ш него съ негодованіемъ).

Не придавай устамъ твоимъ презрѣнья;
Не для него они, для поцѣлуевъ
Сотворены. Когда меня простить
Не въ силахъ ты, — вотъ мечъ, возьми его,
Пронзи имъ, если хочешь, эту грудь,
И любящую душу вырви вонъ!..
Я обнажу ее ударамъ смерти,
О смерти на колѣняхъ я взываю.

(Она подставляетъ ей грудь свою; она направляетъ на нее мечъ).

Не медли же. Я Генриха убилъ,
Но этому краса твоя виною.
Кончай, я Эдуарда умертвилъ,
Но ликъ твой ангельскій тому причиной.

(Она роняетъ мечъ).

Кого поднимешь, мечъ пли меня?

Анна. — Встань, лицемѣръ, твоей я смерти жажду,
Но палачемъ твоимъ быть не желаю.

Глостеръ. — Такъ прикажи, и я убью себя.

Анна. — Я ужъ сказала.

Глостеръ. — Это было въ гнѣвѣ.

Скажи теперь, и въ мигъ рука моя,
Изъ-за любви къ тебѣ твою любовь
Убившая, — убьетъ изъ-за любви же
Любовь еще сильнѣйшую; и въ смерти
Обѣихъ ты виновницею будешь!..

Анна. — Желала-бъ я твое извѣдать сердце.

Глостеръ. — Оно — на языкѣ...

Анна. — Но также лживомъ.

Глостеръ. — Тогда — кто-жъ правъ на свѣтѣ?

Анна. — Хорошо,

Вложи свой мечъ въ ножны.

Глостеръ. — Итакъ, скажи,

Вернется-ль мой покой?

Анна. — Узнать послѣ.
Глостеръ. — Могу-ль надѣяться?
Анна. — Мы всѣ надеждой
Живемъ.
Глостеръ. — О, такъ прими-жъ, носи хоть это
Кольцо.
Анна. — Взять, лордъ, еще не значить дать!...
(Она надѣваетъ кольцо).
Глостеръ. — Смотри, какъ перстень мой твой палець обнялъ, —
Такъ грудь твоя мое объемлетъ сердце;
Носи же оба ихъ, — они твои.
Когда же твой покорный, бѣдный рабъ
Еще одну твою получить милость, —
Навѣкъ его упрочено блаженство.
Анна. — Что тамъ еще?
Глостеръ. — Оставь исполнить этотъ
Обрядъ тому, кто болѣе причинъ
Имѣеть сѣтовать, — и удалися въ Кросби.
Похоронивъ торжественно останки
Святого короля въ оградахъ Чертзи
И гробъ его съ раскаяньемъ оплакавъ,
Туда къ тебѣ — твой рабъ, я поспѣшу.
По многимъ, тайнымъ для тебя причинамъ,
Молю, дозвожь мнѣ это.
Анна. — Отъ души.
Мнѣ радостно раскаянье такое.
Трессель и Берклея, слѣдуйте за мной.
Глостеръ. — Скажи же мнѣ, — прости.
Анна. — О, тутъ ужъ болѣ,
Чѣмъ ты достоинъ; но, какъ самъ меня
Ты лести выучилъ, — вообрази,
Что я тебѣ прости уже сказала.
(Уходятъ: лэди Анна, Трессель и Берклея).
Глостеръ. — Берите гробъ — и въ путь.
Джентльмены. — Куда же, въ Чертзи?
Глостеръ. — Нѣтъ, къ Бѣлымъ Братьямъ, — ждите тамъ меня.
(Джентльмены съ гробомъ удаляются).
Ну, кто искалъ любви въ такомъ несчастьи?
Приобрѣтали-ль женщинъ въ мигъ подобный?..
О, я возьму ее хоть не надолго...
Какъ?! я, — убійца мужа и отца
Ея, — за ней же волочусь, — когда
Изъ устъ ея — проклятья, слезы рвутся
Изъ глазъ, — и я, всего причина, съ ней же;

Когда и Богъ, и совѣсть за нее,
Когда ничто не помогаетъ мнѣ,
За исключеніемъ лести да притворства...
И покорить ее, весь міръ — ничѣмъ?
Или она забыть успѣла мужа,
Прекраснаго и доблестнаго принца,
Котораго три мѣсяца назадъ
При Тьюксбери я ловко такъ убилъ?
Еще во векъ въ припадкѣ добрыхъ дѣлъ
Природа лучшаго не создавала;
Пространный міръ не видывалъ владыки
Разумнѣй, царственнѣй, отважнѣй; —
И до меня унизилась она!..
До демона, подсѣкшаго весну
Ея любви, печальное вдовство
Ей предназначившаго? До меня,
Который весь частицы Эдуарда
Не стоитъ? До меня, страшилища хромого!
Все герцогство — противъ полушки грязной
Въ закладъ даю, — я страшно ошибался
Въ своей особѣ: жизнью клянусь,
Она во мнѣ, — чего ужъ мнѣ не видѣтъ
Никакъ, — красиваго мужчину видитъ...
Займемся жъ зеркаломъ, прищемъ
Съ полдюжины портныхъ, нарядъ достойный
Для украшеній нашихъ смастерить:
Съ тѣхъ поръ, какъ я съ собою примиряюсь,
На франтовство поиздержаться можно!..
Упрячемъ же пріятеля въ могилу,
А тамъ въ слезахъ пойдемъ къ голубкѣ нашей!..
Свѣти же, солнце, дай мнѣ на тѣни
Твоей — моей особой любоваться, —
Пока купить я зеркала не вздумалъ!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Комната во дворцѣ. Входятъ: Королева Елисавета, лордъ Риверсъ и лордъ Грей.

- Риверсъ.** — Терпѣнье, королева: вѣрьте, скоро
Вернутъ его величеству здоровье.
- Грей.** — Вы безпокойтесь, — ему же хуже;
Утѣшьте, ради Бога, ободрите
Его величество веселымъ словомъ.
- Елисавета.** — Умретъ онъ, что тогда со мною будетъ?

Грей.— Одна печаль — подобная потеря.
Елисавета.— Въ потерѣ этой разомъ всѣ печали
Совмѣщены.
Грей.— Умретъ онъ, небо вамъ
Прекраснаго дало въ утѣху сына.
Елисавета.— Но, молодъ онъ, а опекунъ его
До срока — Глостеръ, человѣкъ такой,
Который ни меня, ни васъ не любить.
Риверсъ.— А рѣшено-ль, что, избранъ будетъ онъ
Въ протекторы?
Елисавета.— Еще не рѣшено;
Но такъ должно случиться, чуть король
Намъ съ вами завѣщаетъ долго жить.
(Входятъ Бокингэмъ и Стэнли).
Грей.— Вотъ, идутъ лорды Вокингэмъ и Стэнли.
Бокингэмъ.— День добрый нашей славной королевѣ.
Стэнли.— Да возвратитъ Господь вамъ вашу радость!
Елисавета.— Графиня Ричмондъ, Стэнли, врядъ ли, скажетъ
Аминь на ваши добрыя моления.
Но, несмотря на то, что ваша, Стэнли,
Она жена и что меня не любить,
Увѣрьтесь, добрый лордъ, васъ ненавидѣтъ
Не стану я за дерзости супруги.
Стэнли.— Не слушайте, не вѣрьте, васъ молю я,—
Постыдной лжи гонителей ея.
Когда-жъ вамъ донесутъ и правду даже,
Простите слабостямъ ея, повѣрьте,
Не изъ обдуманности злой и хитрой —
Изъ яда немощей онѣ выходятъ!
Елисавета.— Видали-ль нынче короля вы, Стэнли?
Стэнли.— Сію минуту только отъ него
Вернулись мы съ милордомъ Бокингэмомъ.
Елисавета.— Что новаго въ немъ къ лучшему нашли вы?
Бокингэмъ.— Надежду, королева! весель былъ
Его величество.
Елисавета.— Богъ да пошлетъ
Ему здоровье! Съ нимъ вы совѣщались?
Бокингэмъ.— Да, королева: Примирить желаетъ
Онъ вашихъ братьевъ съ лордомъ-камергеромъ,
А также съ герцогомъ, милордомъ Глостеръ.
За ними онъ уже послать изволилъ.
Елисавета.— Когда-бъ все такъ! но это невозможно.
Предвижу я, погибло наше счастье!
(Входятъ Глостеръ, Гэстингсъ и Дорзетъ).

- Глостеръ.** — Неправды ихъ терпѣть я не намѣрень.
Кто королю доноситъ на меня,
Что я жестокъ, что непріязненъ къ нимъ?
Клянуся, короля не любить тотъ,
Кто духъ его волнуетъ этимъ вздоромъ.
Не въ силахъ я сгибаться, льстивой рѣчью
Блистать; на всѣхъ съ улыбкой лицемѣрья
Глядѣть, всѣхъ надувать французскимъ лоскомъ
И обезьянскимъ ханжествомъ, — и вотъ
Я непремѣнно закоснѣлый врагъ!..
Уже-ль не можетъ честный человѣкъ
Жить безъ обмана, безъ того, чтобъ правду
Его поступковъ толковали вкось
Коварные и хитрые пройдохи?
- Грей.** — Къ кому-жъ изъ насъ относитесь вы, герцогъ?
- Глостеръ.** — Къ тебѣ, неблагодарный и безчестный!
Когда тебя тѣснилъ я, оскорблялъ?
Или тебя? — или тебя? — иль всѣхъ васъ?
Проклятье вамъ! Король, — Богъ да поможетъ
Ему безъ вашихъ пламенныхъ молитвъ,
На вздохъ одинъ покоя не имѣетъ
Изъ-за безстыдныхъ, гнусныхъ вашихъ жалобъ.
- Елисавета.** — Братъ Глостеръ, вы неправы. Самъ король,
По волѣ царственной своей, чужимъ
Не понукаемый навѣтомъ, васъ
Призвалъ къ себѣ, быть-можетъ, разгадавъ
По вашимъ дѣйствіямъ, — нѣмую злобу
Въ васъ на меня, моихъ дѣтей и братьевъ, .
И тѣмъ хотѣлъ, раскрывъ ея причину,
По-братски въ васъ совсѣмъ ее изгладить.
- Глостеръ.** — Нѣтъ силъ смотрѣть! Неузнаваемъ свѣтъ.
Крапивники разбойничаютъ тамъ,
Гдѣ и орлы присѣсть не смѣли. Съ той
Поры, какъ всякій шутъ сталъ джентельменомъ,
Прошло въ шуты немало джентельменовъ.
- Елисавета.** — Такъ, такъ, все намъ понятно, Глостеръ:
Завиденъ вамъ высокій нашъ удѣлъ!..
Дай Богъ, чтобъ мы вовѣкъ въ васъ не нуждались.
- Глостеръ.** — Межъ-тѣмъ, какъ видитъ Богъ, — я въ васъ нуждаюсь,
Мой братъ по вашимъ проискамъ въ темницѣ;
Въ опалѣ самъ я, честное дворянство
Въ пренебреженіи, когда, что день,
То новыя мѣста даются людямъ,
Еще вчера не стоившимъ гроша.

- Елисавета.** — Клянуся тѣмъ, кто изъ моей же тѣни
Возвелъ меня на высь моихъ стремлений,
Я никогда не возбуждала гнѣва, -
У короля на Кларенса; напротивъ —
Я за него молила короля!..
Милордъ, вы оскорбляете жестоко
Меня подобнымъ гнуснымъ подозрѣниемъ.
- Глостеръ.** — Вы можете отречься, что не вы,
Пожалуй, были тайною причиною
И лорда Гестингса ареста...
- Риверсъ.** — Можетъ,
Милордъ, затѣмъ что...
- Глостеръ.** — Очень можетъ, Риверсъ?!
Кто этого не знаетъ? Даже болѣ:
Она могла-бъ чѣмъ отпереться въ этомъ,
Она помочь вамъ можетъ въ возвышеніи,
И тутъ же отопретъся въ томъ, что было,
Сложивъ всѣ почести на васъ самихъ.
Чего она не можетъ?! О, все, можетъ...
Да, безъ сомнѣнья, можетъ...
- Риверсъ.** — Что-жъ такое?
- Глостеръ.** — Дѣла свои поправить, выйдя замужъ
За короля, красавца холостого.
Бываетъ хуже — выборъ вашей бабки
Я вамъ напомнимъ кстати.
- Елисавета.** — Глостеръ, долго
Сносила я и грубые намеки,
И ваши колкости: клянуся небомъ,
Его величество теперь узнаетъ
Все, все, чѣмъ оскорбляли вы меня.
Нѣтъ, лучше быть работницей, крестьянкой
Простой, чѣмъ королевою великой —
Терпѣть насмѣшки, стыдъ и оскорбленья.
Немного радостей мнѣ принесла корона
Британіи!..
(Въ глубинѣ сцены показывается королева Маргарита).
- Маргарита** *(въ сторону).* — Молю тебя, Господь,
И это сбавь ей! Санъ ея, престоль
И почести — все мнѣ принадлежитъ.
- Глостеръ.** — Какъ! жалобами королю вы мнѣ
Грозите? Жалуйтесь, и не жалѣйте
Меня: я подтверждаю все, что сказалъ,
И королю, — я самъ желаю въ Тоуэръ
Попастъ. Настало время! Позабыты

Мои труды!

Маргарита (*въ сторону*). — Нѣтъ, демонъ! слишкомъ ихъ
Я помню: въ Тоуэрѣ тобою Генрихъ,
Мой мужъ, убить, — при Тьюксбери-жъ убить
Мой бѣдный сынъ, мой Эдуардъ несчастный.

Глостеръ. — Когда еще не звался королемъ
Вашъ мужъ, въ его дѣлахъ великихъ былъ я
Вьючнымъ конемъ, грозой его враговъ,
Ходатаемъ друзей его покорныхъ,
Потомъ, чтобъ кровь его избрать на царство,
Я проливалъ свою.

Маргарита (*въ сторону*). — А сколько лучшей,
Чѣмъ въ васъ обоихъ?..

Глостеръ. — Въ это время вы
И Грей, вашъ мужъ, и Риверсъ съ вами были —
За домъ Ланкастеровъ: что-жъ, развѣ не былъ
Убитъ при Сентъ-Альбанѣ вашъ супругъ?
Когда забыли вы, я покажу вамъ,
Что вы теперь и чѣмъ вы прежде были, —
Чѣмъ я тогда былъ, и что я теперь.

Маргарита (*въ сторону*). — Убийца гнусный. Имъ ты былъ всегда.

Глостеръ. — Несчастный Кларенсъ — тестя позабылъ,
Нарушилъ клятву Варвику! Господь
Да сжалится надъ нимъ!

Маргарита (*въ сторону*). — Карай, о Боже,
Его за это!

Глостеръ. — Сталъ за Эдуарда,
Чтобы добыть ему престоль, — и что-жъ?
За всѣ труды попался въ заточенье.
Ей-ей, желалъ бы я, чтобъ камнемъ сердце
Мое, какъ Эдуардово, терпѣло...
Иль чтобъ мое въ его груди забилося;
Клянусь, я слишкомъ глупъ для этой жизни!

Маргарита (*въ сторону*). — Ступай же въ адъ, и нашъ ты свѣтъ оставь,
Негодный демонъ, тамъ престоль твой!

Риверсъ. — Лордъ,
Въ печальную эпоху, о которой
Сказали вы, чтобъ выставить врагами
Насъ вашей свѣтлости, мы были вѣрны
Законному владыкѣ, — вѣрны будемъ
И вамъ, едва лишь нашимъ королемъ
Вы станете.

Глостеръ. — А, если стану?! — Нѣтъ,

Скорѣй разносчикомъ я стану!.. Прочь
Отъ сердца мысль коварная!

Елисавета. — Какъ мало

Вы ожидаете себѣ, милордъ,
Отрады въ королевствѣ, такъ же мало
И я, повѣрьте мнѣ, ихъ обрѣла,
Возвысившись до сана королевы.

Маргарита (*въ сторону*). — Да, мало королева здѣсь отрады

Нашла, затѣмъ, что королева — я,
А я — несчастна такъ. (*Выходитъ*). Внемлите мнѣ,
Пираты дерзкіе, — мою добычу
Вы дѣлите, враждуя такъ! Кто въ силахъ
Изъ васъ взглянуть безъ трепета въ глаза
Мои? Предъ королевой не склоняли
Вы головы, къ чему-жъ теперь, низвергнувъ
Ее, вы — трусы — всѣ такъ раскричались?
Не отворачивайся, честный плутъ!

Глостеръ. — Колдунья страшная, скорѣй, — въ чемъ дѣло?

Маргарита. — Я вычислить хочу твои злодѣйства,

И не пущу тебя, пока ихъ всѣ
Тебѣ не выражу.

Глостеръ. — По развѣ ты

Не сослана, — подъ страхомъ смертной казни?!

Маргарита. — Я сослана, но смерть, — за ослушанье

Остаться здѣсь, — мнѣ легче муки ссылки.
Ты долженъ мнѣ супруга возвратить
И сына, — ты мнѣ задолжала царствомъ!
А всѣ вы — подданствомъ; мои несчастья
По праву вамъ принадлежать; наслѣдье-жъ
Всѣхъ вашихъ радостей — мое.

Глостеръ. — Тебя

Проклятьями отецъ мой разгромилъ,
Когда его достойное чело
Бумажной ты короной увѣнчала, —
Когда изъ глазъ его потоки слезъ
Ты выжала сарказмами своими,
И — осушить ихъ — подала тряпицу,
Напитанную Рюгландовой кровью;
Проклятья эти изъ души его
Разбитой вырвались тогда, — теперь же
Надъ головой твоей отяготѣли.
Не мы, Господь за зло тебя караетъ!..

Елисавета. — Богъ правосуденъ, въ Немъ невинныхъ помощь.

Гэстингсъ. — Ужасно! Какъ? младенца умертвить!

- Неслыханное, страшное убійство!
- Риверсъ. —** Тираны, услыхавъ объ этомъ, стануть
Рыдать.
- Дорзетъ. —** Всѣ кару лютую убійцѣ
Пророчили.
- Бокингэмъ. —** Нортумберлэндъ, при этомъ
Злодѣйствѣ бывшій, плакалъ, какъ ребенокъ.
- Маргарита. —** Какъ? Но входила я, вы грызлись всѣ,
Готовые за горла уцѣпиться
Другъ съ другомъ, — и внезапно ваша злоба
Упала на меня? — Ужели Йоркъ
Съ своимъ проклятьемъ такъ силенъ предъ небомъ,
Что Генриха, что Эдуарда смерть,
Потеря царства, мрачное изгнанье
Мое, — все — лишь достойное отмщенье
За этого мальчишку? Если такъ,
Сквозь тучи черныя, на небо прямо,
Мои проклятья быстрыя, летите!..
Не на войнѣ, — отъ пресыщенья пусть
Погибнетъ вашъ король, какъ нашъ погибъ
Отъ рукъ убійцы, сдѣлавъ королемъ,
Его! А Эдуардъ, твой сынъ, Валлійскій
Принцъ нынѣ, да умереть, какъ Эдуардъ,
Мой сынъ, и нѣкогда-жъ Валлійскій принцъ —
Погибъ насильственно!.. Ты, королева,
Да изживешь весь блескъ свой за меня,
За королеву бѣдную! Подолѣ
Живи, чтобъ смерть дѣтей тебѣ оплакать;
Чтобъ увидать другую, какъ тебя
Я вижу, въ почестяхъ твоихъ, какъ ты
Въ моихъ, великую! Задолго счастье
Твое пускай окончится — до смерти
Твоей! И послѣ долгихъ, долгихъ скорбей
Умри — ни матерью, ни королевой
Британскою, ни счастливой женой!..
Риверсъ и Дорзетъ, Гэстингсъ, — также вы, —
Вы видѣли, какъ сына моего
Кровавыми мечами затерзали..
Я Господа молю, чтобъ прежде срока,
Чтобъ неожиданно онъ вамъ послалъ
Кончину!..
- Глостеръ. —** Старая колдунья, кончи
И ты заклятїя!..
- Маргарита. —** Забыть тебя?

Нѣтъ, стой, собака, — слушай! Если небо
Имѣеть про запасъ тебѣ отмщенье
Ужаснѣе, чѣмъ я могла-бъ придумать,
Пусть бережетъ оно его, покуда
Созрѣютъ всѣ твои грѣхи, — тогда
Да разразитъ свое негодованье
Надъ головой губителя невинныхъ...
Пусть совѣсть изгрызетъ тебя, какъ червь!
Страшись предателей, всю жизнь друзей
Подозрѣвай въ измѣнѣ, за враговъ
Считай друзей... Да не смыкаетъ сонъ
Злодѣйскихъ глазъ твоихъ, — пускай глаза
Тебя пугаютъ безобразьемъ адскихъ
Видѣній! — Ты, избранникъ зла, уродъ,
Свинья, взрывающая землю! — Ты,
Рожденіемъ помѣченный въ рабы
Природы, ада сынъ! Ты, клевета
На чрево матери! Исчадье гнусной
Отцовской крови, ты отребье чести!
Ты, ужасъ...

Глостеръ. —

Маргарита!

Маргарита. —

Ричардъ!

Глостеръ. —

Что?

Маргарита. — Я не звала тебя!

Глостеръ. —

Простите, лэди, —

Я думалъ, что меня вы окрестили
Всѣмъ этимъ.

Маргарита. —

Да — тебя! но не просила

Перебивать меня. Позволь докончить
Мои проклятья!..

Глостеръ. —

Я ужъ ихъ покончилъ,

Ихъ завершаетъ имя — Маргариты!

Елисавета. —

Такъ ты себя сама же прокляла!..

Маргарита. —

Бѣдняга-королева, блескъ пустой
Моихъ богатствъ! Зачѣмъ ты сыплешь сахаръ
На этого тарантула, который
Тебя своей глетворной паутиной
Такъ путаетъ? Безумная, сама
Ты на себя оттачиваешь ножъ!
Придетъ пора, меня молить ты станешь
Помочь тебѣ проклятьемъ этой гадкой,
Горбатой, страшной жабы.

- Гэстингсъ.** — Замолчи,
Въщунья ты пустая, на бѣду
Свою не истощай у насъ терпѣнья!
- Маргарита.** — Позоръ вамъ! вы мое ужъ истощили!
- Риверсъ.** — Ты не забылась бы, когда-бъ, какъ должно,
Съ тобой мы поступили.
- Маргарита.** — Если-бъ вы
Со мной, какъ надо, поступали, долга
Вы не забыли-бъ своего: меня
Признали-бъ королевой, а себя
Моими подданными! Поступите-жъ,
Какъ слѣдуетъ, исполните свой долгъ!
- Дорзетъ.** — Не спорьте съ ней, безумной.
- Маргарита.** — Господинъ
Маркизь, потише! вы ужъ слишкомъ дерзки.
Еще недавно санъ вашъ пущенъ въ дѣло.
О, если-бъ ваша молодая знатность
Могла понять, что значить потерять
Его, и быть несчастной! Кто высоко
Стоитъ, того скорѣе сдуетъ вѣтеръ,
А упадетъ — въ кусочки расшибется...
- Глостеръ.** — Полезная замѣтка, не забудьте
Ее, маркизь!
- Дорзетъ.** — Она и къ вамъ подходитъ.
- Глостеръ.** — Подходитъ чудно; только я рожденъ ужъ
Такъ высоко: мы на вершинахъ кедровъ
Вьемъ гнѣзда наши, вѣтрами играемъ,
Надъ солнцемъ издѣваемся...
- Маргарита.** — И солнце
Собою омрачаете, — увы!
Тому свидѣтель сынъ мой, тѣнью смерти
Теперь объятый; тучи адской злобы
Твоей въ полночь его блестящій день
Навѣки облекли, свое гнѣздо
Въ гнѣздѣ вы нашемъ свили. — Всемогущій!
Ты видишь это, не стерпи-жъ неправды!
Лиши ихъ благъ, которыхъ кровью
Они добились...
- Бокингэмъ** — Вспомни же хоть стыдъ,
Когда смиреніе ты позабыла.
- Маргарита.** — Не требуйте приличій отъ меня.
Не требуйте смиренья. Вы безстыдно
Убили лучшія мои стремленья,
Безчеловѣчны были вы со мной.

Моя любовь — неистовство, вся жизнь
Моя — позоръ, — пускай же въ немъ гремитъ
Гроза моей неукротимой скорби.

Бокингэмъ. — Молчи, молчи...

Маргарита. — Свѣтлѣйшій Бокингэмъ,
Въ знакъ нашей дружбы и союза съ вами,
Я вамъ цѣлую руку: пусть отрада
Сойдетъ на васъ и домъ вашъ! Нашей кровью
Не запятнали вы своей одежды,
Мои проклятья не коснутся васъ!

Бокингэмъ. — И всѣхъ изъ насъ; проклятья упадаютъ
На тѣхъ, кто ихъ безумно расточаетъ!

Маргарита. — Нѣтъ, вѣрю я, они восходятъ къ небу
И пробуждаютъ тамъ Господній міръ...
О, Бокингэмъ! остерегайся этой
Собаки: посмотри, она, ласкаясь,
Кусаетъ! страшною отравой въ раны
Слюна ея вливается; храни
Себя, бѣги его коварной дружбы;
Онъ заклеимъ порокомъ, адомъ, смертью,
Владыки адскіе ему покорны!..

Глостеръ. — Что говоритъ она, Бокингэмъ?

Бокингэмъ. — Пустое, ничего. что-бъ было важно,
Милордъ!

Маргарита. — Какъ! такъ и ты за мой достойный
Совѣтъ смѣешься надо мной и льстишь
Тому, въ комъ я тебя остерегала?!
Припомни-жъ это въ день, когда печально
Изранить сердце онъ твое, скажи
Тогда: пророчицею Маргарита
Несчастливая была! Да будетъ всякъ
Изъ васъ его коварства жертвой, небо
Да разразитъ васъ всѣхъ своей карой! (*Уходитъ*).

Гэстингсъ. — Отъ словъ ея — мой волосъ дыбомъ сталъ!

Риверсъ. — И мой!.. Опасно ей давать свободу!..

Глостеръ. — Я не виню ее: клянуся Богомъ,
Она перенесла не мало горя, —
Каюсь передъ ней въ моихъ обидахъ.

Елисавета. — Я, сколько знаю, передъ ней невинна...

Глостеръ. — Вы пользуетесь благами несчастья
Ея. Творя добро, я слишкомъ пылокъ
Былъ съ тѣмъ, кто хладнокровна такъ меня
Забылъ. Вотъ, Кларенсъ, онъ вознагражденъ
Достойно, въ хлѣвъ несчастнаго загнали,

Да за труды и угощаютъ тамъ;
Богъ да проститъ виновниковъ его
Страданій.

Риверсъ. — Христіанское, святое
Намѣренье — молитъ за тѣхъ, кто намъ
Враги.

Глостеръ. — Одумавшись, я поступаю
Всегда подобно!.. *(Въ сторону).* Проклиная нынѣ
Я проклиналъ бы самого себя. *(Входитъ Кэтсби).*

Кэтсби. — Его величество васъ, королева,
Къ себѣ зоветъ; и вашу честь, и васъ,
Милорды.

Елисавета. — Я иду, угодно-ль, лорды,
И вамъ за мною слѣдовать?

Риверсъ. — Мы всѣ —
Идемъ за нашей свѣтлой королевой.
(Всѣ, кромѣ Глостера, уходятъ).

Глостеръ. — Я дѣлаю злодѣйства и кричу
Самъ противъ нихъ, я на другихъ слагаю
Бѣды, въ которыхъ я одинъ виновникъ.
Передъ глупцами, каковы лордъ Стэнли,
Лордъ Гэстингсъ, Бокингэмъ, я громко плачу
О Кларенсѣ, котораго въ тюрьму
Забросилъ самъ я; увѣряю всѣхъ,
Что братъ поссоренъ съ королемъ друзьями
Родными королевы. И мнѣ вѣрятъ,
И побуждаютъ мстить Вогэнамъ, Грею;
А я, вздохнувъ, твержу изъ книгъ Завѣта:
Господь велитъ платить за зло добромъ!
Я тѣмъ скрываю умыселъ злодѣйства,
Въ клочкахъ старинныхъ текстовъ представляясь
Святымъ, когда разыгрываю смѣло
Роль дьявола... *(Входятъ двое убійць).* А, вотъ и палачи
Мои. Потише?.. Чтѣ жъ, друзья мои
Безстрашные, готовы-ль вы на то,
О чемъ я васъ просилъ?

Первый убійца. — Готовы, лордъ.
За пропускомъ однимъ мы къ вамъ явились;
Насъ безъ него къ нему пустить не могутъ.

Глостеръ. — Прекрасно сказано! вотъ пропускъ вамъ.
(Даетъ полномочный листъ).
Когда ,покончите, явитесь въ Кросби!
Но, сэры, будьте быстры въ исполненьи,
Не слушайте его плаксивыхъ просьбъ...

Краснорѣчивъ лукавый Кларенсъ; онъ
Какъ разъ растрогаетъ васъ, только волю
Дадите вы его устамъ медовымъ...

Первый убійца. — Хе-хе! милордъ, рѣчь наша коротка!

Говоруны — дѣльцы плохіе, — будьте
Увѣрены, не языкомъ, руками —
Пойдемъ работать мы.

Глостеръ. — Глаза глупцовъ

Льютъ слезы; ваши-жъ жерновами плачутъ...
Друзья! я вѣрю вамъ! Скорѣй за дѣло!
Въ путь!

Первый убійца. — Не замедлимъ, благородный лордъ. (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лондонъ. Комната въ Тоуэрѣ. (Входятъ: Кларенсъ и Бракенбери).

Бракенбери. — Что такъ, милордъ, сегодня вы печальны?

Кларенсъ. — О! я провелъ убійственную ночь, —
Ночь, полную чудовищныхъ видѣній!
Какъ вѣрный христіанинъ, я клянусь,
Еще такую-жъ ночь я провести
Не согласился бы, хотя-бъ она
Могла купить мнѣ міръ блаженныхъ дней!
Такъ страшными видѣніями полно
Казалось время.

Бракенбери. — Что-жъ такое снилось

Вамъ, свѣтлый лордъ? Молю васъ, расскажите!

Кларенсъ. — Мнѣ снилось, что изъ Тоуэра бѣжалъ я
Въ Бургундію на вольномъ кораблѣ...
Въ сообществѣ со мной былъ братъ мой Глостеръ,
И выманилъ меня онъ изъ каюты
На палубу; смотря со мной оттуда
На Англію, припоминая дни
Кровавыхъ войнъ Ланкастера и Йорка,
Бесѣдуя о нихъ, ходили мы
По шаткимъ доскамъ палубы, — и вдругъ
Приснилось мнѣ, что Глостеръ поскользнулся...
Я поддержать его хотѣлъ, но братъ
Упалъ и, падая, столкнулъ меня
За бортъ въ зіяющія бездны моря...
О, Боже! Какъ мучительно казалось
Тонуть! Какой ужасный шумъ въ ушахъ!
Какія страшныя картины смерти

Въ глазахъ! Мнѣ видѣлось, что предо мной
Лежатъ обломки тысячи судовъ,
И тысячи размокшихъ труповъ рыбы
Терзаютъ; слитки золота, камня
Безцѣнные, брильянты, кучи перловъ,
Желѣзные трезубья, — все по дну
Морскому колыхалось... Алмазы,
Попавъ въ очницы череповъ, оттуда
Сверкали, издѣваясь надъ глазами,
Тутъ бывшими когда-то, — въ блѣдномъ свѣтѣ
Любезничали съ тиною морскою —
И насмѣхались надъ костями скелетовъ...

Бракенбери. — И вы могли въ предсмертный мигъ замѣтить
Всѣ тайны этой ненасытной бездны?

Кларенсъ. — Мнѣ грезилось, что все я это видѣлъ;
Душа рвалась изъ тѣла вонъ, но зависть
Воды ее держала, не давая
Ей улетѣть въ воздушныя пространства,
И въ стиснутой груди ее давила, —
Въ груди, которая рвалась изъ силъ
Ее извергнуть въ страшныя пучины.

Бракенбери. — И отъ тоски одной вы не очнулись?

Кларенсъ. — Нѣтъ, сонъ мой длился и за гранью смерти!..
Тутъ поднялась въ душѣ моей тревога.
Мнѣ видѣлось, черезъ потокъ печальный
Я былъ перевезенъ въ предѣлы вѣчной
Полуночи — пловцомъ, у всѣхъ поэтовъ
Воспѣтымъ. Тестъ мой, славный Варвикъ, первым
Привѣтствовалъ испуганную душу...
Онъ громко закричалъ: «Какую-жъ пытку
Придумаетъ теперь отчизна ада —
Для Кларенса, за лживую измѣну?»
И такъ исчезъ. За нимъ передо мною
Скользнула тѣнь безплотнаго видѣнья,
Съ окровавленными, какъ свѣтлый лучъ
Блестящими, кудрями; и она
Воскликнула: «Коварный, лживый Кларенсъ,
Измѣнникъ Кларенсъ, въ Тьюксберійскомъ полѣ
Зарѣзавшій меня, пришелъ! Схватите
Его, терзайте, фуріи, убійцу!»
И мнѣ привидѣлось, что цѣлый полкъ
Свирѣпыхъ демоновъ вокругъ меня
Стопился, и надъ самыми ушами
Моими вой, такой безумно-громкій,

Былъ поднять, что, дрожа всѣмъ тѣломъ, я
Очнулся, — и надолго послѣ все
Казалось мнѣ, что я въ аду!.. Такъ страшно
Встревоженъ былъ мой умъ видѣньемъ этимъ.

Бракенбери. — Нѣтъ дива, лордъ. что сонъ васъ напугалъ,
Отъ словъ однихъ теперъ мнѣ страшно стало.

Кларенсъ. — О, Бракенбери! все, въ чемъ нынѣ совѣсть
Меня терзаетъ, сдѣлалъ я для счастья,
Для блага Эдуарда! Посмотри же,
Какъ онъ меня достойно наградилъ...
О, Боже! если предъ тобой молитвы
Моя безсильны, если за мои
Грѣхи меня ты наказать желаешь, —
На одного меня излей свой гнѣвъ,
Мою жену, моихъ дѣтей невинныхъ
Избавь! Постой еще, мой добрый стражъ,
Изнемогла душа моя, заснуть
Желалъ бы я охотно...

Бракенбери. — Я останусь
При васъ, милордъ. Богъ да пошлетъ вамъ миръ! -
(Кларенсъ садится на стулъ и засыпаетъ).
Печаль — и сонъ, и время измѣняетъ,
Творя изъ ночи день, изъ полдня — ночь...
Владыки міра за свое величье
Нѣмыя титла получаютъ, внѣшній
Почетъ за внутреннее бремя, цѣлый
Міръ горестныхъ заботъ за легкій призракъ,
За пылъ мечты!.. И что-жъ въ награду имъ
Ниспосылается? — минутный дымъ
Извѣстности, отличія земныя, —
Страданья ихъ незримыя, глухія!.. *(Входятъ двое убійць).*

1-й убійца. — Эй, кто тутъ есть?

Бракенбери. — Что тебѣ нужно, негодяй, — и какъ ты вошелъ сюда?

1-й убійца. — Мнѣ нужно переговорить съ Кларенсомъ, а вошелъ я сюда — ногами.

Бракенбери. — Какъ?!.. Это ужъ очень коротко!..

2-й убійца. — Чѣмъ кратче, сэръ, тѣмъ лучше. Что тутъ долго болтать-то? Покажи
ему приказъ. *(Они подають бумагу Бракенбери, который ее просматриваетъ).*

Бракенбери. — Мнѣ здѣсь предписываютъ выдать вамъ
Милорда Кларенса. Я не хочу
Судить о томъ, что въ этомъ повелѣнны
Скрывается, — я умываю руки...
Вотъ — герцогъ сонный, вотъ — ключи. А я

Пойду къ его величеству съ докладомъ,
Что герцога, какъ велѣно, я сдалъ.

1-й убійца. — Идите, сэръ! Умно вы говорите.

Прощайте... (*Бракенбери уходитъ*).

2-й убійца Что-жь? убить его во снѣ?

1-й убійца. — Нѣтъ! онъ еще скажетъ, проснувшись, что мы струсили.

2-й убійца. — Когда проснется? Дуракъ! не проснуться ему вплоть до дня страшнаго суда.

1-й убійца. — Въ такомъ случаѣ на страшномъ судѣ онъ скажетъ, что мы убили его соннаго.

2-й убійца. — Слово — страшный судъ — бросило укоръ въ мою совѣсть.

1-й убійца. — Какъ? или ты испугался?

2-й убійца. — Я не трушу убить его, у насъ на то приказаніе; а быть проклятымъ за его убійство — тутъ не защититъ никакой приказъ.

1-й убійца. — Я думалъ, ты рѣшительнѣе.

2-й убійца. — Я и такъ рѣшился оставить ему жизнь.

1-й убійца. — Въ такомъ случаѣ, надо идти къ герцогу Глостеру и сказалъ ему о томъ.

2-й убійца. — Нѣтъ, прошу, погоди немного. Надѣюсь, это благое намѣреніе во мнѣ еще можетъ измѣниться; оно у меня обыкновенно непродолжительно.

1-й убійца. — Какъ же теперь себя чувствуешь?

2-й убійца. — Поправдѣ, кое-что изъ совѣсти еще шевелится во мнѣ.

1-й убійца. — Припомни нашъ могоарычъ, по совершеніи дѣла.

2-й убійца. — Идемъ, онъ погибнетъ! я и забылъ про могоарычъ.

1-й убійца. — Гдѣ твоя совѣсть теперь?

2-й убійца. — Въ Глостеровомъ кошелькѣ.

1-й убійца. — Слѣдовательно, если онъ откроетъ свой кошелекъ для уплаты намъ награды, твоя совѣсть улетитъ?

2-й убійца. — Ничего, пусть летитъ; никому она не нужна.

1-й убійца. — А что, если она къ тебѣ вернется?

2-й убійца. — Я не хочу съ нею возиться. это опасная вещь, она дѣлаетъ человѣка трусомъ. Человѣкъ не можетъ украсть, она ею винитъ; человѣкъ не можетъ поклясться, она ему перечитъ; человѣкъ не можетъ согрѣшить съ женою ближняго, совѣсть его обличаетъ. Это краснѣющій, стыдливый дьяволенокъ, смущающій душу человѣка и наполняющій его препятствіями. Онъ однажды заставилъ меня возвратитъ полный золота кошелекъ, найденный на дорогѣ; изъ-за него многіе становятся голышами; его гонять изъ городовъ и сель, какъ опасную тварь. И всякъ, кто хочетъ пожить пріятно, долженъ съ нимъ разстаться и жить безъ него.

1-й убійца. — И теперь онъ предо мною, убѣждая не убивать герцога.

2-й убійца. — Не забывай дьявола. иначе онъ въ тебя вцѣпится.

1-й убійца. — Я стоекъ, онъ не одолѣетъ меня.

2-й убійца. — Сказано ладно; ты, очевидно, уважаешь свою репутацію. Что жъ, идемъ на работу?

1-й убійца. — Ткни его концомъ твоего меча и потомъ бросимъ его въ бочку съ мальвазіей въ сосѣдней комнатѣ.

2-й убійца. — Отличная мысль! выйдетъ недурная настойка.

1-й убійца. — Тсъ! онъ проснулся.

2-й убійца. — Коли его.

1-й убійца. — Нѣтъ, давай побесѣдуемъ съ нимъ.

Кларенсъ (*просыпаясь*). — Гдѣ моя стража? Дайте мнѣ кружку вина.

1-й убійца. — Будетъ вамъ, милордъ, вдоволь вина.

Кларенсъ. — Ради Бога, кто ты?

1-й убійца. — Человѣкъ, какъ и ты.

Кларенсъ. — Но не царскаго рода.

1-й убійца. — За то честнаго, не въ примѣръ тебѣ.

Кларенсъ. — Твой голосъ — громокъ, но взглядъ твой — ласковъ.

1-й убійца. — Мой голосъ теперь — голосъ короля, взглядъ — свой собственный.

Кларенсъ. — Какъ мраченъ и какъ золь твой разговоръ!

Твой взоръ грозитъ мнѣ! что такъ блѣдно смотришь?

Кѣмъ присланъ ты? зачѣмъ сюда пришелъ?

Оба убійцы. — Чтобъ, чтобъ...

Кларенсъ. — Чтобы убить меня?

Оба убійцы. — Да, да!

Кларенсъ. — Въ васъ силы нѣтъ мнѣ возвѣстить о томъ,

И потому нѣтъ силы это сдѣлать.

Когда и чѣмъ я васъ, друзья, обидѣлъ?

1-й убійца. — Не насъ обидѣлъ ты, а короля.

Кларенсъ. — Я съ нимъ опять надѣюсь помириться.

1-й убійца. — Нѣтъ, никогда, милордъ; готовься къ смерти.

Кларенсъ. — Уже-ль изъ всей вселенной жребій выпалъ

Вамъ — умертвить невиннаго? Въ чемъ грѣхъ мой?

Въ улику мнѣ какое преступленіе?

Гдѣ судъ, мнѣ объявившій свой вердиктъ?

И гдѣ судья, нахмуренный и грозный,

Изрекшій Кларенсу-бѣднягъ смерть?

Кто смѣлъ грозить мнѣ смертнымъ приговоромъ,

Коль выше я законнаго суда?

Васъ заклинаю кровію Христа,

Пролитою за наши злыя чувства,

Идите прочь, не налагайте рукъ,

Предпринятое дѣло васъ погубить.

1-й убійца. — Что сдѣлаемъ, на то намъ данъ приказъ.

2-й убійца. — А приказалъ то сдѣлать нашъ король.

Кларенсъ. — О, лживый рабъ! Король надъ королями,

Господь въ своихъ скрижаляхъ повелѣлъ —

Не убивать. Ужели ты нарушишь

Его законъ, по волѣ человѣка?

Въ Его десницѣ мечь; остерегайся,
Казнить Онъ нарушителей завѣта.

2-й убійца. — И та же казнь ждетъ нынѣ и тебя
За клятву ложную и за убійство.
Ты, приобщась, открыто присягнулъ
Въ бояхъ за домъ Ланкастеровъ сражаться.

1-й убійца. — И, какъ предатель имени Господня,
Присягу разорвалъ, заставъ измѣной
Наслѣдника владыки твоего.

2-й убійца. — Котораго клялся ты охранять.

1-й убійца. — Тебѣ-ль грозитъ намъ заповѣдью Божьей,
Коль ты ее въ такой нарушилъ мѣръ?

Кларенсъ. — О! для кого я это зло свершилъ?
Для Эдуарда, брата моего!
Онъ не пошлетъ васъ убивать меня,
Онъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и я, преступникъ!
И коль Господь рѣшитъ за то отмститъ,
Онъ, знайте, то исполнитъ предо всѣми.
Не отклоняйте-жъ полной силъ десницы,
Онъ чуждъ неправыхъ, незаконныхъ каръ
Надъ тѣми, къмъ Онъ дерзко оскорбленъ.

1-й убійца. — Кто-жъ въ палачи кровавые толкнулъ
Тебя, когда смѣльчакъ Плантагенетъ,
Вънчанный отпрыскъ, юноша державный,
Безъ жалости тобою былъ убитъ?

Кларенсъ. — Расположенъе брата, гнѣвъ и дьяволь...

1-й убійца. — Твой братъ, нашъ долгъ и твой поступокъ лживый
Призвали насъ сюда тебя убить.

Кларенсъ. — Коль любите вы брата, и меня
Щадите, — я ему родной по крови.
Вы, можетъ-быть, подкуплены? идите-жъ,
Васъ отсылаю къ Глостеру. Щедрѣй
Онъ дастъ награду вамъ за жизнь мою,
Чѣмъ Эдуардъ за смерть мою заплатитъ.

2-й убійца. — Ты ошибаешься; братъ Глостерь — врагъ твой.

Кларенсъ. — О, нѣтъ, меня онъ любитъ; отъ меня
Къ нему идите.

1-й убійца. — Такъ мы и поступимъ.

Кларенсъ. — Напомните ему, когда державный
Отецъ нашъ Йоркъ трехъ сыновей своихъ
Благословлялъ побѣдною рукою
И отъ души внушалъ любить другъ друга,
Онъ врядъ-ли думалъ о такомъ разладѣ...
Пусть это вспомнитъ Глостерь и заплачетъ!

- 1-й убійца.** — Каменьями!.. какъ насъ училъ онъ плакать!
- Кларенсъ.** — Не обижайте брата, онъ такъ нѣженъ.
- 1-й убійца.** — Какъ лѣтомъ снѣгъ; себя ты, другъ, морочишь;
Вѣдь насъ прислалъ онъ умертвить тебя.
- Кларенсъ.** — Не можетъ быть, онъ обо мнѣ тужилъ такъ,
Меня сжималъ въ объятіяхъ и клялся,
Что похлопочетъ о моей свободѣ.
- 1-й убійца.** — Онъ такъ и дѣлаетъ, освобождая
Тебя на небо отъ житейскихъ бѣдствій.
- 2-й убійца.** — Молись, ты долженъ умереть, милордъ.
- Кларенсъ.** — Ужели ты такъ набоженъ въ душѣ,
Что мнѣ совѣтуешь мириться съ Богомъ,
И самъ въ душѣ твоей такъ ослѣпленъ,
Что хочешь умертвить меня безбожно?
Ахъ, тотъ, друзья, кто васъ сюда въ убійцы
Прислалъ, васъ проклянетъ за это дѣло.
- 2-й убійца.** — Какъ быть же намъ?
- Кларенсъ.** — Спасти, смягчившись, души.
- 2-й убійца.** — Смягчиться намъ?
- 1-й убійца.** — Какъ бабамъ и трусишкамъ?
- Кларенсъ.** — Безжалостны лишь дьяволы, да звѣри.
И кто изъ васъ, будь сынъ онъ короля,
Лишенный воли, какъ и я, несчастный,
Увидя двухъ убійцъ, подобныхъ вамъ,
Не будетъ умолять о благахъ жизни?
Въ твоихъ глазахъ я, другъ, читаю жалость.
О, ежели глаза твои не льстятъ,
Стань ближе здѣсь и за меня проси,
Какъ бы просилъ о собственномъ несчастьи.
Молящій принцъ разжалобить и нищихъ.
- 2-й убійца.** — Назадъ, милордъ, прошу васъ, оглянитесь.
- 1-й убійца.** (*Колетъ Кларенса*). — Вотъ такъ, вотъ этакъ! если жъ недовольно,
Я окуну въ мальвазію тебя! (*Удаляется съ трупомъ*).
- 2-й убійца.** — Кровавое, безумное злодѣйство!
Охотно-бъ, какъ Пилать, умылъ я руки
Въ безсовѣстномъ и зломъ убійствѣ этомъ!
(Возвращается 1-й убійца).
- 1-й убійца.** — Ну, что? зачѣмъ стоишь, не помогаешь?
Клянусь, твою узнаетъ герцогъ слабость,
- 2-й убійца.** — О, если-бъ онъ узналъ, что я спасъ брата!
Бери на водку и ему скажи:
Я каюсь въ томъ, что герцогъ умерщвленъ. (*Уходит*).
- 1-й убійца.** — А я не каюсь. Оставайся трусомъ;
Иди. Мы-жъ гдѣ-нибудь припрячемъ трупъ,

Пока похоронить прикажетъ герцога.
И, чуть свою награду получу,
Отъ этихъ дѣлъ нечистыхъ укачу! (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Лондонъ. Комната во дворцѣ. Входятъ: Король Эдуардъ, — больной, Королева Елисавета, Дорзетъ, Риверсъ, Гэстингсъ, Бокингэмъ, Грей и другіе).

Король Эдуардъ. — Вотъ, наконецъ, мнѣ удалось окончить
Благое дѣло. — Пѣры, васъ молю,
Храните честь воскресшаго союза;
Я каждый день отъ Спаса моего
Жду вѣстниковъ желаннаго спасенья...
Спокойно духъ мой полетитъ на небо,
Когда друзья мои примирены!
Лордъ Риверсъ и лордъ Гэстингсъ, дайте руки
Другъ другу; не таите черной злобы,
Клянитесь любить другъ друга...

Риверсъ. — Небомъ
Клянусь, моя душа забыла гнѣвъ, —
И этою рукой скрѣпляю я
Союзъ моей любви святой и дружбы.

Гэстингсъ. — Богъ да пошлетъ мнѣ счастье, если нынѣ
Права моя торжественная клятва.

Король Эдуардъ. — Смотрите, не шутите передъ вашимъ
Монархомъ, чтобъ могучій Царь царей
Не отомстилъ вамъ за притворство злое
И каждаго изъ васъ не погубилъ
Измѣною другого...

Гэстингсъ. — Пусть же я
Погибну, если невѣрна любовь,
Въ которой я клянусь теперь.

Риверсъ. — И я.
Клянусь — Гэстингса любить всѣмъ сердцемъ.

Король Эдуардъ. — Милэди, вы изъ этихъ заклинаній
Не исключаетесь, ни сынъ вашъ и Дорзетъ, —
Ни вы, лордъ Бокингэмъ; вы всѣ другъ съ другомъ
Вели вражду; жена, лордъ Гэстингсъ ждетъ
Твоей руки, — люби его, и миръ
Да низойдетъ на васъ невозмутимый.

Королева Елисавета. — Вотъ вамъ рука моя: навѣки, Гэстингсъ,

Я ненависть былую забываю
И въ этомъ вамъ клянусь моимъ блаженствомъ.

Король Эдуардъ. — Лордъ Дорзетъ, обойми его; лордъ Гэстингсъ,
Люби маркиза.

Дорзетъ. — Небомъ я клянусь —
Хранить обмѣнъ священной дружбы нашей.

Гэстингсъ. — И я клянусь служить ей всей душой.
(Обнимаетъ Дорзета).

Король Эдуардъ. — Достойный Бокингэмъ, запечатлѣй
И ты союзъ всеобщій, обойми
Родныхъ жены моей, порадуи сердце
Мое — согласіемъ, мнѣ столько милымъ!

Бокингэмъ (*Королеву*). — Едва на васъ ослушникъ Бокингэмъ
Осмѣлится возстать, едва лукавой
Любовью онъ обманетъ васъ и вашихъ
Друзей, — Господъ да поразитъ его
Коварствомъ тѣхъ, кого любовь дороже
Ему всего!.. И если нуженъ станетъ
Мнѣ другъ, и я вполнѣ ему довѣрюсь,
Пусть онъ меня съ презрѣніемъ покинетъ,
Измѣнитъ мнѣ, продастъ меня врагамъ!.,
Такъ небеса да отомстятъ мнѣ, если
Когда-нибудь въ душѣ моей остынетъ
Любовь къ монархинѣ моей и всѣмъ
Ея друзьямъ!..

Король Эдуардъ. — Достойный Бокингэмъ,
Обѣтъ твой моему больному сердцу
Отраднѣйшій бальзамъ! — Но гдѣ же Глостеръ,
Нашъ братъ! Его лишь одного здѣсь нѣтъ,
Чтобъ увѣнчать союзъ нашъ благодатный.

Бокингэмъ. — А вотъ, какъ-разъ, и благородный герцогъ.
(*Входитъ Глостеръ*).

Глостеръ. — День добрый королю и вамъ, моя
Монархиня! — Милордамъ-пэрамъ счастья
Желаю всякаго...

Король Эдуардъ. — Мы въ самомъ дѣлѣ
Сегодня счастливы. — Намъ удалось
Исполнить истинно-благое дѣло!
Мы обратили ненависть — въ любовь,
Вражду друзей — мы замѣнили миромъ.
И обнялись, какъ обнимались встарь
По-братски — наши царственные пэры...

Глостеръ. — Да, повелитель, истинно-благое
Вы дѣло сдѣлали... Я самъ, — едва

Въ собраньи этомъ челоѡкъ найдется,
Считающій меня своимъ врагомъ
По клеветѣ одной, по подозрѣнью-ль,
Иль, даже, если, въ самомъ дѣлѣ, я
Кому-нибудь — неволею иль волей —
Нанесъ обиду въ бѣшенствѣ моемъ, —
Я самъ желалъ бы примириться съ нимъ
Отъ всей души!.. Вражда мнѣ хуже смерти:
Я не терплю ея!.. Любовь людей —
Одна мое блаженство составляетъ.
И потому васъ первыхъ, королева,
Прошу объ этомъ я, въ залогъ любви
Вамъ обещаю вѣчныя услуги...
Васъ, благородный братъ мой, Бокингэмъ,
Прошу о томъ же, если между нами
Была хотя малѣйшая вражда...
И васъ, лордъ Риверсъ, также васъ, лордъ Дорзетъ. —
Мы безъ причины съ вами враждовали.
Васъ, Вудвиль, васъ, лордъ Скэльзъ, васъ, графы, лорды,
Васъ, герцоги и джентльмены, — всѣхъ
Я васъ прошу!.. Нѣтъ челоѡка въ цѣлой
Британіи, къ которому-бъ я болѣ
Питалъ вражды. чѣмъ, на примѣръ, къ ребенку,
Который этой ночью родился...
Благодарю, благодарю, о Боже,
Тебя за даръ смиренья моего...

Королева Елисавета. — Днемъ праздника да будетъ намъ отнынѣ
День этотъ! Съ нимъ да кончится раздоръ
Въ семьѣ монаршей! — Государь, позволь
Тебя просить о милости достойной, —
Отдай намъ Кларенса, прости его...

Глостеръ. — Какъ королева? Я любовь и дружбу
Вамъ предлагалъ затѣмъ, чтобъ надо мной
Вы издѣвались — здѣсь, предъ королемъ?
Скажите, кто-жъ не вѣдаетъ, что герцогъ
Скончался? — Трупъ его такой насмѣшкой
Безбожно оскорблять!.. (*Всѣ изумляются*).

Король Эдуардъ. — Какъ?.. Кто не знаетъ,
Что умеръ онъ?.. Но кто-жъ, скажите, знаетъ
О томъ, что онъ скончался?..

Королева Елисавета. — Небеса
Всевидящія! гдѣ же нашъ покой?!..

Бокингэмъ. — Лордъ Дорзетъ, неужель я такъ же блѣденъ,
Какъ всѣ здѣсь?

Дорзетъ. — Да, милордъ, здѣсь нѣтъ лица,
Съ котораго-бъ румянецъ не сбѣжалъ!..

Король Эдуардъ. — Какъ? умеръ Кларенсъ? Но вѣдь повелѣнье
Мое я отмѣнилъ!..

Глостеръ. — Бѣдняга умеръ
По первому приказу короля, —
Его къ нему съ Меркуриемъ крылатымъ
Послали... Со вторымъ же, вѣроятно,
Какой-нибудь калѣка потащился, —
Отсталъ немножко, и попалъ какъ разъ
На погребеніе!.. Дай Богъ, чтобъ люди, —
Настолько благородные и къ вамъ
По крови близкіе, — не по кровавой
Душѣ, — дай Богъ, чтобъ эти люди худшей
Не заслужили участи, чѣмъ Кларенсъ...
И чтобъ напрасно не касалось ихъ
Нѣмое подозрѣнье!.. (*Входитъ Стэнли*).

Стэнли. — Государь,
Молю тебя и милости за службу
Мою!

Король Эдуардъ. — Молчи, прошу тебя: душа
Моя полна мученій!

Стэнли. — Я не встану,
Пока меня не захотите вы
Услышать.

Король Эдуардъ. — Говори-жъ скорѣе, въ чемъ
Твое прошенье?

Стэнли. — Государь, молю
Тебя — простить, избавить моего
Слугу отъ казни: онъ убилъ сегодня
За дерзость джентльмена одного
Изъ сильной свиты герцога Норфолька.

Король Эдуардъ. — Языкъ мой осудилъ на гибель брага
И рядомъ съ нимъ помилуетъ раба?
Мой братъ убійцей не былъ, мысль его
Одна виновна, — и мой братъ казненъ!
Просили-ль за него меня? Склоняли-ль
Колѣни предо мной, съ мольбой за жизнь
Несчастнаго, когда я бѣсновался?
Кто говорилъ о братской мнѣ любви?
Кто мнѣ припомнилъ, что бѣднякъ отрекся
Отъ Варвика и сталъ въ мои ряды?..
Кто мнѣ напомнилъ, какъ при Тьюксбери,
Когда Оксфордъ низвергъ меня на землю, —

Онъ спасъ меня, воскликнувъ: «вѣрный братъ,
Живи и царствуй!..» Кто напомнилъ мнѣ
О томъ, какъ онъ, — когда, до смерти мы
Иззябшіе. лежали средъ пустыни, —
Меня своей одеждою окуталъ
И самъ, нагой, на холодѣ дрожалъ?..
Скотская месть изъ памяти моей
Безчувственно изгладила все это.
И ни одинъ изъ васъ мнѣ не напомнилъ
О томъ! — Вашъ конюхъ, вашъ послѣдній рабъ —
Свершилъ убійство гнусное, — святое
Подобье Бога погубилъ, — и вы
У ногъ моихъ взываете: «прощенье,
Прощенье, государь!..» И я обязанъ,
Кривя душой, исполнить вашу просьбу!
За брата-жъ моего никто и слова
Не вымолвилъ, ни я, неблагодарный,
Ни вы спасти не вздумали его...
Надменнѣйшимъ изъ васъ — при бѣдной жизни
Онъ помогалъ, — и что же? кто за жизнь
Его теперь просилъ?.. О, Боже правый,
Ты отомстишь за это имъ и мнѣ,
Друзьямъ моимъ и ихъ друзьямъ коварнымъ!
Пойдемте, Гэстингсъ, помогите мнѣ
Дойти въ мой кабинетъ. О, бѣдный, бѣдный,
Несчастный Кларенсъ!.. (*Уходятъ: Король, Королева,
Гэстингсъ, Риверсъ, Дорзетъ и Грей*).

Глостеръ. — Вотъ вамъ и плоды
Поспѣшности! — Замѣтили-ль вы, лордъ,
Какъ поблѣднѣли вдругъ, при громкой вѣсти
О смерти Кларенса, родные нашей
Великой королевы?.. День и ночь
Они ожесточали короля! —
Но Богъ накажетъ ихъ!.. Пойдемте, лорды,
Утѣшимъ Эдуарда

Бокингэмъ. — Свѣтлый лордъ,
Вы правы; — мы за вами всѣ идемъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Лондонъ. (*Входятъ: герцогиня Йоркъ съ сыномъ и дочерью Кларенса*).

Сынъ. — Скажите, бабушка, уже-ль скончался
Нашъ папенька?

Герцогиня. — О! нѣтъ, дитя мое...

Дочь. — Зачѣмъ же такъ вы плачете и бьете
Такъ часто въ грудь себя, взывая: «Кларенсъ! •
Несчастный сынъ мой!»

Сынъ. — Отчего всегда
Вы годовой качаете, едва
На насъ смотрите вы, и сиротами,
Изгнанниками насъ зовете, — если
Отецъ нашъ живъ?

Герцогиня. — Вы спутали совсѣмъ
Меня! Повѣрьте, немощъ короля
Заставила меня рыдать; опасность
Одна разстаться съ нимъ меня печалить.
А не кончина вашего отца...
Напрасна скорбь о томъ, что безъ возврата
Утрачено...

Сынъ. — И такъ, — онъ, значить, умеръ?!
Король, мой дядя, виноватъ во всемъ, —
И Богъ его накажетъ, — и молитъ
Его о томъ я буду день и ночь!

Дочь. — И я.

Герцогиня. — Пойдите, дѣти, перестаньте!
Король васъ любить, вы еще покуда
Такъ кротки и невинны, что рѣшить,
Кто былъ убійцей вашего отца,
Вамъ не подь-силу.

Сынъ. — Бабушка, убійцу
Я отыщу! Мнѣ добрый дядя Глостеръ
Сказалъ, что королева королю
Совѣтовала папеньку въ темницу
Забросить; и когда мнѣ говорилъ
Объ этомъ дяденька, онъ такъ рыдалъ,
Молился обо мнѣ и цѣловалъ
Мои глаза, и жалобно просилъ
Меня — надѣяться, какъ на отца
Второго, на него!.. и увѣрялъ,
Что онъ меня, какъ сына своего,
Какъ первенца, любить и нѣжить будетъ!

Герцогиня. — И хитрость можетъ принимать такую
Волшебную наружность, прикрывать
Свое коварство добродушной маской!?
Онъ кровь моя, мой сынъ, — ж мой позоръ!..
Но эту злобу онъ не изъ моей
Несчастной груди высосалъ.

Сынъ. — Такъ дядя,

По-вашему, лжетъ, бабушка?

Герцогиня. — Да, сынъ мой!

Сынъ. — Не можетъ быть!.. Но, слушай! что за шумъ?

(Выходитъ королева Елисавета, внѣ себя отъ отчаянья. За нею слѣдуютъ Риверсъ и Дорзетъ).

Королева Елисавета. — О! кто теперъ осмѣлится сказать,

Чтобъ не рыдала я, чтобъ не стонала,

Чтобъ участи своей не проклинала?..

Да, я сольюсь съ отчаяньемъ своимъ,

Сама себѣ врагомъ теперъ я буду!

Герцогиня. — На что, скажи, идетъ вся эта сцена?

Королева Елисавета. — На цѣлый актъ трагическаго горя: !—

Мой лордъ, твой сынъ, король нашъ Эдуардъ

Скончался! — Для чего же вѣтви живы,

Когда нѣтъ корня болѣ? Почему

Не вянуть листьѣ жалкіе. безъ соку?

Хотите жить, — рыдайте! Умереть

Хотите, — поскорѣ умирайте!

Чтобъ быстрокрылыя, земныя души

Могли съ душой монарха снова слиться

И, какъ ея покорные рабы, —

Въ другое царство, въ царство вѣчной ночи —

За нимъ путемъ воздушнымъ полетѣли!..

Герцогиня. — Ахъ, и моя есть доля въ вашей скорби!

Она равна моимъ былымъ правамъ

На мужа вашего, моя сестра!

Оплакавъ смерть любимаго супруга,

Я созерцаніемъ его подобіи І

Жила. И вотъ, два зеркала его

Внчаннхъ образовъ — ехидной смертью

Разбиты въ дребезги... Въ утѣху мнѣ

Теперъ осталось одно — кривое,

И нѣтъ покоя мнѣ, затѣмъ, что въ немъ я

И день, и ночь позоръ свой созерцаю...

Вы, слабая вдова, но вмѣстѣ вы —

И мать: вамъ утѣшенье — ваши дѣти.

А смерть, сгубивъ супруга моего,

Изъ рукъ моихъ и костыли мои

Исторгла: Кларенса и Эдуарда!

О, ваша скорбь — лишь половина скорби

Моей, и вашъ безумно-громкій плачь

Я заглушу стенаньями моими!..

Сынъ. — Ты, тетенька, не плакала о смерти
Бѣдняжки папеньки, и мы теперь
Тебѣ слезою нашей не поможемъ!

Дочь. — О сиротствѣ ты нашемъ не жалѣла,
И мы вдовства и горя твоего
Жалѣть не станемъ!..

Королева Елисавета. — Не въ рыданьяхъ помощь
Нужна мнѣ нынѣ. Я не такъ бесплодна,
Чтобъ не могла въ избыткѣ ихъ родить...
Всѣ рѣки мнѣ въ глаза воды нашьютъ,
И я, живя подъ мѣсяцемъ дождливымъ,
Могу весь міръ залить потокомъ слезъ,
Слезъ о моемъ безцѣнномъ Эдуардѣ,
О мужѣ бѣдномъ!

Дѣти. — Объ отцѣ несчастномъ,
О Кларенсѣ, о нашемъ утѣшеніи.

Герцогиня. — О нихъ обоихъ! Эдуардъ и Кларенсъ —
Мнѣ оба дѣти!

Королева Елисавета. — Кто безъ Эдуарда
Мнѣ помогаль? и я его лишилась!

Дѣти. — Кто, кромѣ Кларенса, намъ помогаль?
И мы его лишились!

Герцогиня. — Кто безъ нихъ
Мнѣ былъ опорой? И я ихъ лишилась!

Королева Елисавета. — Вдова была-ль когда несчастна такъ?

Дѣти. — Вѣкъ сироты такъ много не теряли!

Герцогиня. — И никогда ужаснѣйшаго горя
Не знала мать. — Я мать всѣхъ этихъ скорбей.
Ихъ горе частное, моя-жъ судьба —
Всѣхъ ихъ касается! — Она о мужѣ
Рыдаетъ, я о немъ же убиваюсь.
О Кларенсѣ я плачу, но она
О немъ уже не плачетъ. Эти дѣти
О Кларенсѣ рыдаютъ, — и я съ ними;
Объ Эдуардѣ плачу я, — они
Молчатъ!.. Такъ выплачьте же ваши слезы
О мнѣ, несчастной, троекратнымъ горемъ.
Я выкормила вашу грусть и снова
Вскормлю ее рыданіемъ моимъ!

Дорзетъ. — Утѣшьте, матушка, Господь не терпитъ
Роптанія на промыселъ небесный;
И въ мірѣ жизни ропотный возвратъ
Займа тому, кто насъ радушно имъ
Ссудилъ, — неблагодарностью зовется...

Тѣмъ болѣе неблагодаренъ ропотъ
На Господа за то, что онъ назадъ
Потребовалъ Свой царственный заемъ,
Которымъ насъ ссудилъ Онъ такъ охотно.

Риверсъ. — Опомнитесь, милэди! вы такъ нѣжно
Заботитесь о принцѣ, вашемъ сынѣ.
Скорѣй за нимъ пошлите, — и его
Немедля коронуйте. Въ немъ вся ваша
Награда. — Схороните-жъ эту скорбь
Въ гробъ Эдуарда мертваго, и радость
Свою на тронъ живого возводите!..

(Входятъ: Глостеръ, Бокингэмъ, Стэнли, Гэстингсъ, Ратклифъ и другіе).

Глостеръ. — Сестра, утѣшся; всѣ мы здѣсь имѣемъ
Причину плакать — о затмени нашей
Звѣзды. Но не помогъ еще никто
Рыданьемъ скорби нашей... Ахъ! простите!
Васъ, матушка, я не замѣтилъ здѣсь...
Смиренно, на колѣняхъ васъ молю я
О вашемъ праведномъ благословеніи...

Герцогиня. — Господь тебя да осѣнитъ и въ грудь
Твою да поселить — любовь, покорность,
Смиренье кроткое и вѣрность долгу!

Глостеръ. — И да пошлетъ мнѣ смерть въ преклонныхъ лѣтахъ,
Аминь! *(Въ сторону).* Таковъ конецъ благословеній
Всѣхъ матерей, а между тѣмъ ея
Высочество объ этомъ и забыла!..

Бокингэмъ. — Печальные и горестные принцы,
Печальные и горестные пэры, —
Одно несчастье убиваетъ насъ,
Утѣшимъ же взаимною любовью
Другъ друга. Нашу жатву смерть
Монарха уничтожила, но въ сынѣ
Его другая жатва созрѣваетъ...
Чувствительный и острый переломъ
Враждующихъ сердець, еще недавно
Соединенный, связанный и плотью
Покрывшійся, теперь мы всѣ должны
Щадить, беречь и зарощать незримо!..
По-моему, сейчасъ, безъ замедленья
Должны мы молодого короля
Изъ Людлова въ его столичный Лондонъ
Перевезти, со свитой небольшой,
И здѣсь его короновать на царство...

Риверсъ. — Зачѣмъ же съ небольшою только свитой,

Лордъ Бокингэмъ?

Бокингэмъ. — Затѣмъ, милордъ, чтобъ шумомъ

Процессіи не растравить вражды,

Недавно такъ залѣченной; а это

Опаснѣй тѣмъ, что зелены еще

И не устроены законы наши.

Что каждый конь вожжами править здѣсь

Бѣжитъ туда, куда ему угодно...

Я думаю, что устранить должны мы

Со зломъ и самую возможность зла!

Глостеръ. — Но вѣдь король насъ примирилъ!.. Не знаю,

Какъ вы, — а я мирился отъ души —

И навсегда...

Риверсъ. — Какъ я, — какъ всѣ, надѣюсь!

Но все-таки союзъ нашъ очень юнъ,

И подвергать его — хотя-бъ возможной

Опасности разрыва — не должно...

А при большомъ конвоѣ онъ возможенъ!

Поэтому, согласно съ благороднымъ

Милордомъ Бокингэмомъ, предложить

И я осмѣлюсь вамъ, — послать немногихъ

За принцемъ...

Гэстингсъ. — Это и мое рѣшеніе!

Глостеръ. — И я согласенъ, если вы согласны.

Пойдемте же, назначимъ — кто изъ насъ

За королемъ поѣхать долженъ въ Людловъ?

Милэди, — королева, — я надѣюсь,

Вы не откажетесь въ подобномъ важномъ

Рѣшеніи свое намъ мнѣнъе дать.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Бокингэма и Глостера).

Бокингэмъ. — Лордъ... Кто-бъ теперь за принцемъ ни поѣхалъ.

Молю васъ, не сидите дома; я

Дорогою отъ принца удалю

Надменныхъ родственниковъ королевы!

Глостеръ. — Мое второе Я, престоль моихъ

Совѣтовъ, мой судья и мой оракуль!

Любезный братъ, я, какъ дитя, пойду

Подъ вашимъ руководствомъ къ цѣли! Да,

Мы не останемся здѣсь!.. Въ Людловъ, въ Людловъ!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Улица. Два гражданина встрѣчаются.

Первый гражданинъ. — Здорово, другъ сосѣдь! Куда спѣшишь такъ?

Второй гражданинъ. — А право, я и самъ не знаю... Слышалъ

Ты новость?

Первый гражданинъ. — О кончинѣ короля?..

Да, слышалъ.

Второй гражданинъ. — Богоматерью клянусь,

Плохая новость! — Радостныя вѣсти

И безъ того до насъ доходятъ рѣдко...

О-охъ! Боюсь, какъ разъ теперъ вверхъ дномъ

Пойдетъ нашъ свѣтъ. (*Входитъ третій гражданинъ*).

Третій гражданинъ. — Богъ въ помощь вамъ, сосѣди!

Первый гражданинъ. — Спасибо! Добраго вамъ утра, сэръ!

Третій гражданинъ. — Что, подтвердилась новость о кончинѣ

Внезапной Эдуарда?

Второй гражданинъ. — Нѣтъ сомнѣнья

Ужъ болѣе! Господь, спаси насъ бѣдныхъ!

Третій гражданинъ. — Да, сэръ, быть великимъ смутамъ!

Первый гражданинъ. — Какъ такъ? — Вѣдь Божьей милостью на тронъ

Сынъ короля взойдетъ!..

Третій гражданинъ. — Несчастье царству,

Въ которомъ править слабое дитя!

Второй гражданинъ. — На нашего надѣяться мы можемъ!

Въ немъ цвѣтъ престола нашего!.. Пока

Онъ малъ, — въ рукахъ достойнаго совѣта

Бразды правленья будутъ, — а когда

Онъ подростетъ и наберется силой, —

Самъ онъ возьметъ свой скипетръ золотой

И управлять на славу нами станетъ!!..

Первый гражданинъ. — Да, тронъ въ такомъ же положеньи былъ,

Когда короною, въ Парижѣ, Генрихъ

Шестой вѣнчался на родное царство...

Онъ девяти былъ мѣсяцевъ тогда.

Третій гражданинъ. — Въ такомъ же положеньи? Нѣтъ, друзья, —

Господь свидѣтель, — наше царство было

Тогда богато славными мужами,

Совѣтниками королей, — и дяди

Могучіе вокругъ юнаго орла

Могучею фалангою стояли! —

Первый гражданинъ. — Что-жъ, и у этого довольно дядей

По матери и по отцу его...

Третій гражданинъ. — Ужъ лучше, если-бъ по отцѣ всѣ были,

Иль не было ни одного по немъ.

Соперничествомъ въ томъ, кому быть ближе

Изъ всѣхъ ихъ къ королю, они и насъ

Задѣнуть, если не спасетъ насъ Богъ.
О, герцогъ Глостеръ полонъ страшныхъ козней;
А сыновья и братья королевы
Высокомѣрны и горды; да, если бѣ
Имъ не владѣть, а быть самимъ подѣ властью —
Нашъ бѣдный и больной и слабый край
Увидѣлъ бы опять свое блаженство.

Первый гражданинъ. — Ну, перестаньте, вамъ все въ чѣрномъ видѣ
Является: все будетъ хорошо! —

Третій гражданинъ. — Когда ползутъ на небо тучи, — умный
Скорѣе надѣваетъ плащъ. Зима
Близка, когда большіе листья падать
Начнутъ; а закатилось солнце, — всякій
Ждетъ сумрака... Безвременныя бури
Дороговизну предвѣщаютъ... Впрочемъ,
Все будетъ хорошо, — но ужъ тогда
Господь къ намъ милостивъ гораздо болѣ,
Чѣмъ стоимъ мы и чѣмъ я ожидаю.

Второй гражданинъ. — Да точно, — всѣ умы полны боязни;
И съ кѣмъ бы вы ни стали разсуждать,
Его лицо ужъ покрываетъ грусть,
И весь онъ дышитъ чернымъ опасеньемъ.

Третій гражданинъ. — Предѣ смутами всегда бываетъ такъ!
Божественнымъ инстинктомъ человѣкъ
Разгадываетъ близкую опасность...
Такъ волны моря, передъ лютой бурей.
Какъ оживленныя, встаютъ надъ бездной —
Безъ вѣтра, сами... Но все это Богу
Оставимъ, граждане! — Куда вы?

Второй гражданинъ. — Насъ
Къ судьѣ обоихъ звали.

Третій гражданинъ. — И меня.
Въ дорогу-жъ, добрые друзья, въ дорогу. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамъ же. Комната во дворцѣ. Входятъ: Архіепископъ Іоркскій, малолѣтній герцогъ
Іоркскій, королева Елисавета и герцогиня Іоркская.

Архіепископъ. — Прошедшей ночью, — слышалъ я, — они
Въ Стратфордѣ были, въ Норсгэмптонѣ нынѣ
Имъ ночевать, а завтра на зарѣ, —
Иль ужъ навѣрно послѣзавтра, — здѣсь,
Межъ нами быть имъ.

Герцогиня. — Ото всей души
Мнѣ видѣть принца хочется. Съ тѣхъ поръ, какъ

Я видѣла его въ послѣдній разъ.
За это время онъ, конечно, выросъ.

Королева Елисавета. — Нѣтъ,
Мой Іоркъ его замѣтно переросъ,
Какъ говорили мнѣ!

Іоркъ. — А я совсѣмъ бы
Не пожелалъ такой завидной доли...

Герцогиня. — Какъ такъ, мой милый? Ростъ всегда хорошъ...

Іоркъ. — Да вотъ какъ, бабушка: однажды ночью,
За ужиномъ, мой дядя Риверсъ мнѣ
Сказалъ, что я переростаю брата, —
А дядя Глостеръ и замѣтилъ намъ:
«Хорошая трава невысока,
Дурная-жъ тянется всегда высоко».--
Съ тѣхъ поръ и не желаю я рости..
Роскошный цвѣтъ растетъ едва замѣтно.
А скоро вырастаютъ лишь дурные,
Да хворые и слабые цвѣты!..

Герцогиня. — Однакожь, эта поговорка вовсе
На томъ, кто высказалъ ее тебѣ,
Не оправдалася: онъ въ дѣтствѣ былъ
Такъ малъ и росъ такъ медленно, такъ туго.
Что, будь права пословица его,
Онъ былъ бы украшеніемъ людей...

Архіепископъ. — Онъ, герцогиня, добръ и безъ того!

Герцогиня. — Быть-можетъ, — но, какъ мать, я васъ прошу
На этотъ разъ позволить мнѣ немножко
Поусомниться...

Іоркъ. — Да! и если-бъ я
Тогда подумалъ хоть немного, — дядѣ
Сказалъ получше бы о бѣдномъ ростѣ
Его, чѣмъ о моемъ сказалъ онъ.

Герцогиня. — Что жъ,
Мой милый Іоркъ, сказалъ бы ты ему?

Іоркъ. — Всѣ говорятъ, что дядя росъ такъ скоро,
Что ровно черезъ два часа съ рожденья
Легко могъ корки грызть, — а у меня
Мой первый зубъ явился черезъ два
Лишь года!.. Бабушка, вѣдь это будетъ
Повеселѣй и поострѣй!

Герцогиня. — Скажи,
Мой свѣтлый Іоркъ, кто рассказалъ тебѣ
Объ этомъ?

Іоркъ. — Я не помню. — Да! его

Кормилица...

Герцогиня. — Кормилица? Возможно-ль!

Она скончалась прежде твоего
Рожденья.

Йоркъ. — Ну, такъ значить не она,
И я не знаю, кто мнѣ рассказалъ.

Королева Елисавета. — Болтунъ, пошелъ!! Ты что-то слишкомъ дерзокъ!

Архіепископъ. — Монархиня, простите, — онъ ребенокъ...

Королева Елисавета. — Милордъ, ушей не лишены и стѣны!
(Входитъ гонецъ).

Архіепископъ. — Вотъ и гонецъ: что новаго?

Гонецъ. — Милордъ,
Такія новости, что тяжело
И говорить.

Королева Елисавета. — Что принцъ!?!..

Гонецъ. — Здоровъ и веселъ,
Монархиня...

Герцогиня. — Такъ говори-жъ, въ чемъ дѣло?

Гонецъ. — Лордъ Риверсъ и лордъ Грей, а съ ними сэръ
Томасъ Вогэнъ, подъ сильной стражей въ Помфретъ
Отправлены.

Герцогиня. — Кто-жъ ихъ арестоваль?

Гонецъ. — Лордъ Бокингэмъ и сильный герцогъ Глостеръ.

Королева Елисавета. — За что?

Гонецъ. — Я рассказалъ вамъ все, что знаю,
Но какъ и по какой причинѣ ихъ
Арестовали, королева, это —
Мнѣ не повѣдано.

Королева Елисавета. — О! горе, горе...

Я вижу гибель всей моей семьи.
Бездушный тигръ поймалъ бѣдняжку лань.
Неистовое самовластье вздулось
Надъ беззащитнымъ англійскимъ престоломъ:
Здорово-жъ, злобное опустошенье,
Кровь и убійства! Вижу, вижу васъ...
Какъ на живой картинѣ — предо мной
Конецъ всего — непризванный выходитъ!

Герцогиня. — Проклятое и гибельное время
Междоусобій, — сколько черныхъ дней
Надъ головой моею разразилось!
Мой мужъ погибъ, сражаясь за вѣнецъ;
Мои сыны — то шумно возвышались,
То падали, — и я то наслаждалась
При ихъ побѣдахъ, то надъ горемъ ихъ

Терзалася... И вотъ, вполнѣ побѣда
Вѣнчала ихъ, враги ихъ разбѣжались...
Что-жъ вышло? — Бой открылся между ними,
Межъ побѣдителями; братъ на брата
И кровь на кровь возстали!.. О! безумство
Неистовое, брось свою хандру
Проклятую, — иль умертви меня,
Чтобъ не видать мнѣ смерти близкихъ мнѣ!

Королева Елисавета. — Пойдемъ! пойдемъ! мои сынъ!.. Скорѣе въ церковь
Укроемся!.. Прощайте, герцогиня.

Герцогиня. — Пойдите! и меня съ собой возьмите.

Королева Елисавета. — Вамъ незначѣмъ! Вы можете остаться...

Архіепископъ. — Да, королева, поспѣшите! — Всѣ
Свои сокровища, все достоянѣе
Свое берите также за собой...
А я передаю вамъ отъ себя
Печать, мнѣ ввѣренную... И дай Богъ
Мнѣ счастья такого же, какъ вамъ
Я отъ души желаю! Въ путь, идите...
Я проведу васъ въ храмъ! Идите съ Богомъ!
(*Всѣ уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Лондонъ. Улица. Звучать трубы. (Входятъ: Принцъ Валлійскій, Глостеръ, Бокингэмъ,
Борчеръ и другіе).

Бокингэмъ. — Привѣтствую васъ, принцъ, въ палатѣ вашей, —
Въ великомъ Лондонѣ.

Глостеръ. — Племянникъ милый,
Властитель думъ моихъ, привѣтъ душевный
Вамъ отъ меня! Не отъ дороги-ль трудной
Вы такъ печальны?

Принцъ. — Нѣтъ, не отъ дороги,
Любезный дядя, — отъ досадныхъ смуть,
Которыя нашъ путь такимъ несчастнымъ
И неприятнымъ сдѣлали: я ждалъ,
Что здѣсь меня еще другіе дяди
Привѣтствовать сойдутся.

Глостеръ. — Свѣтлый принцъ,
Безгрѣшная правдивость вашихъ лѣтъ
Мѣшаетъ вамъ проникнуть въ козни міра!
Понятна вамъ одна лишь внѣшность наша,

Которая, — свидѣтель Богъ, — почти
Всегда противорѣчитъ нашимъ мыслямъ.
Опасны были вамъ всегда тѣ дяди,
Которыхъ здѣсь вы не нашли... Вамъ сладки
Казались рѣчи ихъ, но ядъ сердець
Своихъ они отъ васъ лукаво скрыли!
Да сохранить васъ Богъ отъ этихъ дядей
И ото всѣхъ друзей коварныхъ!..

Принцъ. —

Богъ

Да сохранить меня отъ ложной дружбы.
Но ложны-ль были дяди, я не знаю...

Глостеръ. —

Милордъ, мэръ Лондона спѣшитъ сюда
Поздравить васъ съ избраніемъ...

(Входитъ лордъ-мэръ со свитой).

Мэръ. —

Всевышній

Да ниспошлетъ вамъ счастье и здоровье,
Нашъ молодой монархъ!

Принцъ. —

Благодарю

Васъ, добрый лордъ; благодарю и васъ всѣхъ!

(Мэръ удаляется со свитой).

Я полагалъ, что матушка и братъ,
Принцъ Йоркъ, меня еще въ дорогъ встрѣтятъ;
Но — какъ же медлитъ этотъ скучный Гэстингсъ!
Какъ не узнать, пріѣдутъ ли они?

(Входитъ Гэстингсъ).

Бэкингэмъ. —

Да вотъ и Гэстингсъ! какъ усталъ, и весь
Въ поту!

Принцъ. —

Здорово, лордъ! Что-жъ, скоро будутъ
Сюда мой братъ и мать моя?

Гэстингсъ. —

Богъ вѣсть,

Что за причина, только братъ вашъ Йоркъ
И королева удалились въ храмъ.
Принцъ думалъ къ вамъ со мною вмѣстѣ ѣхать. —
Но королева силой удержала
Его...

Бокингэмъ. —

Какой безумный и упрямый

Капризь! — Лордъ Борчеръ, не угодно-ль вамъ
Представить убѣжденья королевѣ,
Чтобы она сейчасъ же принца Йорка
Сюда, къ его властительному брату,
Отправила! — Когда-жъ она, лордъ Гэстингсъ,
Не согласится, вы пойдете съ нимъ,
И силой изъ ея ревнивыхъ рукъ
Возьмите герцога!..

Борчеръ. — Лордъ Бокингэмъ,
 Пусть только не измѣнитъ мнѣ языкъ, —
 Я вымолю у матери вамъ принца,
 И вы увидите его; но если-жъ
 Она не тронется моей мольбой, —
 Избави Богъ меня нарушить святость
 Ея убѣжища! За царство міра —
 Не соглашусь дѣлать я этотъ грѣхъ!

Бокингэмъ. — Вы мелочны, милордъ, и суевѣрны;
 Вамъ самый безтолковый подтвердитъ,
 Что, принца захвативъ, не прегрѣшите;
 Убѣжище даютъ тому охотно,
 Кто борется за сохраненье жизни.
 Принцъ ни о чемъ не плачетъ, не вздыхаетъ,
 А потому не ищетъ онъ и скрыться.
 Вы, взявъ его, не оскорбите тѣмъ
 Ни привилегій, ни уставовъ храма.
 Я слышалъ часто о правахъ людей,
 Но никогда о хартіяхъ дѣтей!

Борчеръ. — Милордъ, меня вполнѣ вы убѣдили,
 Идемъ. Лордъ Гэстингсъ, вы со мной?

Гэстингсъ. — Идемте.

Принцъ. — Идите, лорды добрые, спѣшите.
(Кардиналь и Гэстингсъ уходятъ).
 Скажите, дядя Глостеръ, — если братъ мой
 Приѣдетъ, гдѣ мы съ нимъ должны пристать
 До коронаціи?

Глостеръ. — Повсюду, лордъ,
 Гдѣ вашему величеству угодно
 Лишь будетъ. — Впрочемъ, я бы далъ совѣтъ вамъ —
 Хоть на день или на два завернуть
 Въ спокойный Тоуэръ; послѣ же, пожалуй, —
 Гдѣ вы найдете болѣе пріятнымъ
 И болѣе полезнымъ для здоровья.

Принцъ. — Противень мнѣ вашъ Тоуэръ; хуже всѣхъ
 Другихъ мнѣ мѣсть онъ. — Справедливо-ль, впрочемъ,
 Что выстроилъ его Великій Цезарь?

Глостеръ. — Онъ, государь, лишь началъ строить Тоуэръ:
 Доканчивало дальнее потомство.

Принцъ. — И это все по лѣтописямъ видно,
 Или преданія изъ вѣка въ вѣкъ
 Перенесли такую вѣсть?

Бокингэмъ. — Милордъ,
 Лишь по преданьямъ.

Принцъ. — Но, положимъ, дядя.

Что это бы и не было въ столбцы
Пергамента записано, — не правда-ль,
Что истина должна изъ вѣка въ вѣкъ.
Изъ устъ въ уста идти и безъ того, —
Идти до дня *последняго суда?*..

Глостеръ (*въ сторону*). — Разумникъ скороспѣлый, говорятъ,
Недолговѣченъ, впрочемъ!..

Принцъ. — Что вы, дядя,
Сказали?..

Глостеръ. — Лордъ, я говорю, что слава
И безъ скрижалей долговѣчна. (*Въ сторону*). Вотъ —
И я, какъ Зло въ старинныхъ представленьяхъ.
Плету двусмысленныя остроты.

Принцъ. — Великій человѣкъ былъ Цезарь! То,
Что доблести его уму внушали,
Умъ завѣщаль потомству въ письменахъ,
И доблести его въ безсмертной жизни
Явились.. Смерть его не побѣдила...
И умеръ онъ, — но духъ его живетъ! —
Лордъ Бокингэмъ, я что-то вамъ сказать
Хочу.

Бокингэмъ. — Что скажешь, принцъ?

Принцъ. — А вотъ что: если
Я доживу до той поры, что мужемъ
Ужъ назовусь, я возвращу отчизнѣ
Завоеванья нашихъ королей —
Во Франціи... Иль на войнѣ солдатомъ
Паду, какъ жилъ на тронѣ королемъ!

Глостеръ (*въ сторону*). — Несвоевременный приходъ весны,
Жаровъ и жизни — убавляетъ лѣто...
(*Входятъ: Йоркъ, Гэстингсъ и Кардиналъ*).

Бокингэмъ. — А вотъ, какъ разъ и герцогъ Йоркъ!

Принцъ. — Привѣтъ вамъ,
Любезный братъ нашъ, Ричардъ Йоркскій! Какъ
Вы поживаете?

Йоркъ. — Благодарю,
Мой августѣйшій повелитель! — Такъ ли
Теперь я долженъ называть тебя?

Принцъ (*горестно*). — Да, братъ, и къ твоему, и къ моему
Несчастью! — Такъ еще недавно умеръ
Тотъ, кто бы могъ еще носить такое
Святое имя! Это имя много
Утратило величья своего

Со смерти короля!

Глостеръ. — Какъ поживаетъ
Племянникъ нашъ, достойный герцогъ Йоркъ?

Йоркъ. — Благодарю, любезный дядя.. Да!!
Милордъ, — вы какъ-то говорили мнѣ,
Что быстро вырастаетъ лишь дурная
Трава: смотрите же, какъ переросъ
Меня свѣтлѣйшій принцъ, мой братъ...

Глостеръ. — Да, лордъ.
И въ самомъ дѣлѣ!

Принцъ. — Значить, братъ твой — зелье
Плохое?

Глостеръ. — Нѣтъ, кузень мой, не скажу.

Йоркъ. — Такъ вы насъ любите любовью разной?

Глостеръ. — Онъ мнѣ король, я подданный ему;
А вы — родной намъ близкій.

Йоркъ. — Такъ прошу васъ,
Любезный дядя, дать мнѣ свой кинжалъ.

Глостеръ. — Кинжалъ мой? Отъ души, племянникъ милый

Принцъ. — Ты, братецъ, просишь, точно нищій.

Йоркъ. — Да,—
Прошу у дяди, онъ мнѣ не откажетъ.
Притомъ — не жаль отдать такой бездѣлки
Кому угодно.

Глостеръ. — Дорогому принцу
Я никогда-бъ не отказалъ и въ большемъ...

Йоркъ. — И въ большемъ? Значить, вы мнѣ подарите
И мечъ еще?

Глостеръ. — Да, дорогой племянникъ,
Когда-бъ онъ былъ поменьше.

Йоркъ. — О! я вижу
Теперь, вы щедры лишь на небольшіе
Подарки: попроси же васъ бѣднякъ
О чемъ-нибудь побольше, вы ему
Сейчасъ откажете.

Глостеръ. — Мой мечъ тяжелъ
Вамъ будетъ.

Йоркъ. — Ничего, я слажу съ нимъ,
Будь онъ еще тяжелѣ.

Глостеръ. — Какъ? Малютка
Милордъ мое оружіе носить
Хотѣлъ бы?

Йоркъ. — Да, мнѣ очень бы хотѣлось
Вамъ отплатить, любезный дядя, тѣмъ же,

Чѣмъ вы меня сейчасъ назвали!

Глостеръ. — Какъ же,
Чѣмъ?

Йоркъ. — Маленькимъ!..

Принцъ. — Лордъ Йоркъ всегда до вздору
Дойдетъ въ своихъ словахъ... Но добрый дядя
Всегда умѣлъ переносить пустыя
Его обиды!

Йоркъ. — Вы сказать хотѣли —
Носить, а не переносить меня...
Братъ надо мной, да и надъ вами, дядя.
Смѣется; я не больше обезьяны, —
И на плечахъ вамъ не снести меня.

Бокингэмъ. — Какъ мѣтко и остро хитрецъ васъ шутить:
Какъ ловко и наивно онъ смѣется
Самъ надъ собой, — чтобы смягчить свои
Нападки на родного дядю!.. Чудно!
Такъ молодъ и ужъ такъ хитеръ.

Глостеръ. — Милордъ,
Угодно-ль вамъ идти въ дорогу далѣ?
А между тѣмъ, мы съ братомъ Бокингэмомъ
Къ родительницѣ вашей поспѣшимъ
И убѣдимъ ее явиться вслѣдъ
За вами въ Тоуэръ съ должнымъ поздравленьемъ.

Йоркъ. — Какъ, лорды, вы идете въ Тоуэръ?

Принцъ. — Лордъ
Протекторъ приказалъ намъ это, онъ
Желаетъ такъ...

Йоркъ. — Я въ Тоуэрѣ едва-ль
Спокойно буду спать!

Глостеръ. — Что это значить?
Чего бояться вамъ, милордъ?

Йоркъ. — Чего?
Кровавой тѣни Кларенса! — Вѣдь дядя
Былъ въ Тоуэрѣ убитъ?.. Такъ говорила
Мнѣ бабушка!

Принцъ. — Я мертвыхъ дядей вовсе
Бояться не умѣю.

Глостеръ. — И живыхъ —
Надѣюсь?

Принцъ. — О! пока они еще
Не умерли, мнѣ нечего бояться! —
Однако-жъ, лордъ, идемте! — Вспоминая
О нихъ, — съ печалью и съ тоской въ душѣ, —

Я неохотно отправляюсь въ Тоуэръ.

(Уходятъ: Принцъ, Йоркъ, Гэстингсъ, Кардиналъ, свита и другіе).

Бокингэмъ. — Какъ, лордъ, вы думаете, эти всѣ
Насмѣшки маленькаго болтуна —
Не наущенья матери его
Лукавой и мятежной?

Глостеръ. — Безъ сомнѣнья!
О! это преопасный мальчикъ: смѣль,
Хитеръ, уменъ и гордъ, — и весь
Въ родную матушку — отъ головы
До пятокъ!

Бокингэмъ. — Хорошо!.. Оставимъ ихъ!..
(Входитъ Кэтзби).
Приблизься, вѣрный Кэтзби. Ты клялся намъ
Исполнить все, что-бъ мы ни замышляли,
Клялся хранить въ глубокой тайнѣ все,
Что-бъ мы тебѣ ни сообщили. — Ты
Дорогою узналъ уже не мало
Изъ нашихъ плановъ! — Какъ ты полагаешь,
Легко-ль на нашу сторону склонить
Вильяма Гэстингса въ великомъ дѣлѣ
Коронованья этого милорда
Вѣнцомъ Британіи, отчизны нашей?

Кэтзби. — Нѣтъ, изъ любви къ покойному монарху,
Не согласится онъ обидѣть сына
Его!

Бокингэмъ. — А что ты думаешь о Стэнли?
Не покорится-ль этотъ намъ?

Кэтзби. — Ни въ чемъ
Отъ Гэстингса онъ не отстанеть.

Бокингэмъ. — Ну, —
Такъ вотъ что, добрый Кэтзби, ты ступай
Къ Вильяму Гэстингсу и передай
Ему, что онъ на-завтра долженъ въ Тоуэръ
Явиться на совѣтъ объ исполненьи
Вѣнчанія; — и тутъ, издалека.
Узнай, какихъ лордъ Гэстингсъ будетъ мыслей
Касательно задуманнаго нами
Намѣренья? И если ты замѣтишь,
Что онъ расположенъ къ намъ, — ободри
Его, повѣрь ему всѣ наши планы;
Когда-жъ онъ будетъ молчаливъ и мраченъ,
И холодень, и весь въ негодованье
Придетъ, — и ты ему потворствуй! Сбавь

Горячности своей, незримо кончи
Свой разговоръ и поскорѣй увѣдомь
Нась о его расположенъи. Завтра
Еще другой совѣтъ составимъ мы:
А въ немъ и ты себѣ отыщешь дѣло.

Глостеръ. — Напомни Гэстингсу, любезный Кэтзби,
Что завтра, въ Помфретѣ, — опасной кучки,
Его враговъ беззубыхъ пустятъ кровь...
Пускай, дружокъ, на радости отъ этихъ
Вѣстей, — одинъ хоть лишній поцѣлуй
Дастъ мистриссъ Шоръ!

Бокингэмъ. — Надѣюсь, добрый Кэтзби,
Что порученья наши ты исполнишь
Со всею вѣрностью...

Кэтзби. — Со всею, лорды! —

Глостеръ. — Увидишь ли тебя мы, Кэтзби, прежде,
Чѣмъ ляжемъ спать?..

Кэтзби. — Увидите, надѣюсь!

Глостеръ. — Итакъ — иди, ты въ Кросби насъ найдешь.

(Кэтзби уходитъ).

Бокингэмъ. — Что-жъ, лордъ, мы станемъ дѣлать, если Гэстингсъ
Откажетъ намъ?

Глостеръ. — Мы голову ему
Сорвемъ!.. На всякій случай, вѣроятно.
Ужъ что-нибудь да станемъ дѣлать! — слушай:
Когда я буду королемъ, твое —
Герфордское блистательное графство
И все имѣнье движимое брата
Покойника!..

Бокингэмъ. — Я, лордъ, тогда сошлюсь
На ваше слово.

Глостеръ. — Да, я и сдержу
Его тебѣ, какъ другу моему!..
Пойдемъ, поужинаемъ поскорѣй,
Заранѣе, чтобъ было время намъ —
Переварить получше наши планы! — *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Передъ домомъ лорда Гэстингса. Входитъ гонецъ.

Гонецъ *(стучитъ въ дверь)*. — Милордъ, милордъ!

Гэстингсъ *(за сценой)*. — Кто тамъ стучится. — эй?..

Гонецъ. — Посоль отъ Стэнли.

Гэстингсъ. — А который часъ?

Гонецъ. — Четыре скоро станетъ бить.

(Входитъ Гэстингсъ).

- Гэстингсъ. — Навѣрно —
Лордъ Стэнли твой безсонницей страдаетъ?
- Гонецъ. — Да, по тому судя, что мнѣ сказать
Поручено вамъ, — кажется, что такъ...
Во-первыхъ, онъ вамъ кланяется, лордъ!
- Гэстингсъ. — Потомъ?
- Гонецъ. — Потомъ велѣлъ вамъ сообщить,
Что въ нынѣшнюю ночь ему приснился
Кабанъ, и будто этотъ звѣрь съ него
Сорвалъ шишакъ; потомъ онъ говоритъ,
Что завтра соберутся два совѣта,
И что въ одномъ изъ нихъ рѣшиться можетъ
То, что въ другомъ надѣлаетъ заботъ
Вамъ и ему. Поэтому онъ мнѣ
Велѣлъ узнать, угодно-ль будетъ вашей
Свѣтлѣйшей милости немедля, съ нимъ
Садиться на коней и, сколько можно
Быстрѣй, летѣть на сѣверъ и спастись
Отъ бѣдъ, которыя предвидитъ онъ.
- Гэстингсъ. — Иди, дружище, воротись къ милорду,
Скажи ему, чтобъ онъ не опасался
Двойного совѣщанья: на одномъ
Изъ нихъ мы будемъ оба, на другомъ же
Мой другъ, лордъ Кэтзби, непременно будетъ;
И все, что-бъ на послѣднемъ противъ насъ
Не порѣшили, тотчасъ намъ объявятъ.
Скажи ему, что страхъ его напрасень;
А что касается до сна, то я
Не надивлюся просто, — какъ въ такой
Онъ степени и простъ, и безразсудень,
Что вѣрить шалостямъ своихъ же грезъ!
Бѣжать отъ кабана, когда кабанъ
Еще не гонится за нами, значить —
Заставить броситься его за нами
И показать ему добычу тамъ.
Гдѣ онъ ее и видѣть не сумѣлъ бы!
Иди же къ господину твоему
И попроси его ко мнѣ; мы вмѣстѣ
Поѣдемъ въ Тоуэръ, и милордъ увидитъ,
Какъ тамъ его воинственный кабанъ
Насъ ласково и безобидно встрѣтитъ!
- Гонецъ. — Лордъ, обо всемъ ему я передамъ.

(Уходитъ. Входитъ Кэтзби).

Кэтзби. — День добрый, благородный лордъ!

Гэстингсъ. — А, Кэтзби,
Мое почтеніе — вы нынче рано
Вспорхнули! Ну, что новаго у насъ, —
У насъ, въ несчастномъ государствѣ нашемъ?

Кэтзби. — И въ самомъ дѣлѣ, лордъ, въ немъ какъ-то все
Мяется и идетъ внѣ колеи.
Я думаю, что этому до той
Поры не перестать, пока вѣнецъ
На Ричардѣ не заблеститъ и земли
Регалій не войдутъ въ его доходы.

Гэстингсъ. — Вѣнецъ правленія? Корона?

Кэтзби. — Да,
Мои добрый лордъ.

Гэстингсъ. — Пусть голову мою
Снесутъ мнѣ прежде, чѣмъ увижу я
Такое страшное перемѣщеніе
Короны! Неужель и въ самомъ дѣлѣ,
По-вашему, онъ мѣтитъ на нее?

Кэтзби. — Да, нѣтъ сомнѣнья. Онъ и васъ склонитъ
Надѣется на сторону свою:
И потому просилъ меня сказать вамъ,
Что нынче-жъ ваши кровные враги,
Родные королевы, — всѣ погибнуть
Близъ Помфрета...

Гэстингсъ. — О! Ужъ, конечно, я
Не огорчусь извѣстіемъ подобнымъ,
Они всегда со мною враждовали!
Но, чтобъ за Ричарда мой голосъ дать
Рѣшился я, — чтобъ согласился тронъ
Отнять у сына моего монарха, —
Нѣтъ, — никогда! Свидѣтель Богъ, — хоть жизни
Лишусь!

Кэтзби. — Дай Богъ, чтобъ вы всегда, милордъ,
Такихъ достойныхъ мыслей были!

Гэстингсъ. — Но —
И черезъ годъ я радоваться буду, —
Что видѣлъ смерть моихъ враговъ лукавыхъ...
Они меня поссорили съ моимъ
Монархомъ. — Да, любезный Кэтзби, прежде
Чѣмъ я двумя недѣлями еще
Состарѣюсь, — я положу отправить
Еще кого-нибудь изъ нихъ, — они
Объ этомъ и не думаютъ!..

Кэтзби. — Однако-жъ,
Милордъ, — прескверно умереть, когда
О смерти и не думаешь!

Гэстингсъ. — Да, гадко!
И такъ падутъ Вогэнь, и Грей, и Риверсъ, —
И нѣсколько еще другихъ; межъ тѣмъ,
Они себя въ опасности нисколько
И не считаютъ, точно ты да я. —
Къ которымъ, какъ всему извѣстно свѣту,
Такъ благосклонны — и свѣтлѣйшій Ричардъ,
И другъ его, — достойный Бокингэмъ.

Кэтзби. — Они васъ оба ставятъ такъ высоко...
(Въ сторону). Что вашей головѣ, милордъ, какъ разъ
Стоять на мостовомъ столбѣ!

Гэстингсъ. — О, да, —
Я знаю самъ, что я достоинъ этой
Почетной дружбы! (Входитъ Стэнли).
А, здорово, лордъ!
Что-жъ безъ рогатины вы, — кабана
Бойтесь, — а ходите одни,
Безъ всякаго оружія?

Стэнли. — Милорды,
День добрый вамъ! — Не смѣйтесь надо мной.
Клянусь крестомъ Спасителя, — совсѣмъ
Не по душѣ мнѣ двойственный совѣтъ вашъ.

Гэстингсъ. — Милордъ, я дорожу не меньше васъ
Своею жизнью; и прибавлю вамъ,
Что никогда еще она мнѣ столько,
Какъ нынче, не казалась безцѣнна.
И неужель, когда бы въ безопасность
Свою не вѣрилъ я, — такъ безмятежно-бъ
Болталъ я съ, вами?..

Стэнли. — Помфретскіе лорды
Изъ Лондона спокойно выѣзжали
И вѣрили въ святую безопасность
Свою, — и въ самомъ дѣлѣ никакой
Причины не имѣли опасаться.
Однако-жъ, вамъ извѣстно. какъ неожиданно
Затмился день ихъ? — Страшно я боюсь
Ударовъ этой безпощадной мести!..
Дай Богъ, чтобъ я остался только трусомъ!
Что-жъ, въ Тоуэръ, лорды, мы идемъ?.. Ужъ день
Давно на небѣ.

Гэстингсъ. — Полно, успокойтесь.

Извѣстно-ль вамъ, милордъ, что нынче будутъ
Казнить тѣхъ самыхъ лордовъ, о которыхъ
Вы только-что припоминали?..

Стэнли. — Да,
По вѣрности и чести ихъ, скорѣй —
Имъ можно-бъ было головы носить,
Чѣмъ нѣкоторымъ изъ судей ихъ шляпы.
Идемте-жь, лордъ. (*Входитъ разсылный*).

Гэстингсъ. — Ступайте вы впередъ;
А я вотъ съ этимъ перемолвить долженъ.
(*Стэнли и Кэтзби уходятъ*).

Ну что, дружище, какъ твои дѣла?

Разсылный. — Идутъ чудесно, — если ваша свѣтлость
Меня своимъ уже почтили словомъ...

Гэстингсъ. — Скажу тебѣ, что и мои дѣлишки
Поправились завидно съ той поры,
Какъ мы съ тобою здѣсь же повстрѣчались:
Тогда я шелъ подъ стражей въ грозный Тоуэръ,
Благодаря стараніямъ друзей
И родственниковъ королевы; нынче-жь, —
Храни лишь это въ тайнѣ — нынче день
Кровавой казни всѣхъ моихъ враговъ...,
Да, лучше, нежели когда-нибудь.
Теперь моя капризная судьба.

Разсылный. — Дай Богъ, чтобъ все по вашему желанью
Свершилося!

Гэстингсъ. — Спасибо, вѣрный другъ!
(*Бросая ему кошелекъ*).

Вотъ, выпей за мое здоровье!

Разсылный. — Лордъ,
Благодарю васъ. (*Уходитъ. Входитъ Патеръ*).

Патеръ. — Дорогая встрѣча.
Милордъ! — Отраднo вашу честь мнѣ видѣть!

Гэстингсъ. — Благодарю васъ отъ души, любезный
Сэръ Джонъ! Я передъ вами все еще
Въ долгу за вашу вѣрную услугу...
Въ субботу слѣдующую ко мнѣ
Зайдите, — я свой долгъ вамъ заплачу!

Патеръ. — Свѣтлѣйшій лордъ, я буду ожидать.
(*Входитъ Бокингэмъ*).

Бокингэмъ. — О чемъ вы это говорите здѣсь
Съ духовникомъ своимъ, лордъ камергеръ?
Въ немъ болѣе нуждаются друзья
Милорда, — Помфретскіе арестанты,

А вашей чести исповѣдь пока
Еще надолго ненужна.

Гэстингсъ. — Конечно!
Я встрѣтился съ духовникомъ, и мысль
Невольная о нашихъ заключенныхъ
Пришла мнѣ въ голову. Скажите, герцогъ,
Вы въ Тоуэръ отправитесь?

Бокингэмъ. — Да, лордъ;
Но я туда — на самый малый срокъ,
И прежде васъ оттуда возвращусь.

Гэстингсъ. — Быть можетъ, потому что я объдать
Останусь тамъ.

Бокингэмъ (*въ сторону*). — И ужинать! Но этого еще
Не знаешь ты. — Итакъ, милордъ, идемте.

Гэстингсъ. — Идемте, я готовъ, свѣтлѣйшій герцогъ!
(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Помфретъ. Передъ замкомъ (Ратклифъ со стражею ведетъ на казнь Риверса, Грея и
Вогэна).

Ратклифъ. — Ведите плѣнниковъ!

Риверсъ. — Сэръ Ричардъ Ратклифъ, —
Сегодня ты увидишь, какъ за вѣрность.
За честь свою и за святой свой долгъ —
Погибнетъ подданный!..

Грей. — Всевышній принца
Да сохранять отъ вашей братьи! Всѣ
Вы заклятые кровопійцы...

Вогэнь. — Будетъ
Пора. — И вы начнете горевать,
Что жизнь васъ не покинула!..

Ратклифъ. — Спѣшите. —
Уже давно границы вашей жизни
Положены.

Риверсъ. — О, Помфретъ, Помфретъ! Ты —
Кровавая и страшная темница
Для благородныхъ пэровъ!.. Подъ твоимъ
Преступнымъ сводомъ былъ изрубленъ Ричардъ
Второй, — и мы своей невинной кровью
Тебя забрызжемъ, чтобъ въ-конецъ усилить
Позоръ твоей отверженной судьбы.

Грей. — Свершаются проклятья Маргариты,
Ея желанья Гэстингсу, и мнѣ,

И вамъ, милордъ: мы видѣли, какъ Ричардъ
Убилъ ея любимое дитя!..

Риверсъ. — Тогда она проклятыя расточала
И на другихъ: мятежный Бокингэмъ,
И Гэстингсъ, и коварный Ричардъ — также
Подверглись имъ! — О, Господи, внемли-жь.
Ея мольбамъ за нихъ, какъ внялъ ты нынѣ
Ея моленіямъ за насъ... Но, Боже,
Помилуй и спаси мою сестру!
И сохрани ея малютку-сына...
Пусть наша кровь невинная прольется
За нихъ и жизнь ихъ бѣдную искупить!

Ратклифъ. — Спѣшите: часъ кончины вашей пробилъ...

Риверсъ. — Вогэнь, другъ, Грей! обнимемся, прощайте!
До новой встрѣчи, тамъ — на небесахъ!..

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лондонъ. Комната въ Тоуэрѣ. Бокингэмъ, Стэнли, Гэстингсъ, Епископъ Эли, Кэтзби,
Ловель и другіе сидятъ за столомъ; чиновники совѣта стоятъ позади ихъ.

Гэстингсъ. — И такъ, милорды-пэры, на совѣтъ
Мы собрались, чтобъ кончить наше дѣло
О коронаціи; рѣшите-жь съ Богомъ
Его и назначайте день.

Бокингэмъ. — Но все-ль
Готово для такого торжества?

Стэнли. — Готово все; осталось назначить
Лишь день одинъ!

Эли. — По-моему — такъ завтра
День самый выгодный!

Бокингэмъ. — Кому извѣстно,
Что думаетъ объ этомъ лордъ-протекторъ?
Кто посвященъ въ тайникъ его души?

Эли. — Мы думаемъ, что вамъ, достойный лордъ,
Скорѣй другихъ его извѣстно мнѣнъе.

Бокингэмъ. — Какъ такъ? Мы только лишь по лицамъ знаемъ
Другъ друга. Что же до сердець, то, право,
Мое ему настолько же извѣстно,
Насколько мнѣ извѣстны ваши; сердце
Его открыто предо мною такъ же,
Какъ вамъ мое открыто!.. Гэстингсъ, вы —
Съ нимъ дружны...

Гэстингсъ. — Я благодарю его
Высочество за добрую любовь

Его ко мнѣ, я въ ней вполнѣ увѣренъ.
Но что касается его суждений
О коронаціи, — объ этомъ я
Его не спрашивалъ, а самъ онъ вовсе
Не думалъ мнѣ о нихъ сказать; когда-жъ
Вы, лорды благородные, рѣшите
Назначить день, я голосъ свой подамъ
За герцога, — и онъ, какъ я надѣюсь,
Не можетъ оскорбиться тѣмъ нисколько!..
(*Входитъ Глостеръ*).

Эли.— А вотъ и герцогъ.

Глостеръ.— Добраго утра,
Милорды благородные и братья.
Я заспался... Надѣюся, однакожъ,
Мое отсутствіе не помѣшало
Вамъ ни въ какомъ сужденіи: вы всегда
И безъ меня могли бы обойтись.

Бокингэмъ.— Когда-бъ по репликѣ вы не явились,
Лордъ Гэстингсъ произнесъ бы вашу часть:
То-есть — сказалъ бы всѣмъ намъ ваше мнѣніе
Насчетъ вѣнчанья короля...

Глостеръ.— Одинъ
Лордъ Гэстингсъ можетъ быть такъ смѣлъ. — Лордъ Гэстингсъ
Меня и знаетъ хорошо, и любитъ!
Лордъ Эли, я въ послѣдній разъ въ Гольборнѣ
Гулялъ у васъ въ саду, — и видѣлъ тамъ
Чудесную клубнику! потрудитесь
Послать за ней теперь же.

Эли.— Свѣтлый лордъ,
Отъ всей души!.. (*Уходитъ*).

Глостеръ.— Любезный Бокингэмъ,
На пару словъ. (*Отходитъ съ нимъ въ сторону*).
Другъ! Кэтзби говорилъ
Съ Вильямомъ Гэстингсомъ о нашемъ дѣлѣ.
Упрямый джентельмень горячь и такъ
Настойчивъ, что скорѣй готовъ погибнуть,
Чѣмъ согласиться, чтобъ прямой наслѣдникъ
Его монарха, — какъ достойно онъ
Его честить, — лишился царственного трона
Британіи!

Бокингэмъ.— Уйдите на минуту
Отсюда. Я за вами тоже выйду.
(*Уходитъ съ Глостеромъ*).

Стэнли.— А мы еще не назначали дня...

По-моему, такъ завтра слишкомъ скоро
Ужъ будетъ, — я и самъ не такъ готовъ,
Какъ могъ бы, — если-бъ это торжество
Немного продолжили!.. (*Входитъ Эли*).

Эли.—

Гдѣ же лордъ

Протекторъ? Я послалъ уже за клубникой.

Гэстингсъ.—

Его высочество сегодня ласковъ
И веселъ: вѣроятно, что-нибудь
Особенно пріятное его
Теперь и радуется, и занимаетъ:
Онъ добраго утра намъ пожелалъ
Отъ всей души!.. Нѣтъ человѣка въ мірѣ,
Который бы такъ худо могъ скрывать
Свою любовь и ненависть!.. — Вы тотчасъ
Прочтете по лицу его — все сердце
Его...

Стэнли.—

А именно, что нынче вы

Прочли изъ сердца лорда по его
Лицу?..

Гэстингсъ.—

Что у него въ душѣ нисколько

Нѣтъ неприязни къ намъ, милорды пэры!..
О! если-бъ онъ питалъ къ кому досаду, —
Она-бъ въ глазахъ его сейчасъ сказалась.
(*Глостеръ возвращается съ Бокингэмомъ*).

Глостеръ (*въ волненіи*).— Прощу васъ всѣхъ сказать, какой награды

Достойны тѣ, которые меня
Задумали бѣсовскимъ колдовствомъ
Сгубить, — и въ самомъ дѣлѣ, наконецъ,
Осилили волшебствомъ адскихъ чаръ
Мое больное тѣло?..

Гэстингсъ.—

Свѣтлый лордъ,

Любовь, которую я къ вамъ питаю, —
Меня невольно заставляетъ, прежде
Высокихъ пэровъ, осудить виновныхъ
Въ такомъ ужасномъ дѣлѣ: кто-бъ они,
Лордъ, ни были, — о ни достойны смерти.

Глостеръ.—

Пускай же собственный вашъ взоръ увидитъ
Ихъ преступленіе! Смотрите, какъ
Испорченъ я!.. Рука моя изсохла,
Какъ сукъ порѣзанный... И все — по кознямъ
Супруги Эдуарда, этой страшной
Волшебницы, да непотребной Шоръ.
Вотъ какъ меня злодѣйски заклеямили!..

Гэстингсъ (*вкрадчиво*).— Онѣ ли это, — благородный лордъ...

Глостеръ. — Онѣ-ль?.. И ты, ихъ гнусный покровитель.
Мнѣ говоришь еще — онѣ-ль?.. Ты, низкій
Измѣнникъ! Голову ему долой!!,
Клянуся Павломъ, я не сяду ѣсть,
Покуда не увижу головы
Его! — Ловель и Кэтзби, вамъ я это
Приказываю!.. Что-жъ до васъ, милорды,
Касается, — кто за меня, тотъ встанетъ —
И за своимъ протекторомъ пойдетъ!
(Весь советъ встаетъ въ смущеніи и уходитъ съ Глостеромъ).

Гэстингсъ. — О, горе, горе Англiи! но вовсе
Не за меня, затѣмъ, что я былъ глупъ
И не сумѣлъ предотвратить несчатья! —
Да! — Стэнли снилось, будто бы кабанъ
Сорвалъ съ него завѣтный шлемъ, — но я
Сномъ пренебрегъ и убѣжать не думалъ!..
Три раза спотыкался нынче мой
Парадный конь; завидѣвъ мрачный Тоуэръ,
Онъ вздрогнулъ весь и страшно на дыбы
Взвился, — какъ будто угадалъ заранѣ.
Что везъ меня въ предательскую бойню
О! вотъ когда мнѣ нуженъ духовникъ,
Съ которымъ я сегодня повстрѣчался!..
Я каюсь, что съ кичливостью такой
Сказалъ разсылному о томъ, что нынче
Погубятъ въ Помфретѣ моихъ враговъ —
И что я самъ — въ любви и даже въ дружбѣ
Властей!.. О, Маргарита, Маргарита!
Обрушилось твое проклятье нынче
На Гэстингса, на голову его
Несчастную.

Ратклифъ. — Идите, лордъ, идите.
Протектору угодно поскорѣй
Сѣсть за обѣдъ!.. Вы кайтесь покороче,
Онъ ждетъ давно ужъ вашей головы...

Гэстингсъ. — Кто утверждаетъ всѣ свои надежды
На льстивыхъ взорахъ милости людской,
Къ которой мы стремимся, — словно къ дару
Господню, — тотъ живетъ, какъ опьянѣлый,
Бѣднякъ-матросъ на мачтѣ корабля, —
Готовый съ каждымъ роковымъ толчкомъ
Слетѣть стремглавъ въ пучины океана...

Ловель. — Идемте же, напрасны всѣ слова,
Всѣ ваши возгласы; милордъ, спѣшите!..

Гэстингсъ. — О, беспощадный и кровавый Ричардъ!
Несчастная Британія!.. Тебѣ
Я предвѣщаю страшную годину, —
Такое время, о которомъ ты
Еще вовѣкъ и не слыхала. — Ну-те,
Ведите поскорѣй меня на плаху,
Снесите голову мою ему...
Недолго-жѣ проживутъ и тѣ, которымъ
Пріятель мой безвременный конецъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тамъ же. Стѣны Тоуэра. Выходятъ на нихъ — Глостеръ и Бокингэмъ,
въ ржавомъ и беспорядочно-надѣтомъ оружїи.

Глостеръ. — Скажи мнѣ, братъ, умѣешь ли дрожать ты
И измѣнять лицо свое, дыханье
Въ срединѣ слова убивать, потомъ
Его незримо обновлять и снова,
По волѣ, прерывать его, какъ будто
Ты весь отъ ужаса — и внѣ себя,
И обезумѣлъ?

Бокингэмъ. — О! я превзойду
И лучшихъ трагиковъ. За каждымъ словомъ
Я стану озираться, и назадъ
Глядѣть, и трепетать всѣмъ тѣломъ, —
И вздрагивать при шелестѣ малѣйшей
Соломинки, какъ будто нахожусь
Въ глубокомъ опасенїи. — Пугливость
И выраженье ужаса къ моимъ
Услугамъ, и настолько-жѣ мнѣ легки,
Какъ и притворная улыбка; ими
Вы можете всегда распоряжаться,
Они на всякую минуту вамъ
И вашимъ планамъ отданы! — Однакожѣ,
Скажите, вы послали Кэтзби?

Глостеръ. — Какъ же.
Да вотъ и онъ, и съ мэромъ, — посмотри.
(*Входятъ лордъ-мэръ и Кэтзби*).

Бокингэмъ. — Позвольте мнѣ съ нимъ говорить! — Лордъ-мэръ...

Глостеръ. — Другъ, посмотри-ка на подъемный мостъ!

Бокингэмъ. — А! Барабаны!..

Глостеръ. — Кэтзби, посмотри,
Что за стѣнами тамъ?

- Бокингэмъ.** — Лордъ-мэръ, причина,
Которая заставила милорда
Послать за вами...
- Глостеръ.** — Обернись!.. Враги
Бѣгутъ сюда! Къ оружью, защищайся!
- Бокингэмъ.** — Да защититъ насъ Богъ и наше право!
(*Входятъ — Ловель и Ратклифъ съ головой Гэстингса*).
- Глостеръ.** — Не безпокойся: это все друзья, —
Ловель и Ратклифъ.
- Ловель.** — Вотъ вамъ голова
Измѣнника коварнаго, никѣмъ
Неуличеннаго въ его измѣнѣ.
- Глостеръ.** — Да, Гэстингса я такъ любилъ и такъ
Цѣнилъ его, что не могу не плакать!
Я почиталъ его всегда честнѣйшимъ
И высоко-разумнымъ человѣкомъ —
Въ великомъ христіанскомъ мірѣ. Онъ
Мнѣ книгой былъ и въ эту книгу вѣчно
Моя душа безтрепетно вносила
Всѣ помыслы мои: онъ такъ искусно
Наружностью достоинствъ прикрывалъ
Свои пороки, что, за исключеньемъ
Его открытой слабости, — я здѣсь
Считаю связь его съ женою Шоръ. —
Его нѣтъ силъ ни въ чемъ и упрекнуть.
- Бокингэмъ.** — Да, это былъ хитрѣйшій изо всѣхъ
Измѣнниковъ, — которые межъ насъ
Когда-либо существовали. — Лордъ,
Повѣрите-ль, когда-бъ мы не спаслись
Особеннымъ и непонятнымъ чудомъ, —
Вамъ никогда-бъ и въ мысли не пришло,
Что нынче-жъ, на совѣтѣ, хитрый Гэстингсъ
Меня и герцога хотѣлъ убить?..
- Мэръ.** — Какъ? Онъ замыслилъ это?..
- Глостеръ.** — Неужель
Вы полагаете, что мы съ нимъ турки,
Или язычники? что мы-бъ рѣшились,
Противу всѣхъ законовъ, поспѣшить
Погибелью измѣнника, когда-бъ
Не вынудили насъ къ тому опасность
Такого дѣла, собственное наше
Спокойствіе и миръ святой отчизны?..
- Мэръ.** — Вы правы, лордъ, онъ казни былъ достоинъ.
Вы оба поступили превосходно

Измѣнникамъ хорошій дань примѣръ!
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ женою Шоръ связался,
Я ничего ужъ отъ него не ждалъ.

Бокингэмъ. — Однакожь, лордъ, мы вовсе не хотѣли,
Чтобъ умеръ онъ безъ вашего суда;
Одна лишь ревность и покорство нашихъ
Друзей — все это совершили; намъ
Хотѣлось, чтобы сами вы, милордъ,
Пугливое измѣнника признанье
Услышали, чтобъ замысль его
Во всѣхъ частяхъ подробно вы узнали
И это все народу-бъ объяснили...
Быть-можетъ, граждане невольно насъ
Подозрѣваютъ и превратно судятъ
О гибели измѣнника.

Мэръ. — Милордъ,
Рѣчь вашей свѣтлости — мнѣ замѣняетъ
Мои глаза и уши. Успокойтесь
И вѣрьте мнѣ, сятельные лорды,
Смущеннымъ гражданамъ я объясню
Всю честность, всю правдивость вашу въ этомъ
Несчастномъ дѣлѣ!

Глостеръ. — Именно, затѣмъ,
Чтобъ избѣжать неправыхъ обвиненій
Народа, мы и попросили васъ
Сюда.

Бокингэмъ. — Но, къ сожалѣнью, опоздали
Вы нѣсколько! Идите-жь, объявите
Хотя о томъ, что слышали отъ насъ.
Прощайте, благородный мэръ, прощайте!
(Лордъ-мэръ уходитъ).

Глостеръ. — Скорѣй за нимъ, любезный Бокингэмъ!
Онъ въ гильдію спѣшитъ!.. На всякій случай —
Увѣрь ты судей, дѣти Эдуарда
Не по закону прижиты; скажи имъ,
Что въ старину былъ нѣкій гражданинъ:
Онъ въ шутку сыну завѣщаль корону,
Предполагая въ томъ заѣзжій дворъ свой
Подъ вывѣской короны, и король
Зато велѣлъ того глупца казнить!
Скажи имъ о распутствѣ Эдуарда
Какъ, что ни день, мѣнялъ онъ фаворитокъ,
Женъ честныхъ, дочерей чужихъ безчестилъ.
Вездѣ добычи алча, точно звѣрь,

Гдѣ только взоромъ замѣчалъ добычу.
Когда понадобится, не щади
И близкихъ мнѣ, — скажи имъ, не краснѣя,
Что мой отецъ, мой царственный отецъ,
Во Францію въ то время шелъ походомъ,
Когда моя родительница братомъ
Моимъ, бездушнымъ Эдуардомъ, стала
Беременна, — и что, расчисливъ время, —
Онъ убѣдился, что рожденный сынъ —
Не сынъ ему, — и это подтвердило
Еще печальное несходство съ нимъ
Несчастливаго малютки! — Ты, однакожь,
Объ этомъ намекни полегче, такъ,
Какъ будто мимоходомъ... Потому что
Еще жива моя родная мать.

Бокингэмъ. — Повѣрьте, лордъ, я буду остороженъ
И ловокъ въ этомъ такъ, какъ будто я
О золотой наградѣ хлопочу
Для самого себя; итакъ — прощайте!

Глостеръ. — Когда тебѣ удастся это, въ замокъ
Байнардъ ихъ приведи! Тамъ вы найдете
Меня среди монаховъ и ученыхъ.

Бокингэмъ. — Спѣшу, и вы изъ ратуши, надѣюсь,
Дождетесь вскорѣ важныхъ новостей. *(Уходитъ).*

Глостеръ. — Спѣши, Ловель — здѣсь нуженъ докторъ Шау;
Ты къ брату Пенкеру скорѣе, Кэтзби, —
Чтобъ черезъ часъ въ Байнардъ были оба
(Ловель и Кэтзби уходятъ).

Теперь мнѣ остается устранить
Одно отродье Кларенса. — За дѣло-жь!..
Распорядимся, чтобъ отнынѣ къ принцамъ
Живой души не смѣли допускать! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Улица. Входитъ писецъ.

Писецъ. — Вотъ обвинительный и смертный приговоръ
Милорду Гэстингсу... Красно и четко
Перебѣленъ онъ для прочтенья въ церкви
Святого Павла! — Какъ, однакожь, странно
Все это вяжется! — Вчера его
Прислалъ мнѣ Кэтзби вечеромъ, и я
Одиннадцать часовъ надъ нимъ трудился...
Для составленья черноваго столько-жь,

И болѣе еще, необходимо...
А между тѣмъ, нѣтъ и пяти часовъ,
Какъ Гэстингсъ жилъ — внѣ всякихъ обвиненій,
Свободенъ, правъ душой и безопасенъ!..
Да, чуденъ свѣтъ! — И кто такъ глупъ и простъ.
Что не увидитъ здѣсь обмана? Кто
Осмѣлится и скажетъ, что не знаетъ
Обмана этого?.. Ужасенъ свѣтъ!
Конецъ его подходитъ!.. Какъ страдать —
И не искать защиты и молчать??.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тамъ же. Дворъ Байнардова замка. — Входятъ Глостеръ и Бокингэмъ одинъ въ одну,
— другой въ другую дверь.

Глостеръ. — Ну, какъ дѣла? что говоритъ народъ?

Бокингэмъ. — Клянуса Богоматерью, — народъ
Не говоритъ ни слова... Онъ совсѣмъ
Какъ онѣмѣль!

Глостеръ. — А говорилъ ли ты
О томъ, что дѣти Эдуарда вовсе —
Не дѣти Эдуарда?..

Бокингэмъ. — Какъ же, лордъ!
Я вспомнилъ и о брачномъ договорѣ
Его съ милэди Люси, и о томъ,
Который онъ во Франціи составилъ
Черезъ пословъ своихъ. Я говорилъ
О незаконности его рожденья, —
И какъ на герцога онъ непохожъ
Совсѣмъ... При этомъ я на васъ сослался,
Какъ на подобье вѣрное отца
И по лицу его, и по душѣ...
Я вычислилъ всѣ ваши торжества,
Шотландскія побѣды, — я представилъ
Воинскія познанья ваши. мудрость
И кротость вашу въ мирные года,
Смирение и вашу безкорыстность!..
Я не забылъ формально — ничего,
Что-бъ помогло вамъ дѣдомъ или словомъ.
Когда-жъ къ концу склонилась рѣчь моя,
Я прямо предложилъ тѣмъ, кто желаетъ
Добра своей отчизнѣ, — закричать:
«Да здравствуетъ могучій Ричардъ, вѣрный
«И царственный король нашъ!..»

Глостеръ. — Что-жъ они,
 Воскликнули?..

Бокингэмъ. — Нѣтъ, Богомъ я клянусь,
 Они ни слова не сказали!.. Всѣ-жъ
 Стояли молча, какъ нѣмые камни,
 Какъ статуи бездушныя, и только —
 Всѣ, блѣдные какъ смерть, въ глаза другъ другу
 Глядѣли. — Видя это, упрекать
 Я началъ ихъ и къ мэру обратился
 Съ вопросомъ о такомъ молчаньи... Онъ
 Отвѣтилъ мнѣ, что самъ народъ привыкъ
 Глашатаевъ своихъ однихъ лишь слушать.
 Тогда его я повторить заставилъ
 Мои слова и онъ ихъ повторилъ...
 «Такъ герцогъ говорилъ, такъ герцогъ думалъ»,
 Ссылаясь безпрестанно онъ, ни слова
 Не прибавляя отъ себя въ защиту
 И пользу нашу. — Только что онъ кончилъ,
 Немногіе изъ нашихъ, на концѣ
 Парадной залы, — забросали шляпы
 Свои на воздухъ. — имъ во-слѣдъ съ десятокъ
 Отвѣтило охрипшихъ голосовъ, —
 И крикъ: «Да здравствуетъ король нашъ Ричардъ!»
 Раздался между ними... Я скорѣй
 Воспользовался этимъ и сказалъ:
 «Благодарю васъ, вѣрные друзья,
 «Достойные сограждане и братья!
 «Всеобщій кликъ вашъ ясно показалъ
 «И мудрость вашу, и любовь святую
 «Къ милорду Ричарду!..» Сказалъ и вышелъ.

Глостеръ. — Чурбаны безъязычные! Совсѣмъ —
 Не говорить?! — Поэтому и мэръ
 Не явится сюда съ своею братьей?

Бокингэмъ. — Мэръ будетъ здѣсь сейчасъ. Вы покажите,
 Что опасаетесь чего-то... Слушать
 Рѣшитесь ихъ по долгимъ убѣжденьямъ...
 Молитвенникъ держите вы въ рукахъ
 И стойте между двухъ поповъ почтенныхъ, —
 На эту святость я и налегаю!
 Играйте роль застѣнчивой дѣвицы,
 Твердите — «нѣтъ» одно... и не противьтесь!

Глостеръ. — Согласенъ! — И когда просить за нихъ
 Ты будешь такъ же хорошо, какъ я
 Примуся этимъ «нѣтъ» работать, — вѣренъ

И несомнѣненъ нашъ успѣхъ.

Бокингэмъ. —

Милордъ,

Ступайте на балконъ... Лордъ-мэръ стучится.

(Глостеръ уходитъ. Входитъ лордъ-мэръ съ альдермэнами и гражданами).

Добро пожаловать, милордъ!.. А я

Все ожидаю допуску!.. — Едва ли

Протекторъ вовсе не рѣшился насъ

Не принимать?..*(Изъ комнатъ замка выходитъ Кэтзби).*

Ну что, любезный Кэтзби?

Что герцогъ на мою отвѣтилъ просьбу? —

Кэтзби. —

Онъ проситъ васъ, милордъ, къ нему явиться

Пораньше завтра или послѣзавтра.

Онъ во дворцѣ и два попа съ нимъ рядомъ;

Ничѣмъ мірскимъ не хочетъ онъ заняться,

Всѣмъ сердцемъ, всей душою углубленный

Въ святое созерцанье божьей правды.

Бокингэмъ. —

Вернися, Кэтзби, къ свѣтлому милорду,

Скажи ему, что я, лордъ-мэръ и всѣ

Достойные сограждане — покорно

Къ нему явились по дѣлу крайней,

Великой важности; скажи, что это

Святое дѣло — нашихъ общихъ благъ

Касается.

Кэтзби. —

Я доложу ему

Сейчасъ! *(Уходитъ).*

Бокингэмъ. —

Да! этотъ принцъ — не Эдуардъ!

Онъ не лежитъ, не нѣжится въ постели...

Онъ на колѣняхъ молится о благѣ

Своей отчизны... Занять онъ не пьянымъ

Веселіемъ въ кругу своихъ прелестницъ, —

Не сномъ своимъ, не праздною лѣнью плоть

Свою онъ утучняетъ, — а мольбами

Обогащаетъ бодрствующій духъ!

Какъ счастлива была-бъ судьба печальной

Британіи, когда бы этотъ мудрый

И кроткій принцъ взялъ на себя труды

Великаго вѣнца!.. Но, нѣтъ надеждъ,

Чтобы склонился онъ на наши просьбы.

Мэръ. —

Не дай Господь, чтобъ онъ намъ отказалъ. *)

{* Лордъ-мэромъ въ это время былъ Эдмондъ Шо, братъ доктора Шо,

которому Ричардъ поручилъ сказать съ каѳедры собора Святого

Павла — о его притязаніяхъ на корону Англіи.}

Бокингэмъ. —

Боюсь, откажетъ. — Вотъ и вѣрнѣй Кэтзби.

(Входитъ Кэтзби).

- Ну что, милордъ, что вамъ отвѣтили герцогъ?
- Кэтзби.** — Онъ удивляется, зачѣмъ къ нему
Вы привели толпу достойныхъ гражданъ,
Заблаговременно не давши знать
Ему о томъ: онъ здѣсь подозрѣваетъ
Недоброе намѣренье, милордъ.
- Бокингэмъ.** — Мнѣ очень больно, что свѣтлѣйшій братъ мой
Подумать могъ, что я противъ него
Замыслилъ злое дѣло: нѣтъ, клянусь, —
Мы изъ любви одной сюда явились.
Поди же и скажи ему объ этомъ!.. (*Кэтзби уходитъ*).
Когда святоши примутся за чотки,
Не жди ужъ толку. Сладко такъ молиться!
- (Кэтзби возвращается. — Вслѣдъ за нимъ — Глостеръ показывается на галлерей между
двухъ прелатовъ).*
- Мэръ.** — Вотъ и его высочество... съ нимъ два
Духовника.
- Бокингэмъ.** — Они святому — посохъ
Въ пути грѣховномъ, а въ рукахъ, смотри,
Молитвенникъ — краса и честь святая
Всѣхъ праведныхъ людей. Лордъ Глостеръ,
Свѣтлѣйшій герцогъ, принцъ Плантагенеть!
Склони свое безцѣнное вниманье
На наши просьбы — и прости, что мы
Нарушили твои мольбы святая,
Твои христоролюбивыя занятя.
- Глостеръ.** — Лордъ, вамъ не нужно извиняться! Я
Скорѣй просить васъ долженъ о прощеньи,
Затѣмъ, что, занятый бесѣдой съ небомъ,
Я пренебрегъ желаньями друзей...
Итакъ, что вамъ угодно? Объявите!
- Бокингэмъ.** — Мы просимъ васъ о томъ. чего желаетъ
Господь и эта бѣдная страна...
- Глостеръ.** — Мнѣ кажется, я сдѣлалъ что-нибудь
Обидное для васъ, — что оскорбляетъ
Достойныхъ гражданъ, — и пришли вы съ тѣмъ,
Чтобъ осудить мое незнанье...
- Бокингэмъ.** — Да,
Милордъ!.. Но если-бъ вамъ угодно было
Исправить вашъ проступокъ...
- Глостеръ.** — Я согласенъ!..
Къ чему же и дышу я въ христіанскомъ,
Смирennomъ мѣрѣ?
- Бокингэмъ.** — Знайте же, милордъ,

Что вы — вина тому, что власть правленья,
Величественный тронъ, корона вашихъ
Могучихъ предковъ, санъ вашъ по рожденью, -
И вашъ почетъ, и царственная слава, —
Все, все оставлено — негодной вѣтви
Испорченнаго пня; что отъ сонливой
Безпечности и лѣни вашихъ дѣйствій,
Которую теперь мы пробуждаемъ
Для блага общаго, — нашъ славный край
Лишается своихъ могучихъ членовъ;
Его лицо — морщинами позора
Покрылося, и къ дереву престола
Отверженные вѣтви прирастаютъ, —
И все оно почти ужъ погрузилось
Въ бездонную и жадную пучину
Ничтожества, нѣмого заустѣнья
И черной гибели!.. Чтобъ спасти
Его, мы вашу свѣтлость умоляемъ
Принять бразды правленія родной
Вамъ Англии: принять — не въ слабомъ званьи
Протектора, намѣстника иль просто
Повѣреннаго, — выгодамъ другого
Покорнаго наемника... Нѣтъ! въ званьи —
Наслѣдника, принять, какъ вашу часть,
Какъ вашу собственность, какъ вашу славу,
Какъ вашу кровь, — родное государство!..
Вотъ для чего, по неотступной просьбѣ
Всѣхъ этихъ гражданъ, истинныхъ друзей
И вѣрныхъ вашихъ слугъ, — сюда пришелъ я!..
Вотъ почему я умоляю васъ —
Принять бразды покинутаго трона!..

Глостеръ. —

Не знаю, какъ мнѣ быть: уйти-ль въ молчаньи,
Иль ѣдкими упреками осыпать
Всѣхъ васъ?.. И что скорѣй прилично будетъ —
И сану моему, и вашимъ добрымъ
Намѣреньямъ?! — Не отвѣчать, уйти, —
Вы можете подумать, что нѣмое
Отъ радости тщеславіе — охотно
Приемлетъ золотое иго власти,
Которую вы предложили мнѣ!..
Негодовать на васъ — за ваши просьбы,
Исполненные пламенной любви
Ко мнѣ, — не значить ли моихъ друзей
Обидѣть? — Потому, чтобъ избѣжать

Послѣдняго и первымъ въ искушенъе
Васъ не ввести — я вотъ что вамъ отвѣчу:
Благодарю васъ за любовь ко мнѣ; —
Что-жъ до моихъ достоинствъ, — то они
Такъ блѣдны и такъ малы, что мѣшаютъ
Вполнѣ принять мнѣ ваше предложенъе!..
Когда бы даже не было препятствій
И путь мой къ трону былъ бы чистъ и вѣренъ,
Какъ кровныя права мои по сану, —
То и тогда — я такъ ничтоженъ духомъ,
Такъ многочисленны мои пороки,
Что я, — какъ углый и безсильный челнъ,
Бѣжалъ бы моря моего величія,
Чтобы оно меня не поглотило
И чадомъ славы собственной моей
Меня не задушило! — Но Господь
Еще хранить меня, и нѣтъ вамъ нужды
Пока во мнѣ... Когда-жъ она случится,
Вамъ помогу немного я! — Дстойный
Остался плодъ отъ царственнаго корня...
Сѣдое время этому плоду
Придастъ красу и зрѣлость — и собою
Украситъ онъ нашъ царственный престолъ, —
И нѣтъ сомнѣнья, всѣхъ насъ осчастливитъ
Своимъ правленіемъ... Вотъ на кого
Я возлагаю то, что на меня
Вы возлагаете и что ему
Принадлежитъ по праву и по волѣ
Его звѣзды таинственно-счастливой!
Избави Богъ, чтобы я его лишитъ
Рѣшился этого наслѣдства!..

Бокингэмъ. —

Лордъ,
Все это про одну лишь вашу совѣсть
Намъ говорить; но если разсмотрѣть
Получше обстоятельства, нетрудно
Увидѣть, какъ ничтожны и безсильны
Причины, на которыя она
Ссылагается... Вы говорите намъ,
Что вашего родного брата сынъ,
Малютка Эдуардъ, и мы ни слова
Не скажемъ противъ этого!.. Но что
Заговоритъ супруга Эдуарда,
Его отца?.. Вашъ братъ былъ сговоренъ
Сперва съ милэди Люси — и объ этомъ

Вамъ засвидѣтельствуемъ ваша мать...
А послѣ онъ, черезъ своихъ пословъ,
Сосваталъ лэди Бону, молодую
Сестру французскаго монарха! — Ихъ
Обѣихъ удалила отъ него
Убогая и жалкая вдовица,
Измученная мать семьи голодной,
Переступившая за полдень жизни —
Поблекшая красавица... Она
Очаровала взоръ его, прельстила —
Поработила духъ его высокій
И наконецъ унизила его —
До двоебрачья... Съ ней-то Эдуардъ
На незаконномъ ложѣ прижилъ сына,
Котораго изъ вѣжливости мы
Назвали принцемъ. — Не цѣни я чести
И славы нѣкоторыхъ изъ живыхъ
Свидѣтелей тому, что я повѣдалъ, —
Я-бъ рассказалъ вамъ болѣе еще...
Итакъ, примите же, свѣтлѣйшій лордъ.
Вамъ предлагаемый вѣнецъ, — когда
Не для спасенія отчизны вашей
Иль не для нашихъ просьбъ, — по крайней мѣрѣ,
Хоть для того, чтобы возстановить
Нарушенный насмѣшливой судьбой
Порядокъ въ вашемъ царственномъ наслѣдствѣ...

Мэръ. — Васъ граждане всѣ молятъ! Согласитесь,
Милордъ!..

Бокингэмъ. — Не отвергайте ихъ любви!

Кэтзби. — Исполните ихъ праведную просьбу,
Обрадуйте согражданъ!

Глостеръ. — Боже правый!

И для чего меня обременить
Хотите вы заботами правленья?
Златой вѣнецъ и королевскій скипетръ
Мнѣ не пристанутъ. — Умоляю васъ —
Моимъ словамъ не придавайте смысла
Превратнаго! — я не могу и даже
Желать не смѣю — вашихъ предложеній
Достойно выполнить...

Бокингэмъ. — Вы не хотите,
Вы отказались отрѣшить отъ трона
Дитя, наслѣдника родного брата.
Мы знаемъ кротость вашихъ добрыхъ чувствъ,

Любовь и вашу женственную нѣжность —
Къ роднымъ и не-роднымъ! — Такъ знайте-жъ, лордъ,
Уважите-ль, отвергнете ли вы
Горячія моленья наши, сынъ
Родного брата вашего — во вѣкъ
Не будетъ королемъ намъ!.. Мы другого
Кого-нибудь на тронъ нашъ возведемъ...
И съ этою рѣшимостью — покорно
Васъ оставляемъ мы! — Друзья, идемте,
Намъ нечего здѣсь болѣе просить...

(Отходитъ со всѣми гражданами).

Кэтзби. — Любезный принцъ, верните ихъ, склонитесь
На просьбы ихъ! Отказъ вашъ возмутитъ
Негодованіемъ все государство...

Глостеръ. — Вы, значить, положили непремѣнно
Меня сковать веригами вѣнца?
Знать, такъ и быть!.. Верни ихъ!.. Я не камень!..

(Кэтзби идетъ къ гражданамъ).

Я не могу не тронуться мольбами
Моихъ друзей, какъ ни противно это
И совѣсти моей и сердцу!..

(Бокингэмъ возвращается съ гражданами).

Братъ,

Достойный Бокингэмъ, и вы, мои
Сограждане, — когда уже рѣшились
Вы королемъ своимъ меня назвать,
Не зная, будетъ ли мнѣ это любо,
Иль нѣтъ, — я долженъ на себя невольню
Принять тяжелыя вериги власти!..
Но — если клевета иль порицанье
Бездушное послѣдуютъ за этимъ
Согласіемъ невольнымъ, — о! тогда
Вы сами смыть должны всѣ эти пятна
И оскорбленія... Господь свидѣтель,
И вы отчасти видѣли, какъ я
Далекъ былъ даже мысли о коронѣ!..

Мэръ. — Да наградитъ васъ Богъ! мы знаемъ это
И засвидѣтельствуемъ всѣмъ!..

Глостеръ. — И вы —
Объ истинѣ — свидѣтельство свое
Дадите, лордъ!..

Бокингэмъ. — И такъ, я королемъ

Привѣтствую васъ, принць! Друзья милорды, —
«Да здравствуетъ король нашъ Ричардъ, вѣрный
«Властитель Англіи!!»

Всѣ. —

Аминь!

Бокингэмъ. —

Угодно-ль,

Милордъ, вамъ завтра же короноваться?

Глостеръ. — Когда хотите, я на все согласенъ.

Бокингэмъ. — Мы къ вашему величеству поутру

Придемъ. — Затѣмъ — до свѣтлаго свиданья!..

Глостеръ (*епископамъ*). — Воротимся и мы къ святой бесѣдѣ.

(*Бокингэму*).

Прощайте, братъ! Друзья мои, прощайте!.. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Передъ Тоуэромъ. (Входятъ: съ одной стороны — королева Елисавета, герцогиня
Йоркъ и маркизь Дорзетъ; съ другой — Анна, герцогиня Глостеръ съ лэди
Маргаритою Плантагенетъ, маленькою дочерью Кларенса,
которую ведетъ за руку).

Герцогиня. — Кто ото къ намъ идетъ навстрѣчу? — Внучка
Плантагенетъ съ своею теткой Глостеръ!
Навѣрно, и онѣ стремятся въ Тоуэръ,
Чтобы поздравить принца вмѣстѣ съ нами!
Я очень рада нашей встрѣчѣ, дочь
Моя!

Анна. — Дай Богъ обѣимъ вамъ, милэди,
И счастья, и радостей.

Королева Елисавета. — Пошли
Господь и вамъ, сестра! Куда вы?

Анна. — Въ Тоуэръ,
И, если я не ошибаюсь, мы
Идемъ къ одной и той же цѣли съ вами:
Поздравить нашихъ свѣтлыхъ принцевъ...

Королева Елисавета. — Да,
Любезная сестра! — Благодарю!
Пойдемте вмѣстѣ... (*Входитъ Бракенбери*).

Вотъ и комендантъ!

Любезный комендантъ, прошу, скажите,
Здоровъ ли принць и младшій сынъ мой Йоркъ?..

Бракенбери. — Здоровы оба, слава Богу!.. Только,
Простите, къ нимъ васъ допустить нельзя мнѣ:
Король строжайше это запретилъ.

Герцогиня.— Король? Какой король?

Бракенбери.— Нѣтъ! Я хотѣлъ
Сказать вамъ — лордъ-протекторъ.

Королева Елисавета.— Упаси
Его Господь отъ царственнаго титла!
Такъ это онъ преграды воздвигаетъ
Межъ насъ, между любовію дѣтей
И матерью?.. Я мать — и кто же смѣетъ
Не допустить меня къ моимъ же дѣтямъ?

Герцогиня.— Я мать отца ихъ, — я хочу ихъ видѣть.

Анна.— Я тетка по родству ихъ, по любви
Я мать ихъ... Скорѣе-жъ къ нимъ ведите
Меня, я принимаю на себя
Отвѣтственность; обязанность твою
Съ тебя передо всѣми я слагаю.

Бракенбери.— Нѣтъ, лэди, не могу; никакъ нельзя:

Я связанъ клятвою, и потому
Простите. (*Уходитъ. Входитъ Стэнли*).

Стэнли.— Встрѣть я васъ хоть часомъ позже.
Я-бъ могъ поздравить герцогиню Іоркъ
И матерью, и спутницею двухъ
Прекрасныхъ королевъ. (*Герцогиня Глостеръ*).

Но, лэди, — вы

Пожалуйте въ Вестминстеръ! Васъ тамъ ждетъ,
Какъ Ричарда достойную супругу, —
И тронъ, и честь, и лавры діадемы.

Королева Елисавета.— О! Поскорѣй разрѣжьте поясъ мой,
Пусть сердце бѣдное свободнѣй бьется!
Иль эта вѣсть ужасная совсѣмъ
Лишитъ меня сознанія и чувствъ!

Анна.— Проклятая, убійственная новость!

Дорзетъ.— Родная, ободритесь, успокойтесь.

Королева Елисавета.— Не говори со мною, милый Дорзетъ!

Смерть и страданья по твоимъ пятамъ
Несутся... Имя матери твоей
Зараза для ея дѣтей несчастныхъ...
Спасай скорѣе жизнь свою, бѣги
Немедля за море, — и вѣрный Ричмондъ
Тебя, вдали отъ этой адской бури,
Убережетъ... Бѣги, мой сынъ, бѣги
Изъ этой бойни страшной!.. Укрывайся,
Не увеличивай собой числа
Кровавыхъ мертвецовъ, чтобъ надо мной
Проклятье Маргариты не свершилось,

Чтобъ не пришлось мнѣ умереть, по слову
Ея, ни матерью, ни королевой
Британіи, ни счастливой женой!..

Стэнли. — Благоразумень вашъ совѣтъ, милэди. (*Дорзету*).
Спѣшите, не теряйте ни минуты.
Вы отъ меня получите письмо,
Въ немъ сыну моему я также дамъ
Совѣтъ послѣдовать за вами въ бѣгство.
Не накликайте смерти безразсуднымъ
Упрямствомъ!

Герцогиня. — О! всеильный вихорь бѣдствій!
Проклятая моя утроба! Ложе
Коварной гибели!.. Ты василиска
Извергла въ этотъ міръ, — и смерть летить
Съ рѣсницъ его отравленнаго ока!..

Стэнли. — Идемте, лэди, поспѣшите: мнѣ
Приказано васъ привести, какъ можно
Скорѣй!

Анна. — Я не могу идти за вами...
О! если-бъ Господу угодно было,
Чтобъ обручь золотой, который долженъ
Обнять мое грѣховное чело,
Сталъ раскаленнымъ до-красна желѣзомъ
И до мозгу прожогъ мой жалкій черепъ!
Пускай меня помажутъ страшнымъ ядомъ,
Чтобъ умерла я прежде, чѣмъ успѣютъ
Воскликнуть мнѣ: «да здравствуетъ супруга
Британскаго монарха!»

Королева Елисавета. — Въ путь, бѣдняжка,
Иди; я не завидую твоей
Блестящей славѣ... Я не стану даже
Тебѣ желать несчастій, чтобъ разсѣять,
Чтобъ утолить мое нѣмое горе!..

Анна. — Не станешь? Почему-жь? — Когда недавно
Ко мнѣ явился тотъ, кого теперь
Я называю мужемъ, и увидѣлъ
Меня за трупомъ, Генриха; когда
Явился онъ, еще не смывъ, какъ должно,
Съ злодѣйскихъ рукъ своихъ остылой крови
Супруга моего, невинной жертвы,
Второго ангела, къ могилѣ тѣло
Котораго тогда я провожала,
Рыдая, какъ безумная; когда,
Вамъ говорю, я Ричарда лицо

Увидѣла, вотъ въ чемъ моя молитва
Была: «Будь проклять, — я сказала: —
За то, что ты меня вдовой-старухой
Изъ молодой жены насильно сдѣлалъ!..
Самъ женишься, пусть горе никогда
Не покидаетъ ложа твоего...
Жена твоя, когда ужъ ты найдешь
Безумную, которая тебѣ
Отдастъ навѣкъ свою свободу, — пусть
Несчастнѣ твоею жизнью будетъ,
Чѣмъ я кончиной моего супруга!»
И что же? Черезъ мигъ, скорѣй, чѣмъ можно
Вновь повторить мое проклятье, леть
Его рѣчей медовыхъ соблазнила
Мой слабый духъ и женственное сердце,
И на меня-жъ обрушились мои
Проклятїя. — И съ той поры глаза
Мои не знаютъ сладкаго покоя,
На часъ одинъ не освѣжила ихъ
Росинка золотого сновидѣнья
На ложѣ грѣшномъ... Призраки его
Ужасныхъ грезъ меня ежеминутно
Гнетутъ и пробуждаютъ!.. Онъ меня,
Какъ Варвикову дочь, со всѣмъ коварствомъ
Хранить... Но, я увѣрена, недолго
Мнѣ жить: онъ скоро и со мной покончить!

Королева Елисавета. — Прощай же, бѣдная, мнѣ жаль тебя!

Анна. — И о тебѣ жалѣю я душой.

Королева Елисавета. — Прощай! Какъ грустно ты встрѣчаешь славу!

Анна. — Прощай! Какъ грустно съ ней ты расстаешься!

Герцогиня (*Дорзету*). — Ты къ Ричмонду скорѣе поѣзжай,

И счастье да сопутствуетъ тебѣ!.. (*Аннѣ*).

Ты къ Ричарду спѣши, и да хранять

Тебя святыя ангелы! (*Елисаветѣ*).

СПѢШИ

Во храмъ, и да даруетъ онъ тебѣ

Покой и миръ!.. А я сойду въ могилу

И тамъ свое спокойствїе найду!..

Я выстрадала восемьдесятъ лѣтъ,

Тяжелыхъ лѣтъ печали и рыданій,

И каждый часъ блаженства моего

Недѣлей слезъ и мукъ уничтожался!..

Королева Елисавета. — Нѣтъ, стойте! Обернемся на Тоуэръ!

Твердыня дряхлая, — въ твоихъ стѣнахъ

Заложены завистливымъ коварствомъ
Мои малютки, — сжался надъ дѣтьми!
Ты, колыбель суровая для нѣжныхъ
Созданій!.. Грубая, сѣдая нянька!
Товарищъ устарѣлый и угрюмый
Ихъ рѣзвыхъ игръ! Не угнетай, храни
Моихъ дѣтей! — Такъ разстается съ вами,
Нѣмые камни, грустное безумье! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тронная комната во дворцѣ. (Звучать трубы. Ричардъ королемъ возсѣдаетъ на тронѣ.
Бокингэмъ, Кэтзби, пажъ и другіе).

Король Ричардъ. — Оставьте насъ! — Братъ Бокингэмъ!

Бокингэмъ. — Милордъ!

Король Ричардъ. — Дай руку! — Помощи твоей, совѣтамъ
Твоимъ обязанъ Ричардъ королевствомъ!
Но неужель мы славой облеклись
На день одинъ?.. или она за нами
Останется и мы найдемъ въ ней счастье?

Бокингэмъ. — Да не кончается она вовѣкъ
И навсегда да остается съ нами.

Король Ричардъ. — Братъ Бокингэмъ, теперь я разыграю
Роль оселка!.. Я испытаю, въ правду-ль
Ты золото? Наслѣдникъ Эдуардъ
Живетъ еще... Ты понялъ, что сказать
Хочу я?

Бокингэмъ. — Говорите, государь.

Король Ричардъ. — Какъ, Бокингэмъ? Я ужъ сказалъ тебѣ:
Мнѣ королемъ хотѣлось бы остаться!

Бокингэмъ. — Но вы король и безъ того, мой трижды
Великій властелинъ!..

Король Ричардъ. — А! Я король?!
Пусть такъ! — Но Эдуардъ, не живъ ли онъ?

Бокингэмъ. — Живъ, благородный лордъ.

Король Ричардъ. — Печальный выводъ,
Когда изъ словъ: «живъ, благородный лордъ!» —
Выходитъ, что и послѣ жить онъ будетъ.
Братъ, ты сегодня страшно безтолковъ:
Неужели я долженъ все сказать?
Я требую немедленной кончины
Побочныхъ мальчиковъ. Ну! Что-жъ ты скажешь
На это? Говори скорѣй, будь точенъ!

Бокингэмъ. — Король, вы въ правѣ дѣлать, что хотите.

Король Ричардъ. — Такъ, такъ! Ты нынче совершенный ледь!

Твоя услужливость совсѣмъ замерзла!

Скажи, согласенъ ты за дѣло взяться?

Бокингэмъ. — Позвольте мнѣ подумать, государь,

Сообразить хотя минуту прежде,

Чѣмъ отвѣчать мнѣ: я сейчасъ вернусь

И сообщу мое вамъ мнѣнье (*Уходитъ*).

Кэтзби (*въ сторону*). —

Вспыхнулъ

Король и разсердился: посмотрите,

Онъ до крови кусаетъ губы...

Король Ричардъ. —

Лучше

Имѣть дѣла съ чугунными башками

Глупцовъ или съ мальчишками слѣпыми!..

Тотъ, кто въ меня пытливый взоръ вперяетъ, —

Не для меня. — Кичливый Бокингэмъ

Ужъ не въ мѣру остороженъ! Пажъ!

Пажъ. —

Король!

Король Ричардъ. — Не знаешь ли ты человѣка,

Котораго бы звонкіе червонцы

Могли склонить на тайное убійство?

Пажъ. —

Я знаю джентельмена одного,

Желанія котораго всегда

Въ разладѣ съ кошелькомъ его печальнымъ:

Червонцы передъ нимъ сильнѣй фаланги

Ораторовъ, и золото какъ разъ

Его на что угодно соблазнить!

Король Ричардъ. — А кто онъ?

Пажъ. —

Тиррль!..

Король Ричардъ. —

Его я частью знаю!

Ступай и приведи его ко мнѣ! (*Пажъ уходитъ*).

Хитрецъ и плутъ — коварный Бокингэмъ

Не будетъ болѣе сосѣдомъ тайнъ

Моихъ... Безъ устали онъ все бѣжалъ...

Не дать ли духъ ему перевести

Теперь? — Пусть такъ! (*Входитъ Стэнли*).

Что новаго, лордъ Стэнли?

Стэнли. —

Король, я слышалъ, что мятежный Дорзетъ

Бѣжалъ въ помѣстья Ричмонда и тамъ

На васъ съ нимъ замышляетъ ополченье.

Король Ричардъ. — Приблизься, вѣрный Кэтзби: распусти

Скорѣ слухъ, что при-смерти больна

Моя супруга Анна; я-жъ отправлюсь

Распорядиться объ ея арестѣ.

Сыщи мнѣ джентельмена побѣднѣй, —

Я Кларенсову дочь съ нимъ обвѣнчаю,
А сынъ его и глупъ, и неопасень!
Что-жъ ты заснулъ?.. Я говорю тебѣ,
Скорѣ слухи распусти, что Анна,
Моя супруга, при-смерти больна.
За дѣло!.. Для меня необходимо
Въ началѣ самомъ разрушать ихъ планы;
Созрѣютъ, такъ не разочтешься съ ними!..

(Кэтзби уходитъ).

Во что бы то ни стало, мнѣ должно
Жениться на племянницѣ; не то
Престолъ мой выстроень на хрупкихъ камняхъ.
Какъ?.. Умертвить ея любимыхъ братьевъ
И съ нею-жъ въ бракъ вступить?.. Невѣрный путь
Къ побѣдѣ!.. Но въ крови уже по горло
Погрязъ я такъ, что каждый грѣхъ рождаетъ
Во мнѣ другой и большій грѣхъ... Моимъ
Глазамъ невѣдомы святыя слезы!

(Входитъ пажъ съ Тиррлемъ).

Ты Тиррль?

Тиррль. — Джемсъ Тиррль, покорнѣйшій слуга
Монарха моего!..

Король Ричардъ. — Какъ. въ самомъ дѣлѣ?

Тиррль. — Извольте испытать, свѣтлѣйшій лордъ.

Король Ричардъ. — Рѣшишься-ль ты убить кого-нибудь
Изъ приближенныхъ мнѣ, моихъ друзей?

Тиррль. — Когда угодно вашей чести!.. Только
Я бѣ умертвилъ охотнѣй двухъ враговъ
Монарха моего!

Король Ричардъ. — Что-жъ? Очень можешь!

Есть у меня два страшные врага,
Два демона моихъ несчастій, два
Гонителя покоя и отрады
Моей; займися ими, вѣрный Тиррль!
Я разумѣю здѣсь побочныхъ пташекъ,
Что въ Тоуэрѣ сидятъ.

Тиррль. — Доставьте мнѣ,
Возможность къ нимъ пробраться, и я тотчасъ
Избавлю васъ отъ вашихъ опасеній.

Король Ричардъ. — Твои слова — гармонія!.. Мой милый,
Стань ближе: съ этимъ знакомъ ты заставишь
Себя впустить къ нимъ; а потомъ запомни
Вотъ это!.. *(Шепчетъ ему на ухо).*
И конецъ! — Скажи мнѣ только:

Успѣхъ! И я тебѣ любовь мою
Дарую, и ты-будешь возвеличенъ!
Тирръ. — Я кончу все сейчасъ же!
(Уходитъ. — Входитъ Бокингэмъ).

Бокингэмъ. — Государь.
Я, наконецъ, обдумалъ вашъ вопросъ
И вашу мысль послѣднюю.

Король Ричардъ. — Прекрасно!
Но это мы теперь оставимъ! Дорзетъ
Соединился съ Ричмондомъ, бѣжалъ...

Бокингэмъ. — Милордъ, я это слышалъ...

Король Ричардъ. — Стэнли, Ричмондъ —
Твоей супруги сынъ, — остерегайся!..

Бокингэмъ. — Милордъ, я васъ осмѣлюся просить
О должной, мнѣ обѣщанной наградѣ:
Вы поклялись, ручались честью дать мнѣ
«Герфордское блистательное графство
И все имѣнье движимое брата!»

Король Ричардъ (*не замѣчая его*). — Лордъ Стэнли, за женой своей смотри.
Ты мнѣ отвѣтишь за ея сношенья
И переписку съ Ричмондомъ!

Бокингэмъ. — Милордъ,
Угодно-ль вамъ принять мое прошенье?

Король Ричардъ. — Я помню, Ричмондъ былъ дряннымъ мальчишкой
Тогда, какъ Генрихъ предсказалъ ему
Корону... Онъ король?! Быть можетъ!

Бокингэмъ. — Лордъ!

Король Ричардъ. — Но какъ же предсказатель позабылъ
Меня, тогда, какъ я былъ тутъ же, возлѣ,
И не сказалъ, что я его убью?..

Бокингэмъ. — Милордъ, обѣщанное вами графство...

Король Ричардъ. — А Ричмондъ?! Я недавно былъ въ Экстерѣ;
Мэръ изъ учтивости задумалъ мнѣ
Какой-то замокъ показать и назвалъ
Его *Ружмонтомъ!*.. Роковое имя
Заставило меня невольно вздрогнуть...
Одинъ ирландскій бардъ мнѣ предсказалъ
Кончину, чуть я Ричмонда увижу...

Бокингэмъ. — Милордъ!

Король Ричардъ. — Который часъ?..

Бокингэмъ. — Я вамъ осмѣлюсь
Напомнить объ обѣщанной наградѣ.

Король Ричардъ. — Прекрасно! — Но который часъ?..

Бокингэмъ. — Пробѣть

Сію минуту десять.

Король Ричардъ. — Ну, такъ бей же!

Бокингэмъ. — Какъ — бей же?!

Король Ричардъ. — Такъ же! Ты вѣдь автоматъ

И съ молоткомъ стоишь между своими
Желаньями и мыслями моими.

Сегодня я, любезный Бокингэмъ,
Совсѣмъ не въ дарственномъ расположеніи!..

Бокингэмъ. — Рѣшите же, угодно-ль вамъ иль нѣтъ

Сдержать обѣщанное вами слово?..

Король Ричардъ. — Ты надоѣлъ мнѣ: я не въ духѣ нынѣ!

(Уходитъ со свитой).

Бокингэмъ. — Такъ вотъ что? — Онъ презрѣнъемъ платитъ мнѣ

За всѣ мои труды, за всѣ услуги^

На это королемъ его я сдѣлалъ?..

О! Вспомнимъ Гэстингса, и поскорѣй

Въ Брекнокъ, пока еще смиренъ злодѣй. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Входитъ Тиррль.

Тиррль. — Кровавое, насильственное дѣло
Исполнено!.. Ужасное убійство,
Убійство гнусное, какимъ вовѣкъ
Еще не обагрялись эти земли!..
Дайтонъ и Форрестъ, палачи мои,
Мои сообщники въ убійствѣ этомъ,
Двѣ кровожадныя собаки, два
Отъявленныхъ, бездушныхъ негодяя,
Растаяли отъ жалости, рыдали,
Какъ дѣти малыя, передавая
Мнѣ повѣсть о кончинѣ ихъ... «Вотъ такъ
«Лежали кроткія малютки!» Дайтонъ
Разсказывалъ. «Вотъ такъ они лежали» —
Со вздохомъ Форрестъ говорилъ — «обнявши
«Другъ друга ручками, какъ алебастръ
«Прозрачными; ихъ губы цѣловались,
«Какъ на одномъ стеблѣ четыре розы.
«Четыре близнеца, во всей красѣ,
«Ихъ лепестковъ пурпурно-ароматныхъ...
«Молитвенникъ лежалъ на ихъ подушкѣ...
«Тутъ отнялся вполнѣ мой дерзкій духъ...
«Но сатана!»... злодѣй на этомъ словѣ
Замолкъ... «Мы задушили», говорилъ,

Рыдая, Дайтонъ: «свѣтлыя созданья
«Природы-матери, какихъ она
«Сначала міра намъ не создавала!..»
Въ тоскѣ, терзаемые состраданьемъ,
Они оттуда вышли; ихъ языкъ
Покинуло испуганное слово...
И такъ я, наконецъ, разстался съ ними,
Чтобъ обо всемъ повѣдать королю.

(Входитъ король Ричардъ).

Но вотъ и онъ. — Привѣтъ вамъ, мой властитель.

Король Ричардъ. — Что скажетъ вѣсть твоя, любезный Тиррль?
Порадуешь ли ты меня?

Тиррль. — Когда
Исполнить ваше порученье — значитъ
Дать радость вамъ, вы счастливы вполнѣ:
Все кончено!..

Король Ричардъ. — И ты ихъ трупы видѣлъ?

Тиррль. — Да, государь!

Король Ричардъ. — И самъ ихъ схоронилъ,
Любезный Тиррль?

Тиррль. — Ихъ капелланъ тюремный
Похоронилъ, но гдѣ, мнѣ неизвѣстно.

Король Ричардъ. — По окончаньи ужина, сейчасъ
Приди ко мнѣ, любезный Тиррль; подробно
Разскажешь мнѣ ты о кончинѣ ихъ,
А между темъ, подумай хорошенько,
Чѣмъ могъ бы я тебя вознаградить.
Немедленно желаніе твое
Исполнится... За этимъ — до свиданья!

Тиррль. — Вашъ преданный слуга, достойный лордъ! *(Уходитъ).*

Король Ричардъ. — Сынъ Кларенса запрятанъ въ Тоуэръ, дочь
Обвѣнчана съ ничтожнымъ дворяниномъ,
Два сына Эдуарда мирно спятъ
На лонѣ Авраама, а моя
Супруга, Анна, пожелала свѣту
Спокойной ночи! — Я увѣренъ, Ричмондъ
Британскій на Елисавету мѣтилъ,
На маленькую дочку брата, мысля
Союзомъ этимъ до вѣнца добратся!..
Пойдемъ же къ ней. къ хорошенькой принцессѣ —
Достойнымъ и счастливымъ женихомъ.

(Вбѣгаетъ Кэтзби).

Кэтзби. — Милордъ!

Король Ричардъ. — Какія новости, дурныя

Или хорошія, тебя сюда
Втолкнули дерзко так!

Кэтзби. —

Дурныя, лордъ;
Мортонъ вчера за Ричмондомъ бѣжалъ,
А Бокингэмъ, съ безстрашною ватагой
Валлисцевъ, выступилъ походомъ въ поле,
И рать его растеть...

Король Ричардъ. —

Отважный Ричмондъ
И Эли мнѣ опаснѣе, чѣмъ этотъ
Лукавый Бокингэмъ съ его полками!
Идемъ! — Трусливое раздумье — рабъ,
Свинцовый рабъ медлительности сонной!..
За неподвижностью идетъ безсилъ
И нищенство съ походкою улитки!..
Нѣтъ! быстрота, огонь пускай меня
На грозныя свои подхватятъ крылья...
Меркуриемъ Юпитера, герольдомъ
Владыки пусть они мнѣ будутъ! Въ путь!
Сюда, ко мнѣ, воинственный народъ!
Мой щитъ совѣтомъ осѣнитъ мнѣ грудь.
Измѣнники бѣгутъ!.. Впередъ, впередъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамъ же. Передъ дворцомъ. Входитъ королева Маргарита.

Королева Маргарита. — Такъ, наконецъ, ихъ счастье перезрѣло

И падаетъ въ истлѣвшій, смрадный зѣвъ
Холодной гибели! Я здѣсь скрывалась
И стерегла паденіе враговъ
Моихъ. И вотъ я дождалась сегодня
Прелюдіи великолѣпной сцены!
Теперь — во Францію, въ надеждѣ сладкой,
Что и послѣдствія все также будутъ
Трагичны, горестны и безпощадны...
Но кто-то здѣсь идетъ!.. Бѣдняжка, спрячься.
(*Входятъ королева Елисавета и герцогиня Йоркъ*).

Королева Елисавета. — О! бѣдные, несчастные малютки!

Цвѣтки, не развернувшіе листочковъ,
Минутная краса!.. Когда еще
По воздуху летаютъ ваши души
И въ вѣчныя селенія вы не скрылись,
Носитесь надо мной на вашихъ крыльяхъ
Лазорево-воздушныхъ и внимайте
Рыданьямъ вашей матери!..

Королева Маргарита (*въ сторону*). — Носитесь
Надъ ней, шепчите ей, что право мести
Младенческое утро ваше въ полночь,
Въ съдую полночь, обратило...

Герцогиня. — Эти
Несчастія меня лишили слова,
И мой языкъ разбитый — нѣмъ и тихъ!
Плантагенеть, достойный Эдуардъ,
Зачѣмъ скончался ты?..

Королева Маргарита. — Плантагенеть
Плантагенету отплатилъ кончиной:
Принцъ Эдуардъ расчелся съ Эдуардомъ.

Королева Елисавета. — Къ чему же, Господи, оставилъ Ты
Невинныхъ агнцевъ? Для чего Ты бросилъ
Ихъ въ волчью пасть?

Королева Маргарита. — Гдѣ Генрихъ, гдѣ мой сынъ?

Герцогиня. — Нѣмая жизнь, слѣпое зрѣнье, призракъ,
Живущій смертію, жилище горя,
Позоръ твореній, собственность могилъ,
Похищенная жизнью, итогъ
И краткій переченьъ ужасныхъ дней, —
Смири свое глухое безпокойство
На праведной землѣ британской, такъ
Неправедно облитой нашей кровью!..
(*Садится на землю*).

Королева Елисавета. — О! Если-бъ ты могла мнѣ даровать
Могилу такъ же скоро, какъ пріютъ
Покоя грустнаго, я никогда бы
Не оставляла здѣсь моихъ костей, —
Я скрыла-бъ ихъ въ твоихъ тяжелыхъ нѣдрахъ!..
И кто же, кромѣ насъ, имѣеть столько
Причинъ вздыхать и сѣтовать? (*Садится на землю*).

Королева Маргарита. — Когда
Старѣйшая печаль достойна болѣ
И почестей, и уваженій вашихъ,
Отдайте первенство моей! (*Выходитъ впередъ*).

И пусть
Она царить надъ вашею печалью!..
(*Садится подлѣ нихъ*).

Когда-жъ тоскѣ товарищество любо,
Высказывайте мнѣ несчастья ваши,
Перебирая горести мои!
Былъ у меня достойный Эдуардъ,
Но Ричардъ умертвилъ его! Супругъ

Былъ у меня, но Ричардъ и его
Убилъ! (Елисаветъ).

И у тебя былъ Эдуардъ,
Но Эдуарда Ричардъ умертвилъ!
Былъ у тебя и Ричардъ, — но его,
Какъ и другихъ, убилъ коварный Ричардъ!

Герцогиня. — И у меня былъ Ричардъ, но его
Ты умертвила! У меня былъ Рютландъ,
И ты его зарѣзать помогла.

Королева Маргарита. — И Кларенса имѣла ты. но Ричардъ
Его убилъ!.. Ты вывела на свѣтъ
Собаку адскую, и всѣхъ насъ гонить
Она къ кровавой гибели; у этой
Собаки прежде, чѣмъ глаза раскрылись^
Прорѣзались зубы, чтобъ терзать
Ягнятъ и кровь невинную сосать!
Чтобъ насъ загнать въ могилы, ты извергла
Губителя всѣхъ божескихъ созданий,
Тирана, страшнаго во всей вселенной,
Который царствуетъ слезами душъ
Рыдающихъ. — О, Боже правосудный!
Какъ я Тебя благодарю, что эта
Свирѣпая собака не щадитъ
Дѣтей у бѣдной матери своей
И дѣлаетъ ее подругой прочихъ
Страдалищъ...

Герцогиня. — Ты, супруга короля
Покойнаго, не радуйся несчастьямъ
Моимъ: свидѣтель Богъ, я о тебѣ
Жалѣла!

Королева Маргарита. — О, прости мнѣ! До сихъ поръ
Я голодала местию; но теперь
Я начинаю насыщаться ею!
Твой Эдуардъ, убившій моего
Родного Эдуарда, — умерь! Скоро,
За моего же Эдуарда, умерь
И твой послѣдній Эдуардъ! А Юркъ
Малютка мнѣ пошелъ въ простой барышъ —
Затѣмъ, что мало будетъ и двоихъ
Великихъ Эдуардовъ, чтобъ сравнять
Твою печаль съ печалью Маргариты!..
Твой Кларенсъ, умертвившій Эдуарда,
Любимца моего, скончался; съ нимъ
Погибли и свидѣтели кончины

Несчастливаго: Вогэнь, и Грей, и Риверсъ,
И развращенный Гэстингсъ; всѣ они
Задохлися въ довременныхъ могилахъ!..
И только Ричардъ, этотъ черный вѣстникъ
Пучины адской, живъ еще, оставлень
Межъ нами факторомъ ея владыкъ,
Чтобъ вербовать и посылать туда
Земныя души!.. Но близка, близка
И жалкая безжалостнаго гибель!
Земля разверзлася, и пышетъ адъ,
И демоны ревуть, и небо молитъ,
Чтобъ онъ скорѣй покинулъ этотъ мѣръ!..
Молю Тебя, о Боже милосердный!
Расторгни узы, съ жизнію его
Связавшія и этотъ бѣднѣйшій свѣтъ.
Чтобъ прежде, чѣмъ умру, сказать могла я:
«Издохни, гнусная собака!»

Королева Елисавета. —

Ты

Мнѣ предсказала, что настанетъ время,
Когда придется мнѣ молить тебя,
Чтобъ ты мнѣ помогла въ проклятыяхъ этой
Горбатой, бѣшеной и гадкой жабы,
Пузатому тарантулу и змѣю!..

Королева Маргарита. — Тогда тебя я называла блескомъ

Пустымъ моихъ богатствъ; тогда тебя
Звала я жалкой тѣнью, королева,
Изображеніемъ того, чѣмъ я
Была когда-то, перечнемъ коварнымъ
Трагедіи ужасной!.. Высоко
Ты вознеслась лишь для того, чтобъ громче
И тяжелѣй тебѣ упасть; повѣрь,
Тебя дразнили только, ты не мать
Двухъ этихъ мальчиковъ!.. Ты — просто сонъ
Того, чѣмъ ты была, цвѣтное знамя,
Въ которое направлены всѣ ружья;
Ты водяной пузырь, ты дуновенье,
Ты вывѣска величья, королева
Несчастливая, для пополненья сцены
Представленная только! Гдѣ твой мужъ
Теперь? Гдѣ сыновья твои? Гдѣ братья?
Гдѣ радости твои и наслажденья?
Кто преклоняется передъ тобой?
Кто восклицаетъ: «Боже! королеву
Спаси!..» Гдѣ пѣры, льстившіе тебѣ

Низкопоклонники? Гдѣ твой народъ,
Въ восторгѣ за тобой толпой бѣжавшій?
Перебери все это и представь
Себѣ, чѣмъ ты была и что теперь ты!
На мѣсто счастливой жены, теперь
Ты — скорбная вдова; была ты мать,
И радостная мать, теперь же плачешь
О томъ, что матерью была ты; вмѣсто
Того, чтобы тебя просили, ты
Сама теперь скитаешься и молишь...
На мѣсто королевы — ты раба,
Увѣнчанная терніемъ и горемъ!
Ты издѣвалась надо мной, теперь же
Я надъ тобою издѣваюсь!.. Вмѣсто
Того, чтобы намъ тебя бояться, ты
Боишься насъ и мы тобою правимъ,
Какъ нами ты когда-то помыкала!..
Такъ повернулось праведное счастье
И предало тебя въ добычу лѣтъ,
Оставивъ при однихъ воспоминаньяхъ
Мучительной, промчавшейся години.
Ты завладѣла мѣстомъ Маргариты,
Прими же съ нимъ и часть моихъ утратъ!
Ты половину бремени несешь
На горделивой выѣ, — но стряхаю
И остальную я съ моей усталой
И дряхлой головы, и всю ее
Слагаю на тебя!.. прощай, вдова
Властительнаго Юрка, королева
Угрюмага несчастія, прощай!
Меня во Франціи угѣшитъ горе
Британіи!..

Королева Елисавета. — О! подожди немного!

Ты такъ искусна въ огненныхъ проклятыяхъ, —
Дай силы мнѣ проклясть моихъ враговъ!

Королева Маргарита. — Не спи ты по ночамъ и бодрствуй днемъ;

Почаще сравнивай живое горе
Съ умершимъ счастьемъ; припоминай
Своихъ малютокъ — лучшими, чѣмъ были
Они на самомъ дѣлѣ, ихъ убійцу —
Гнуснѣй, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ есть,
И украшай все то, чего лишилась
Ты, бѣдная! Тогда ты заклеиши,
Какъ надобно, виновниковъ несчастій

Твоихъ, тогда сумѣешь ты сложить
Слова твоихъ проклятій безпощадныхъ!

Королева Елисавета. — Туда моя измученная рѣчь;
Ты заостри ее своею рѣчью!

Королева Маргарита. — Ее твои страданья заострятъ,
И, какъ мое язвительное слово,
Она порхнетъ изъ ядовитыхъ усть!.. (*Уходитъ*).

Герцогиня. — Къ чему несчастнымъ многорѣчивость!

Королева Елисавета. — Нѣтъ, дайте волю имъ, безмолвнымъ этимъ
Ходатаямъ страданія, воздушнымъ
Преемникамъ отрады беззавѣтной,
Ораторамъ несчастія убогимъ!
Пускай все то, что выскажутъ они,
Не поправляетъ ничего: отрадно
Уже и то, что сердцу съ ними легче!

Герцогиня. — О, если такъ, слагай свои проклятья!
Идемъ; дыханіемъ упрековъ злобныхъ
Задушимъ сына моего, какъ онъ
Вчера твоихъ малютокъ задушилъ! (*Барабанный бой*).
А!.. Барабаны Ричарда!.. Готовься-жъ
И собирай огонь твоихъ проклятій!
(*Входитъ король Ричардъ и за нимъ его войско*).

Король Ричардъ. — Кто смѣетъ мнѣ дорогу преграждать?

Герцогиня. — Та бѣдная, которая жалѣетъ,
Что во-время тебѣ не преградила
Пути ко всѣмъ твоимъ убійствамъ. извергъ,
И что тебя тогда не задушила,
Когда еще на свѣтъ не выходилъ ты!

Королева Елисавета. — Ты золотой короною чело
Свое прикрылъ, когда на немъ должно,
По всѣмъ правамъ, горѣть убійство принца,
Которому она принадлежала, —
Убійство сыновей моихъ и братьевъ!..
Скажи мнѣ, гдѣ мои родныя дѣти,
Предатель?..

Герцогиня. — Жаба! жаба! гдѣ твой братъ,
Несчастный Кларенсъ твой? гдѣ сынъ его,
Малютка Нэдъ-Плантагенеть?

Королева Елисавета. — Гдѣ Риверсъ?
Гдѣ добрый Грэй, Вогэнъ?

Герцогиня. — Гдѣ честный Гастингсъ?

Король Ричардъ. — Гремите трубы! — Бейте барабаны! —
Чтобъ небеса не слышали, какъ эти
Безсмысленныя бабы здѣсь кричатъ!

Гремите, говорю я!.. (Трубы и барабаны).

Укротитесь.

Не забывайте должнаго приличья, —
Иль я пойду кричать, иль я васъ заглушу
И раздавлю раскатами тревоги!

Герцогиня. — Ты сынъ мой?

Король Ричардъ. — Кажется — благодаря
Создателя, отца и васъ!

Герцогиня. — Сноси же
Съ терпѣніемъ мою нетерпѣливость!

Король Ричардъ. — Ахъ, герцогиня, духъ мой захватилъ
Частичку вашего, — а вашъ упрековъ
Не вынесетъ...

Герцогиня. — О! дай мнѣ досказать!

Король Ричардъ. — Извольте, только я не буду слушать!

Герцогиня. — Я ласково и кротко обѣщаю
Съ тобою говорить.

Король Ричардъ. — И покороче!
Мнѣ, матушка, нѣтъ времени совсѣмъ!

Герцогиня. — Какъ ты нетерпѣливъ! Извѣстно Богу,
Въ какой тоскѣ, въ какихъ смертельныхъ мукахъ,
Какъ долго я тебя ждала!..

Король Ричардъ. — Но развѣ
Я наконецъ не родился и васъ
Не успокоилъ, матушка?

Герцогиня. — Крестомъ
Спасителя клянусь, ты родился
На свѣтъ, чтобы его мнѣ адомъ сдѣлать!
Болѣзненно и тягостно мнѣ было
Рожденіе твое; младенцемъ ты
Капризенъ былъ и страшно своенравенъ;
Дитятей, отрокомъ — лукавъ, и дикъ,
И золь, и беспощадно бѣшенъ; дерзокъ,
Свирѣпъ и буенъ — юношею; только-жъ
Ты возмужалъ, — въ тебѣ явилась гордость,
Коварство, хитрости и кровожадность:
Ты сталъ еще опаснѣе, запрятавъ
Подъ маску кротости свой алчный духъ!
Припомни мнѣ хотя единый часъ,
Въ который ты доставилъ бы собой
Мнѣ счастье!

Король Ричардъ. — Ей-ей, ни одного
Не вспомню... кромѣ Гомфреева часа *),
Когда васъ пригласили безъ меня

Позавтракать!.. Но, впрочемъ, если я
Противень вамъ, — позвольте мнѣ избавить
Васъ отъ моей особы и отъ стрѣль
Моихъ нападковъ!.. Бейте барабаны!
{* Humphrey's-hour происходитъ отъ выраженія Humphrey's dinner
обѣдъ надъ памятникомъ герцога Гомфри. На этотъ памятникъ
стекалось тогда смотрѣть множество народа, и нѣкоторые здѣсь
искали приглашенія на обѣдъ или завтракъ.}

Герцогиня. — Прощу тебя, дослушай рѣчь мою!..

Король Ричардъ. — Вы говорите черезчуръ ужъ ѣдко!

Герцогиня. — Одно хоть слово!.. Я въ послѣдній разъ
Съ тобой, быть-можетъ, говорю.

Король Ричардъ. — Ужели?

Герцогиня. — Кто знаетъ, что Господь намъ присудилъ?..

Тебѣ-ль назначено погибнуть прежде,
Чѣмъ выйти изъ сраженія съ побѣдой,
Иль я умру подъ бременемъ годовъ
И горя — и тебя ужъ не увижу?!
Такъ унеси-жъ съ собой мое проклятье,
Тяжелое проклятье!!.. И пускай
Оно тебя въ минуту роковой,
Послѣдней битвы, утомитъ сильнѣй,
Чѣмъ все твое желѣзное оружье!!..
Мои мольбы пускай на сторонѣ
Твоихъ враговъ сражаются, — а души
Малютокъ падшихъ да вселяютъ въ нихъ
Безстрашіе и мужество, — пророча
Имъ торжества, успѣхи и побѣду!
Ты кровью жилъ и кровью захлебнешься!
Въ позорѣ жилъ ты — и умрешь въ позорѣ!.. *(Уходитъ).*

Королева Елисавета. — Я болѣе еще причинъ имѣю
Тебя убійца, проклинать; но слабъ
Мой духъ, — и я скажу одинъ аминь
Къ проклятыямъ герцогини!.. *(Хочетъ идти).*

Король Ричардъ. — Погодите,
Мнѣ съ вами, королева, нужно слово
Замолвить!

Королева Елисавета. — Я ужъ не имѣю болѣе
Сыновъ вѣнчанной крови для твоей
Бездушной жажды, дочерей же бѣдныхъ
Я въ монастырь отдамъ; пускай онѣ
Спасаются отъ сана королевъ,
Рыдающихъ въ отчаяннѣ!.. Тебѣ
Нѣтъ нужды въ смерти ихъ, могучій Ричардъ!

Король Ричардъ. — У васъ есть дочь — Елисавета, чудо
Невинности и красоты и скромной,
Высокой царственности.

Королева Елисавета. — Неужель
Она должна за это умереть?
О, пощади ее!.. Я развращу
Ея невинность, я обезображу
Ея красу!.. Послушай! Я готова
Оклеветать сама себя, — сознаться
Въ измѣнѣ мнимой ложу Эдуарда!
Я на нее наброшу покрывало
Безчестія! Чтобы ее избавить
Отъ гибели насильственной, скажу,
Что Эдуардъ ей вовсе не отецъ!

Король Ричардъ. — Вы обезчестите ея рожденье;
Она вѣнчанной крови!..

Королева Елисавета. — Я-жъ скажу,
Что это ложь, и сохраню ей жизнь.

Король Ричардъ. — Высокій санъ — вѣрнѣйшая охрана
Ея спокойствія и жизни!

Королева Елисавета. — Но
Охрана эта умертвила братьевъ
Ея!

Король Ричардъ. — Ничуть! созвѣздія одни,
Которымъ ихъ рожденье противно
Казалось, виноваты въ томъ!

Королева Елисавета. — Нѣтъ! люди,
Которыхъ ихъ рожденье тяготило.

Король Ричардъ. — Никто не избѣжитъ предначертаній
Судьбы!

Королева Елисавета. — Малютки лучшей бы кончины
Дождалися, когда бы жизнь твою
Святая добродѣтель осѣнила.

Король Ричардъ. — Вы говорите, точно, будто я
Убилъ племянниковъ моихъ...

Королева Елисавета. — Конечно,
Ты, добрый дядюшка, лишилъ ихъ счастья,
Родныхъ, свободы, королевства, жизни!..
Чьи руки ни пронзили-бъ ихъ сердцецъ,
Ударъ твоимъ неправеднымъ умомъ
Направлень!.. Ножъ убійственный — и тупъ,
И робокъ былъ, до той поры, пока
Не наточилъ его ты на своемъ
Гранитномъ сердцецѣ, и пока его

Во внутренность овечекъ беззащитныхъ
Ты не послалъ!.. О! если бы привычка
Къ отчаянью не укрощала злобы, —
Языкъ мой при тебѣ не произнесъ бы
Имень дѣтей моихъ, пока-бъ въ глаза
Твои, какъ звѣрь, я не впилаь когтями,
Желѣзными трезубьями, — пока
Сама бы я въ щепы не раздробилась
О грудь твою скалистую, какъ челнъ,
Лишенный въ этой гибельной пучинѣ
И парусовъ, и мачты, и снастей!

Король Ричардъ. — Дай Богъ, чтобъ вѣренъ былъ завѣтный планъ Мой,
Успѣхъ войны опасной и кровавой, —
Какъ вѣрно то, что я задумалъ сдѣлать
Для счастья вашего и вашихъ!.. Это
Искупитъ все, чѣмъ я обидѣлъ васъ!

Королева Елисавета. — Какая же еще отрада можетъ
Скрываться для меня подъ сводомъ неба?

Король Ричардъ. — А возвышенье вашихъ дочерей?

Королева Елисавета. — На эшафотъ, чтобъ обезглавить ихъ?

Король Ричардъ. — Нѣтъ! на вершину почестей и счастья,
На высшую ступень величья смертныхъ.

Королева Елисавета. — Лъсти, лъсти моей печали этой сказкой!
Все объясни, какимъ ты состояньемъ,
Какой достойной почестью надѣлишь
Мое дитя?

Король Ричардъ. — Всѣмъ, что имѣю я!
Да! — И себя, и все готовъ отдать
Я вашему дитяти, если въ Летѣ
Души обиженной вы потопить
Рѣшится воспоминанья зла,
Которое, по вашимъ заключеньямъ,
Я вамъ накликалъ!

Королева Елисавета. — Говори короче,
Чтобъ это краткое расположење
Не миновалось прежде, чѣмъ успѣешь
Его ты высказать...

Король Ричардъ. — Такъ знайте-жь, я
Отъ всей души влюбился въ вашу дочь!..

Королева Елисавета. — Мать дочери отъ всей души,
Какъ ты, о томъ же думаетъ.

Король Ричардъ. — О чемъ же?

Королева Елисавета. — О томъ, что ты въ ея влюбился дочь
Отъ всей души!.. Вѣдь ты любилъ и братьевъ

Ея — отъ всей души!! — Благодарю
Тебя за это всей моей душою!

Король Ричардъ. — Не объясняйте словъ моихъ неправо.

Я говорю вамъ ясно, что душевно
Влюбленъ я въ вашу дочь и что желаю
Доставить ей величье королевы!..

Королева Елисавета. — Прекрасно, — только кто жъ при этомъ будетъ
Ей королемъ?

Король Ричардъ. — А тотъ, кто-въ королеву
Ее преобразить! И кто же кромѣ
Его, милэди?

Королева Елисавета. — Какъ? Такъ это — ты?..

Король Ричардъ. — Да, я!.. А вы что думаете, лэди,
Объ этомъ?

Королева Елисавета. — Чѣмъ же ты ее склонить
Надѣешься на сторону свою?..

Король Ричардъ. — Объ этомъ посовѣтоваться съ вами
И думалъ я. Вы знаете ее
Получше всѣхъ...

Королева Елисавета. — И моего совѣта
Послушаешься ты?

Король Ричардъ. — Отъ всей души!

Королева Елисавета. — Пошли же къ ней, съ темъ самымъ человѣкомъ,
Который былъ убійцею двухъ братьевъ
Ея, окровавленныя сердца
Несчастныхъ, — вырѣзавъ на нихъ заранѣ
Два имени завѣтныхъ: «Эдуардъ
И Йоркъ!» — Увидѣвъ ихъ, она заплачетъ!
Ты помнишь, какъ когда-то Маргарита
Измученному твоему отцу
Дала платокъ, обмоченный въ крови
Страдальца Рютланда; и ты такой же
Ей предложи!.. Скажи, что онъ напнтанъ
Пурпурной влагою, изъ труповъ братьевъ
Ея истекшею, и попроси,
Чтобы она имъ осушила слезы!
Когда и это не пробудитъ въ ней
Любви, пошли ей письменный реестръ
Твоихъ достойныхъ дѣлъ, и расскажи,
Какъ ты убилъ ея любимыхъ дядей,
Какъ Риверсъ и несчастный Кларенсъ пали,
И какъ ты не замедлилъ, для ея-жъ
Спокойствія, раздѣлаться и съ теткой
Ея, съ добрѣйшею милэди Анной!..

Король Ричардъ. — Вы надо мной смѣетесь, королева!

Ужель этимъ я приобрѣту
Ея расположенье?..

Королева Елисавета. — Что же дѣлать?

Другой дороги нѣтъ, когда тебѣ
Нельзя другимъ явиться человѣкомъ
И вовсе Ричардомъ не быть, который
Все это сдѣлалъ!

Король Ричардъ. — Вы скажите ей,

Что дѣлалъ я все это — изъ любви,
Изъ дружбы къ ней одной.

Королева Елисавета. — О, да! готова!..,,

Когда она узнаетъ покороче,
Какими жертвами она купила
Твою любовь, она ужъ не откажетъ...

Король Ричардъ. — Послушайте! — что сдѣлано, того

Ужъ не воротишь! Человѣкъ порой
Недальновидно дѣйствуетъ и послѣ
Жалѣетъ самъ объ этомъ... Я лишилъ
Наслѣдья предковъ — вашихъ сыновей;
Но, чтобъ поправить это, свой вѣнецъ
Отдать я вашей дочери желаю!..
Я истребилъ потомство вашей крови
И воскрещу его потомствомъ новымъ,
Потомствомъ вашей дочери... Святое
Названье бабушки пріятно такъ же,
Какъ и названье матери... Внучата
Тѣ-жъ дѣти, разница въ одномъ колѣнѣ!..
Всѣ тѣ-жъ и кровь, и плоть, — и только ночи
Страданій подвергается здѣсь та,
Изъ-за которой вы когда-то горе
Переносили!.. Ваши дѣти были
Мученьемъ вашей юности; мои —
Вамъ будутъ утѣшеніемъ подъ старость!
Вы потеряли сына-короля..
Но ваша дочь вслѣдъ за утратой вашей
Восходитъ на престолъ!.. Я не могу
Вамъ возвратить всего. какъ ни желалъ бы
Я этого! А потому примите
Хоть то, что я могу... Несчастнѣйшій Дорзетъ,
Вашъ сынъ, печально бродитъ по чужбинѣ, —
Но нашъ союзъ немедленно его
Отчизнѣ возвратитъ, — и я возвышу
Его и награжу... А вашу дочь

Назвавъ своей прекрасною женой,
Король и сына вашего отъ сердца
И за-просто наименоуетъ братомъ...
Вы королевой-матерью опять
Предстанете, и раны нашихъ бѣдствій
Излѣчатся двойнымъ богатствомъ счастья.
О! сколько радостей еще увидимъ
Мы въ будущемъ! святыя капли слезъ,
Пролитыхъ вами, возродятся снова,
Но превращенныя въ алмазы, перлы...
И цѣнность ихъ, процентами блаженства
Умноженная, возвратится къ вамъ...
Ступайте-жъ, матушка, ступайте къ вашей
Прекрасной дочери и ободрите
Ея застѣнчивость и робость вашей
Разумной опытностью; слухъ ея
Вы приготовьте къ говору блаженства
И къ сладконѣжной рѣчи жениха...
Въ пугливомъ сердцѣ возбудите пламя
Высокихъ почестей, откройте ей
Всѣ прелести безмолвныхъ наслажденій
Супружества!.. А я съ моимъ мечомъ
Пойду на этого бунтовщика,
Пигмея-Бокингэма!.. Накажу
Его и возвращусь въ триумфѣ, въ лаврахъ...
Своей женѣ я передамъ трофеи...
И будетъ намъ она — вѣнцомъ побѣды,
И «цезарь-цезаря!» ей имя будетъ!

Королева Елисавета. — Но какъ же ей я назову того,
Кто хочетъ быть ея супругомъ?! Братомъ
Ея отца?.. иль дядей?.. или тѣмъ,
Кто умертвилъ ея несчастныхъ братьевъ
И дядей?.. Дай ты мнѣ хотя одно
Названіе, съ которымъ бы тебя —
Господь, законъ, и честь моя, и эта
Любовь узнали, безъ того, чтобъ ты
Ея душѣ противнымъ не казался!

Король Ричардъ. — Скажите ей, что миръ отчизны нашей
Упрочится отъ этого союза.

Королева Елисавета. — И вѣчною борьбой она должна
Купить его?

Король Ричардъ. — Скажите ей, что самъ
Король ее объ этомъ умоляетъ.

Королева Елисавета. — Но царь царей согласенъ ли на то?

Король Ричардъ. — Скажите, что великой королевой
Я сдѣлаю ее.

Королева Елисавета. — Чтобы величье,
Какъ матери, оплакивать?

Король Ричардъ. — Скажите,
Что любить ее и нѣжить буду
Безъ умолку!

Королева Елисавета. — А долго-ль эта вѣчность
Продлится?

Король Ричардъ. — До поры, угодной небу
И матери природѣ.

Королева Елисавета. — До поры,
Которую ей предназначить адъ
И Ричардъ?

Король Ричардъ. — Объявите ей, что я,
Ея король, рабомъ ея покорнымъ
Желаю сдѣлаться!..

Королева Елисавета. — Повѣрь: она,
Раба твоя, гнушается подобнымъ
Владычествомъ!..

Король Ричардъ. — Употребите всю
Краснорѣчивость вашу въ этомъ дѣлѣ!

Королева Елисавета. — Прямое и простое предложеніе
Скорѣе принимается!

Король Ричардъ. — Такъ вы
Ей просто объявите о любви
Моей!

Королева Елисавета. — Но предложеніе безчестья
Еще ужаснѣе — въ простыхъ словахъ!..

Король Ричардъ. — Всѣ ваши возраженія слишкомъ ложны
И мелки!!

Королева Елисавета. — Нѣтъ! они ужъ слишкомъ вѣрны
И глубоки! — Въ сырыхъ могилахъ дѣти
Мои лежатъ и глубоко, и вѣрно!

Король Ричардъ. — Милэди, не касайтесь этой грустной
Струны: все это кончено давно ужъ!

Королева Елисавета. — Нѣтъ, я ея касаться вѣчно буду,
Пока всѣ струны сердца моего
Не лопнуть!..

Король Ричардъ. — Если такъ — клянусь Георгомъ,
Короной и подвязкою *) клянусь...
{* Подвязка — орденъ.}

Королева Елисавета. — Ты осрамилъ Георга и подвязку,
Корону-жъ ты похитилъ...

Король Ричардъ.—

О, клянусь...

Королева Елисавета.— Молчи, совсѣмъ нѣтъ клятвы у тебя!

Ты осрамилъ угодника святого;
Звѣзда подвязки помрачилась также.
Похищенная-жъ силою корона
Лишилась славы царственной своей!..
Когда ты хочешь, чтобъ сердечной клятвѣ
Твоей повѣрили, клянися тѣмъ,
Чему ты никогда не дѣлалъ зла!..

Король Ричардъ.— Клянуся этимъ міромъ.

Королева Елисавета.—

Онъ исполненъ

Твоей неправды!

Король Ричардъ.—

Смертью моего

Отца.

Королева Елисавета — Ты осрамилъ ее твоею

Безчестной жизнію!

Король Ричардъ.—

Самимъ собой!!.

Королева Елисавета.— Ты опозорилъ самого себя!..

Король Ричардъ.— Такъ небомъ!!!

Королева Елисавета.—

Передъ небомъ ты скорѣй

Всего виновень!.. Если-бъ ты боялся
Нарушить клятву, данную ему,
Союзъ, упроченный моимъ супругомъ,
Не нарушался бы и братъ мой жилъ!..
Когда бы ты боялся измѣнить
Священной клятвѣ, — царственный металлъ,
Объемлющій теперъ твое чело,
Блисталъ бы -на челѣ моихъ дѣтей,
И оба принца безмятежно-бъ жили...
Твое коварство не убило-бъ ихъ
И на одномъ печальномъ ложѣ въ землю
Не опустило бы на снѣдь червей!..
Ну, чѣмъ же ты еще мнѣ поклянешься?

Король Ричардъ.— Моею будущностью...

Королева Елисавета.—

Ты въ прошедшемъ

Надъ нею надругался!.. у меня
Самой довольно слезъ, чтобы омыть
Грядущіе года отъ всѣхъ несчастій,
Которыя въ прошедшемъ ты свершилъ!
Малютки-дѣти, у которыхъ ты
Убилъ отцовъ, въ печальномъ сиротствѣ
Живутъ, чтобы на старости своей
Оплакать это все! Отцы, которыхъ
Дѣтей зарѣзала ты, живутъ страдая,

Какъ старыя, бесплодныя растенья, —
Чтобъ это все на старости оплакать!
Нѣтъ, не клянись грядущимъ! Ты его
Еще до срока искажилъ въ прошедшемъ!

Король Ричардъ.— Пусть будетъ столько-жъ вѣренъ мой успѣхъ
Въ войнѣ грядущей, сколько вѣрно то,
Что я желаю счастья вамъ и каюсь!
Да истреблю я самъ себя! Судьба
И небо да лишатъ меня блаженства!
День — да не дастъ мнѣ свѣта, ночь — покоя!
И да возстанутъ всѣ созвѣзды противъ
Моихъ началъ, когда я не люблю
Любовью чистою и непорочною,
Святыми помыслами сердца — вашей
Прекрасной дочери!.. Въ ней все мое
И ваше счастье... Безъ нея — меня,
И васъ, и царство наше, и ее,
Несчастную, и много-много вѣрныхъ,
Невинныхъ душъ постигнетъ смерть и гибель,
И разореніе, и запустѣнье!..
Ничто не въ силахъ отвратить и вовсе
Не отвратить всѣхъ этихъ бѣдствій, кромѣ
Союза этого!.. И потому
Вы, матушка безцѣнная, — я долженъ
Такъ называть васъ, — будьте у нея
Ходатаемъ любви моей, скажите
Ей не о томъ, чѣмъ былъ я, но о томъ,
Чѣмъ быть хочу я; не о томъ, что я
Заслуживаю, но о томъ скажите,
Что заслужить желалъ бы я!.. Представьте
Ей нужду этого! Не увлекайтесь
Горячностью въ такомъ высокомъ дѣлѣ.

Королева Елисавета.— Неужели навѣтамъ сатаны
Я уступить должна?

Король Ричардъ.— Да, если онъ
Совѣтуетъ вамъ доброе.

Королева Елисавета.— И я
Сама себя обязана забыть,
Чтобъ только быть собою?..

Король Ричардъ.— Безъ сомнѣнья,
Когда воспоминаніе о васъ
Самимъ вамъ повредить, милэди, можетъ.

Королева Елисавета.— Но ты моихъ дѣтей убилъ?

Король Ричардъ.— Я ихъ

На лонѣ вашей дочери прекрасной
Похороню, — и вновь на этой почвѣ
Они родятся сами изъ себя,
На утѣшенье вамъ!..

Королева Елисавета. — И я должна
Склонить ее на это предложенье?

Король Ричардъ. — Васъ это матерью счастливой, лэди,
Навѣки сдѣлаеть...

Королева Елисавета. — Изволь! — Пиши
Ко мнѣ немедленно; я обо всемъ
Тебя увѣдомлю!..

Король Ричардъ (*цѣлуетъ ее*). — Такъ передайте-жъ
Ей этотъ поцѣлуй! — Прощайте.
(*Королева Елисавета уходитъ*).
Дура!

Безсильная и вѣтренная баба! —
(*Входитъ Ратклифъ и за нимъ Кэтзби*).
Что новаго?..

Ратклифъ. — Могучій повелитель!
У западнаго берега явился
Безчисленный и сильный флотъ. На берегъ
Бѣгутъ толпы сомнительныхъ бродягъ,
Безъ всякаго оружія, и вовсе
Не думаютъ отбить врага... По слухамъ
Народнымъ, этимъ флотомъ править Ричмондъ.
Они сложили паруса и ждутъ,
Что Бокингэмъ ихъ высадкѣ поможетъ.

Король Ричардъ. — Скорѣй посла надежнаго къ Норфольку!
Скачи ты самъ иль Кэтзби... Гдѣ же Кэтзби?

Кэтзби. — Здѣсь, государь.

Король Ричардъ. — Скорѣе поѣзжай
Къ Норфольку!..

Кэтзби. — Я не пощажу, милордъ,
Ни лошади, ни самого себя.

Король Ричардъ. — Ты, Ратклифъ, въ Сальсбѣри скачи: когда
Приѣдешь ты туда... (*Кэтзби.*) Ну! что же ты,
Бездѣльникъ, негодяй лѣнивый, здѣсь
Стоишь... и къ герцогу не ѣдешь?

Кэтзби. — Ваше
Величество еще не объявили,
Что долженъ я ему сказать...

Король Ричардъ. — Прости,
Мой вѣрный, добрый Кэтзби! — Объяви
Ему, чтобъ онъ немедленно сбиралъ,

Какое только можетъ, ополченье
И съ нимъ ко мнѣ бы мчался въ Сальсбѣри!

Кэтзби. — Лечу!.. (*Уходитъ*).

Ратклифъ. — Что же въ Сальсбѣри я долженъ дѣлать,
Милордъ? —

Король Ричардъ. — Да, въ самомъ дѣлѣ, что тебѣ
Тамъ дѣлать безъ меня?

Ратклифъ. — Вы тотчасъ мнѣ
Впередъ приказывали ѣхать.

Король Ричардъ. — Я
Раздумалъ!.. (*Входитъ Стэнли*).

Стэнли. — Ну, что новаго, лордъ Стэнли
Нѣтъ ничего хорошаго, свѣтлѣйшій
Монархъ, чтобъ вы съ отрадой услышали,
И ничего печальнаго, о чемъ бы
Не могъ я вашей чести доложить!

Король Ричардъ. — Вотъ-на! загадки!! — Ничего дурного
И ничего хорошаго?.. Какая
Тебѣ необходимость столько миль
Скакать околицами, если ты
Ближайшею дорогою намъ можешь
Сказать свои таинственныя вѣсти?
Что новаго, опять я повторяю?

Стэнли. — Лордъ, — Ричмондъ на морѣ!

Король Ричардъ. — Пускай онъ въ немъ
Утопится, чтобы не онъ, а море
Надъ нимъ ходило! Ренегатъ бездушный!
И для чего пустился въ море онъ?

Стэнли. — Не знаю, но мнѣ, кажется, милордъ...

Король Ричардъ. — Что-жъ кажется тебѣ?..

Стэнли. — Что, возбужденный
Мортономъ, Дорзетомъ и Бокингэмомъ,
Онъ въ Англiю пустился за короной...

Король Ричардъ. — Но развѣ упразднился тронъ у насъ?
Рука, владѣвшая мечомъ, изсохла?
Король скончался? Въ королевствѣ нѣтъ
Властителя? И кто же, кромѣ насъ,
Живъ изъ наслѣдниковъ вѣнчаныхъ Йорка?
И кто законный Англiи король,
Какъ не наслѣдникъ Йорка?.. Говори же,
Зачѣмъ пустился въ море онъ?..

Стэнли. — Милордъ,
Я виноватъ, — ошибся, — и не знаю
Другой причины этому походу.

Король Ричардъ. — Ошибся ты, и ужъ не знаешь болѣ
Другой тому причины? Ты не знаешь,
Зачѣмъ пришелъ Валлисецъ? — Стэнли, ты
Къ нему бѣжать задумалъ, ты — измѣнникъ!

Стэнли. — Нѣтъ, государь! напрасно вы меня
Подозрѣваете въ измѣнѣ!

Король Ричардъ. — Гдѣ же
Твои войска, чтобъ отразить его?
Отвѣтствуй, гдѣ твои друзья, вассалы
На западныхъ, мятежныхъ берегахъ,
Для охраненя высадки враговъ?!

Стэнли. — Мои друзья на сѣверѣ, милордъ.

Король Ричардъ. — Холодные друзья мнѣ! Что имъ дѣлать
На сѣверѣ, когда ихъ государь
На западѣ нуждается въ ихъ силахъ?

Стэнли. — Имъ не было приказано, великій
Монархъ! Но, если вамъ угодно будетъ
Пустить меня, я соберу моихъ
Друзей и вашей чести ихъ представляю,
Когда и гдѣ прикажете вы мнѣ!..

Король Ричардъ. — Ты съ Ричмондомъ соединиться хочешь?
Нѣтъ, я тебѣ не довѣряю...

Стэнли. — Свѣтлый
Монархъ, вы не имѣете причины
Подозрѣвать меня! Я никогда
Измѣнникомъ вамъ не былъ и не буду!..

Король Ричардъ. — Пусть такъ! — Иди-жъ и собирай войска!
Но сынъ твой, Стэнли, здѣсь остаться долженъ.
Будь твердъ и вѣренъ мнѣ, когда не хочешь,
Чтобъ голова его слетѣла съ плечъ!

Стэнли. — Вы съ нимъ, милордъ, по вѣрности моей
Поступите... *(Уходитъ. Входитъ гонецъ).*

Гонецъ. — Свѣтлѣйшій государь,
Я получилъ извѣстье отъ моихъ
Друзей, что Кортни и его надменный братъ,
Владѣтель Экстерскій, съ толпой другихъ
Мятежниковъ, оружье въ Девонширѣ
Внезапно подняли!.. *(Входитъ другой гонецъ).*

2-й гонецъ. — Монархъ великій,
Герфорды въ Кентѣ подняли оружье!..
И съ каждымъ часомъ къ нимъ бѣгутъ другіе
Измѣнники, и силы ихъ растутъ!

(Входитъ третій гонецъ).

3-й гонецъ. — Милордъ, поутру войско Бокингэма...

Король Ричардъ. — Прочь! съ глазъ долой, зловѣщая сова!
Все пѣсни смерти! (*Бьетъ его*).

Вотъ тебѣ на память
До лучшей вѣсти!

3-й гонецъ. — Я хотѣлъ, милордъ,
Вамъ донести, что войско Бокингэма
Разсѣяно разливомъ водъ отъ сильныхъ
Дождей, поутру выпавшихъ неожиданно!..
И что, покинутый, онъ убѣжалъ
Одинъ, невѣдомо куда...

Король Ричардъ. — Прости!..
Вотъ кошелекъ тебѣ мой... (*Бросаетъ ему кошелекъ*).
Залѣчи

Мои удары имъ! — А что, ты слышалъ,
За голову измѣнника награду
Мои друзья назначили?

3-й гонецъ. — Милордъ,
Она давно объявлена! (*Входитъ четвертый гонецъ*).

4-й гонецъ. — Свѣтлѣйшій
Монархъ, сэръ Томасъ Ловель и маркизь
Лордъ Дорзетъ, говорятъ, знамена бунта
Въ Йоркширѣ подняли! Но вотъ другое
Извѣстie, — оно васъ успокоить:
Бретанскій флотъ разсѣянъ бурей! Ричмондъ
На дорзетширскій берегъ выслалъ шлюпку,
Чтобъ разузнать, его ли ждуть отряды,
Которые стояли тамъ?.. Ему
Отвѣтили, что Бокингэмомъ въ помощь
Они къ нему отправлены! Но онъ
Имъ не повѣрилъ, поднялъ паруса
И повернулъ назадъ, въ свою Бретань.

Король Ричардъ. — Впередъ, впередъ! Теперь ужъ мы готовы,
Когда не для сраженья съ иноземнымъ
Врагомъ, хотъ для того, чтобъ усмирить
Бунтовщиковъ домашнихъ!.. (*Входитъ Кэтзби*).

Кэтзби. — Государь,
Мятежный Бокингэмъ подъ стражу взять..
И это — вѣсть хорошая! Но вы
Должны узнать и вѣсть дурную... Ричмондъ
Явился съ многочисленной толпой
Въ Мильфордъ!..

Король Ричардъ. — Въ Сальсбѣри! впередъ! Пока
Мы здѣсь болтали съ вами, можно-бъ было
Сраженье выиграть, иль проиграть!

Одинъ изъ васъ проводитъ Бокингэма,
А прочіе за мною!.. Въ Сальсбѣри!! (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Комната въ домѣ лорда Стэнли. (Входятъ: Стэнли и Сэръ Христофоръ-Орзвикъ,
капелланъ графини Ричмондъ, жены Стэнли).

Стэнли. — Сэръ Христофоръ, скажите отъ меня
Милорду Ричмонду, что сынъ мой запертъ
Въ хлѣвѣ извѣстнаго вамъ кабана.
Едва возстану я, мой юный сынъ
Лишится головы! И это только
Мѣшаетъ мнѣ соединиться съ нимъ!
Скажите, гдѣ-жъ теперь достойный Ричмондъ?

Христофоръ. — Близъ Пемброка или у Гарфордъ-веста,
Въ Валлисѣ.

Стэнли. — Кто-жъ при немъ изъ лицъ извѣстныхъ?

Христофоръ. — Воинственный сэръ Вальтеръ Гэрбертъ, сэръ
Джилбертъ Тальботъ, сэръ Вильямъ Стэнли, Оксфордъ,
Могучій Пемброкъ, Блентъ и Ричъ-апъ-Томасъ,
Съ толпою храбрыхъ воиновъ, — а съ ними
И прочіе сподвижники!.. Они
Пойдутъ на Лондонъ прямо, если имъ
Не преградятъ дороги нападенъемъ.

Стэнли. — Прекрасно! — Такъ идите же къ милорду
И передайте мой ему привѣтъ!
Увѣдомьте его, что королева
Согласна дочь свою Елисавету
Отдать ему въ супруги!.. Эти письма
Подробно все ему передадутъ. (Вручаетъ ему бумаги).
Итакъ, милордъ, прощайте, до свиданья!.. (Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сальсбѣри. — Площадь. — (Входятъ: Шерифъ со стражей, ведущей на казнь
Бокингэма).

Бокингэмъ. — Такъ Ричардъ не желаетъ говорить
Со мной?

Шерифъ. — Да, добрый герцогъ, покоритесь
Судьбѣ своей.

Бокингэмъ. — Несчастный Гэстингсъ, Грей,

Король благочестивый мой и всѣ,
Погибшіе отъ гнусной и коварной
Несправедливости, — внимайте мнѣ!
И если ваши пламенные души,
Негодованья полныя и гнѣва,
Увидятъ съ облаковъ лазурныхъ то,
Что дѣлается здѣсь, — вы отмщены!..
Порадуйтесь гибели моей. —
Друзья, сегодня день поминовенья
Усопшихъ?

Шерифъ. — Точно такъ, свѣтлѣйшій лордъ.

Бокингэмъ. — И день поминовенья усопшихъ
Мнѣ будетъ днемъ позорной казни?.. Этотъ
Священный день, при жизни Эдуарда,
Я призывалъ на голову мою,
Когда-бъ я измѣнилъ роднымъ его
Жены, или его несчастнымъ дѣтямъ...
Я въ этотъ самый день желалъ погибнуть
Отъ вѣроломной зависти того,
Кому-бъ довѣрился я больше всѣхъ!..
И этотъ, этотъ самый день кончаетъ
Всѣ помыслы грѣховные моей
Испуганной души! Господь Всевидецъ,
Котораго я обмануть пытался,
На голову мою же обратилъ
Мои мольбы притворныя и клятвы...
Онъ даровалъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ то,
Чего просилъ я въ шутку! Стрѣлы грѣшныхъ
На ихъ же груди направляетъ Онъ!
Всей тяжестью проклятыя Маргариты
Обрушилось на голову мою:
«Припомни это въ день, когда печально
Изранить сердце онъ твое», — она
Мнѣ восклицала: — »и скажи — отъ сердца
Тогда: пророчицею Маргарита
Несчастливая была!»... Друзья! впередъ!..
Ведите грѣшника къ позорной плахѣ!..
Неправдѣ, злу — и наказанье злое! (*Его уводятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Равнина близъ Тэмворза. (Входятъ съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами: Ричмондъ, Блентъ, Гэрбертъ и другіе съ войскомъ.).

Ричмондъ. — Товарищи и братья по оружію!

Мы съ вами безпрепятственно прошли
Въ средину самую родного царства:
И вотъ отъ Стэнли, тестя моего,
Я получилъ отраднѣйшія письма,
Которыми онъ ободряетъ насъ!
Свирѣпый, хищный, кровожадный вепрь,
Опустошающій поля и ваши
Сады, звѣрь дикій, вашей теплой кровью
Весъ вѣкъ свой упивавшійся, теперь,
Какъ увѣряютъ насъ, лежитъ въ срединѣ
Британіи, близъ Лестера. — Отсюда
До Лестера одинъ лишь день пути...
Во имя Бога, храбрые друзья,
Впередъ!.. Пожнемъ одной кровавой пыткой
Теперь мы жатву вѣчнаго покоя!..

Оксфордъ. — Лордъ, совѣсть каждаго изъ насъ — фаланга
Безчисленныхъ мечей. Мы отразимъ,
Мы побѣдимъ бездушнаго злодѣя.

Гэрбертъ. — Его друзья подъ наши знамена
Сбѣгутся...

Блентъ. — Всѣ друзья его — друзья
Ему изъ страха одного; при первомъ
Удобномъ случаѣ они его
Покинутъ.

Ричмондъ. — Тѣмъ отраднѣе для насъ!
Итакъ, друзья, впередъ — во имя Бога!..
Надежда вѣрная — быстрѣе мысли,
Она летитъ на ласточкиныхъ крыльяхъ!
Владыки съ ней — подобье божества,
А бѣдные страдальцы — съ ней владыки!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Босвортское поле. (Входятъ: Король Ричардъ, съ войскомъ; Герцогъ Норфолькъ,
Графъ Серри и другіе).

Король Ричардъ. — Здѣсь, на Босвортскомъ подъ этомъ, нынче
Мы разобьемъ палатки! Что такъ мрачны
Вы, свѣтлый Серри?..

Серри. — На сердцѣ моемъ,
По крайней мѣрѣ, въ десять разъ свѣтлѣе
Моей наружности.

Король Ричардъ. — Лордъ Норфолькъ!

Норфолькъ. — Здѣсь,
Мой повелитель!

Король Ричардъ. — Добрый Норфолькъ, намъ
Не миновать ударовъ! Вы какого
Объ этомъ мнѣнія?

Норфолькъ. — Довольно будетъ
Всего на ихъ и нашу долю!

Король Ричардъ. — Здѣсь
Разбить мою палатку. Эту ночь
Я проведу въ Босвортскомъ полѣ. Гдѣ-то
Придется завтра быть?..
(Солдаты разбиваютъ королевскую палатку).
Э! Все равно!

Кто разузналъ, какъ многочисленъ врагъ?

Норфолькъ. — Въ его рядахъ не болѣе шести
Или семи вооруженныхъ тысячъ!..

Король Ричардъ. — Такъ мы сильнѣй его едва-ль не втрое!
Притомъ одно ужъ имя короля —
Бойница, башня силы, а у нихъ
Его-то именно и нѣтъ! — Готовьте-жъ
Палатку намъ! А вы со мной, милорды,
Идите. Мы изслѣдуемъ для битвы
Получше мѣстность и возьмемъ съ собой
Искусныхъ въ этомъ дѣлѣ. — Поскорѣ-жъ!
Откладывать намъ нечего, затѣмъ,
Что завтра всѣмъ и безъ того довольно
Отыщется работы и трудовъ...

*(Уходитъ съ своей свитой. Па другомъ концѣ поля показываются Ричмондъ, сэръ Вильямъ
Брандонъ, Оксфордъ и другіе лорды. Нѣсколько солдатъ разбиваютъ палатку Ричмонда).*

Ричмондъ. — Усталое, таинственное солнце
Въ туманѣ золотистомъ потонуло...
И слѣдъ его блестящей колесницы
Намъ предвѣщаетъ радостное утро.
Сэръ Вильямъ Брандонъ, вамъ я поручаю
Штабдартъ мой. — Принесите мнѣ въ палатку
Бумаги и чернилъ. Я начерчу
Планъ битвы завтрашней и всѣмъ назначу,
Кому какое мѣсто занимать;
Придумаю, какъ лучше бѣ размѣстить
Нашъ маленькій отрядъ. — Лордъ Оксфордъ, вы
Сэръ Вильямъ Брандонъ, и сэръ Вальтеръ Гэрбертъ —
Останетесь со мною! — Графъ же Пемброкъ
Пойдетъ къ своимъ солдатамъ. Свѣтлый Блентъ,
Вы пожелайте доброй ночи лорду
И передайте отъ меня ему,
Что въ два часа утра, въ моей палаткѣ,

Его желаю видѣть я... Теперь,
Мой добрый капитанъ, другая просьба:
Извѣстно ль вамъ, гдѣ Стэнли?

Блентъ. — Если я
Чужихъ полковъ не принялъ за его
Полки, — чего не думаю я вовсе, —
Такъ онъ находится, по крайней мѣрѣ,
Съ поль-мили къ югу отъ могучихъ подчищъ.
Монарха своего...

Ричмондъ. — Любезный Блентъ,
Найдите средство повидаться съ нимъ —
Едва возможно это безъ особой
Опасности — и передайте лорду
Вотъ эту важную бумагу!.. *(Передаетъ ему бумагу).*

Блентъ. — Пусть
Лишуся жизни я, — а передамъ!
Покойной ночи, лордъ!.. *(Уходитъ).*

Ричмондъ. — Покойной ночи,
Безцѣнный капитанъ! — Пойдемте-жъ, лорды,
Подумаемъ о завтрашнихъ трудахъ
Въ моей палаткѣ!.. Я совсѣмъ озябъ!..

*(Уходятъ въ палатку). (Въ палатку Ричарда входятъ — онъ самъ, Норфолькъ, Ратклифъ
и Кэтзби).*

Король Ричардъ. — Который часъ?

Кэтзби. — Часъ ужина, милордъ:
Девятый...

Король Ричардъ. — Ёсть я не хочу! — Подайте
Мнѣ поскорѣй бумаги и чернилъ.
Исправили-ль мой шлемъ и легче-ль сталъ онъ?
Внесли-ль мое оружіе въ палатку?..

Кэтзби. — Все внесено и все готово, лордъ,

Король Ричардъ. — Любезный Норфолькъ, ты иди на мѣсто,
Тебѣ назначенное. Не зѣвай
И выбери надежныхъ часовыхъ.

Норфолькъ. — Иду, милордъ.

Король Ричардъ. — Пораньше, на зарѣ,
Проснися съ ласточками, добрый Норфолькъ.

Норфолькъ. — Богъ да хранить васъ, мой властитель!
(Уходитъ).

Король Ричардъ. — Ратклифъ!

Ратклифъ. — Милордъ!

Король Ричардъ. — Пошли гонца скорѣе къ Стэнли,
Вели сказать ему, чтобъ онъ явился
Съ своимъ отрядомъ до восхода солнца, —

Когда не хочеть, чтобъ единый сынъ
Его сокрылся въ бездну вѣчной ночи! (*Кэтзби*).

Дай мнѣ вина, да принеси ночникъ.
А къ утру, къ битвѣ, осѣдлатъ мнѣ Серри *).
Да чтобъ древки моихъ завѣтныхъ копій
Не тяжелы и крѣпки были! — Ратклифъ!
{* *Surrey* имя Ричардова историческаго коня.}

Ратклифъ. — Милордъ!

Король Ричардъ. — Угрюмаго Нортумберлэнда
Ты видѣлъ нынче?

Ратклифъ. — Около зари
Вечерней видѣлъ я, какъ онъ, а съ нимъ
И Томасъ Сэрри, обходилъ ряды
Всей арміи, одушевляя храбрыхъ
Солдаты.

Король Ричардъ. — Я имъ доволенъ! — Дай мнѣ кубокъ
Вина. — Не знаю почему, но только
Я нынче какъ-то вялъ и несвободенъ
Душой... Поставь его... А гдѣ-жъ бумага
И перья?..

Ратклифъ. — Здѣсь, милордъ.

Король Ричардъ. — Вели же стражъ
Моей не спать. Теперь оставь меня. —
Часу въ двѣнадцатомъ опять въ палатку
Мою приди: ты мнѣ тогда поможешь
Надѣть оружіе .— Иди же съ Богомъ.

*(Ратклифъ и Кэтзби уходятъ. — Палатка Ричарда закрывается. — Палатка Ричмонда
открывается, и въ ней видны онъ и другіе лорды. Входитъ Стэнли).*

Стэнли. — Побѣда и покой да увѣнчаютъ
Твой шлемъ!

Ричмондъ. — Все доброе, что принесеть
Намъ эта ночь, — тебѣ, мой благородный
Отецъ! — Скажи, здорова ли моя
Старушка мать?

Стэнли. — Она мнѣ поручила
Тебя благословить; ея моления
И день, и ночь на небо за тебя
Несутся... Но оставимъ это... — Время
Безмолвное летить, и непримѣтно
Уже рѣдѣеть пасмурный востокъ.
Итакъ, чѣмъ кратче и скорѣй, тѣмъ лучше:
Веди войска, едва забрезжетъ день,
И пусть судьбу твою рѣшаетъ воля
Оружія и смертоносной битвы.

Я жъ, если только будетъ можно мнѣ
(Затѣмъ что такъ, какъ я желаю, врядъ-ли
Возможно будетъ), постараюсь всѣмъ
Воспользоваться и къ тебѣ на помощь
Явлюся въ мигъ рѣшительнаго боя!..
Я но могу спѣшить съ такимъ рѣшеньемъ:
Стань я до времени въ твои ряды,
И брата твоего казнять въ глазахъ
Отца!.. Прощай же! — Общая опасность
И краткость времени не позволяютъ
Намъ высказать священныхъ нашихъ чувствъ,
Мѣшаютъ нашей сладостной бесѣдѣ
И отравляютъ счастье свиданья
Друзей, томившихся въ разлукѣ мрачной.
Да ниспошлетъ Господь намъ наконецъ
Досугъ для свѣтлыхъ изліяній дружбы!..
Еще — прощай, мой сынъ! — Будь храбръ и счастливъ.

Ричмондъ. — Милорды, потрудитесь проводить
Его... А я немного отдохну
И успокою легкою дремотой,
Встревоженные мысли, чтобъ назавтра,
Когда придется мнѣ летать на крыльяхъ
Побѣды, — сонъ меня не подавилъ
Своей свинцовой тяжестью!.. Милорды,
Еще желаю вамъ спокойной ночи!

(Лорды уходятъ вмѣстѣ съ Стэнли).

О! Господи! Какъ полководецъ Твой,
Молю Тебя, взгляни могучимъ окомъ
На воинство мое... Вложи въ его
Десницу острое желѣзо гнѣва,
Чтобы подъ тяжестью его ударовъ
Распались племы хищниковъ-враговъ!..
Дай намъ свершить Твою святую кару,
Прославить на землѣ Твою побѣду!..
Тебѣ я поручаю бодрый духъ мой,
Пока мои рѣсницы не сомкнулись...
Своимъ покровомъ осѣни меня —
И спящего, и въ битвѣ роковой!.. *(Засыпаетъ).*

*(Въ серединѣ, между открытыхъ палатокъ Ричарда и Ричмонда, является тѣнь принца
Эдуарда, сына Генриха Шестого).*

Тѣнь Эдуарда *(Ричарду).* — Тяжелымъ гнетомъ на душу твою
Налягу завтра я! Припомни, ты
При Тьюксбери меня зарѣзалъ въ цвѣтѣ
Моей весны! — Отчайся-жъ и умри! *(Ричмонду).*

Мужайся, Ричмондъ! Души гнѣвныхъ принцевъ,
Убитыхъ, явятся тебѣ на помощь!
Тебя, достойный Ричмондъ, ободряетъ
Сынъ Генриха, покойнаго монарха!

(Является тѣнь Генриха Шестого).

Тѣнь Генриха (*Ричарду*). — Когда я былъ въ числѣ печальныхъ смертныхъ,

Ты истерзалъ помазанное тѣло
Мое смертельными мечами! Вспомни
Ужасный Тоуэръ! Вспомни короля!
Отчайся и умри! Покойный Генрихъ
Передъ тобой; отчайся и умри! (*Ричмонду*).
Ты-жъ, добродѣтельный и кроткій, встань
И побѣждай! Король, тебѣ корону
Предсказывавшій, говоритъ во снѣ
Съ тобой теперь: живи и процвѣтай!

(Является тѣнь Кларенса).

Тѣнь Кларенса (*Ричарду*). — Тяжелымъ гнетомъ на душу твою

Наляжетъ поутру несчастный Кларенсъ,
Замытый до-смерти твоимъ виномъ
Противнымъ, низостью твоей убитый!.. *)
Въ часъ битвы, завтра, вспомнишь ты его,
И мечъ иступленный покинетъ руку...
Отчайся и умри! — (*Ричмонду*).

А за тебя,

Ланкастерова отрасль, молятъ души
Убитаго потомства Юрка! Небо
И ангелы да поведутъ къ побѣдѣ
Твои ряды! — Живи и процвѣтай!

{* Здѣсь намекается на смерть Кларенса, утонувшаго въ бочкѣ вина мальвазіи.}

(Являются тѣни Риверса, Грея и Вогэна).

Тѣнь Риверса (*Ричарду*). — Тяжелымъ гнетомъ на душу твою,

Близъ Помфрета, убитый Риверсъ ляжетъ...
Страдай, не спи! — Отчайся и умри!

Тѣнь Грея (*Ричарду*). — Припомни Грея, — и твой алчный духъ

Отчаянье пугливое задушить!..

Тѣнь Вогэна (*Ричарду*). — Вогэна вспомни и покинь отъ страха

Свое копье! — Отчайся и умри! —

(Всѣ три тѣни вмѣстѣ Ричмонду).

Вставай! проснись! Сознанье нашей смерти

Уже впилося въ Ричардову грудь...

Внимай и пробуждайся для побѣды! —

(Является тѣнь Гэстингса).

Тѣнь Гэстингса (*Ричарду*). — Кровавый и преступный, преступленья

Исполненный, просыпайся! Бой
Кровавый да окончитъ жизнь твою...
Припомни Гэстингса, умри, отчайся! (*Ричмонду*).
Ты-жь, безмятежная душа, вставай,
Вооружись, кидайся въ бой могучій —
И побѣждай для благъ твоей отчизны! —
(*Являются тѣни двухъ молодыхъ сыновей короля Эдуарда*).

Тѣни (*Ричарду*). — Малютокъ, въ Тоуэрѣ тобой убитыхъ,
Припомни въ сновидѣньѣ, Ричардъ! Въ грудь
Твою заляжемъ мы свинцомъ тяжелымъ,
На твой позоръ, тоску и гибель! — Души
Племянниковъ взываютъ предъ тобой:
Отчайся и умри, коварный Ричардъ! (*Ричмонду*).
Ты-жь, Ричмондъ, спи спокойно! Ты проснешься
Для радостей! И ангелы святые
Тебя отъ вепря охранять!.. Живи —
И длинный рядъ царей твое потомство
Украситъ славою великихъ дѣйствій!
Несчастные малютки Эдуарда
Къ тебѣ взываютъ: царствуй и живи! —
(*Является тѣнь королевы Анны*).

Тѣнь Анны (*Ричарду*). — Твоя жена, бездушный Ричардъ, Анна
Несчастливая твоя, на грѣшномъ ложѣ
Незнавшая съ тобой покоя, — сонъ твой
Теперь тревожитъ... Завтра, въ мигъ сраженья,
Припомни обо мнѣ и урони
Иступленный свой мечъ... Умри, отчайся! (*Ричмонду*).
Ты-жь, мирная душа, спокойно спи,
Пусть грезится тебѣ успѣхъ, побѣда...
Жена врага тебѣ желаетъ счастья!
(*Является тѣнь Бокингэма*).

Тѣнь Бокингэма (*Ричарду*). — Я первый помогаль тебѣ добыть
Корону и послѣдній умерщвленъ
Твоимъ злодѣйствомъ! Но, въ кровавой сѣчѣ,
Ты вспомнишь Бокингэма и — умрешь
Отъ ужаса свершенныхъ преступлений! —
Спи, спи! пусть смерть и кровь тебѣ приснятся...
Измученный, отчаяньемъ терзайся
И подъ ярмомъ отчаянья задохнись!.. (*Ричмонду*).
Меня сразила смерть, я не успѣлъ
Тебѣ помочь; но ободрися, Ричмондъ,
И веселись душой! — Господь и лики
Его архангеловъ на сторонѣ
Твоей сразятся, а надменный Ричардъ

Падеть, — падеть въ пылу своей гордыни!

(Тьни исчезаютъ. Ричардъ пробуждается въ ужастъ).

Король Ричардъ. — Коня другого мнѣ!.. Перевяжите

Мнѣ раны!.. Господи, умиосердись!..

Что-жъ это? — Небо!.. — Это только сонъ!! —

О, трусь негодный, совѣсть, какъ ты мучишь

Меня!! — Ночникъ трепещетъ синимъ свѣтомъ...

Теперь глухая полночь... Капли пота

Бѣгутъ съ испуганнаго тѣла... Странно!

Чего боюсь я? — Себя? — Здѣсь нѣтъ

Лица живого, кромѣ самого

Меня... А Ричардъ Ричарда такъ любить! —

Все я, все тотъ же я! — Здѣсь нѣтъ убійцы! —

Какъ нѣтъ? — А я?.. Бѣги же поскорѣй!..

Отъ самого себя? — Какая нужда?

Чтобъ я не отомстил!.. Кому? Еще бы!..

А самому себѣ?.. Нѣтъ, я люблю

Себя. — За что-жъ себя ты любишь? — Вѣрно,

За что-нибудь хорошее, что я

Доставилъ самому себѣ? — О! нѣтъ!

Нѣтъ, я себя скорѣ ненавижу

За преступленія мои! — Злодѣй ты!!

Нѣтъ, врешь! я вовсе не злодѣй!.. Глупецъ,

Ты самого себя чернить не смѣешь!

Глупецъ! не льсти себѣ! — Мое сознанье

Владѣетъ тысячами языковъ...

У каждаго изъ нихъ есть обвиненье,

И каждое изъ этихъ обвиненій

Клеймитъ меня злодѣемъ и убійцей!..

Да! Я клятвопреступникъ, страшный извергъ!

Убійца я, безжалостный убійца,

И въ высочайшей степени убійца!!

Злодѣйства безобразныя, грѣхи,

Свершенные въ безчисленныхъ отгѣнкахъ

Моей рукой, толпятся передъ трономъ

Судьи небснаго и восклицаютъ: s

«Виновень ты! виновень!» — Какъ же мнѣ

Не потеряться?.. Нѣтъ созданья въ мѣрѣ,

Которое бы Ричарда любило!

Погибну я, и ни одна душа

Не станетъ обо мнѣ жалѣть и плакать.

Да и къ чему жалѣть имъ, если самъ я

Себя ни мало не жалѣю? — Мнѣ

Пригрезилось, что души всѣхъ убитыхъ

Моимъ стараніемъ къ моей палаткѣ
Слетались и каждая отмщенье
На голову убійцѣ призывала!.. (*Входитъ Ратклифъ*).

Ратклифъ.— Милордъ!

Король Ричардъ.— Кто тутъ?!

Ратклифъ.— Я, Ратклифъ! — Ранній сельскій

Пѣтухъ уже два раза прокричалъ,
Привѣтствуя зарю, и всѣ друзья
Монарха нашего вооружились...

Король Ричардъ.— О! Ратклифъ! я ужасный видѣлъ сонъ.

Какъ полагаешь ты, друзья мои
Намъ не измѣнять?

Ратклифъ.— Безъ сомнѣнья, нѣтъ,

Милордъ!

Король Ричардъ.— О! Ратклифъ! Я боюсь, боюсь...

Ратклифъ.— Возможно-ль призраковъ бояться, ваше
Величество?

Король Ричардъ.— Клянуся Павломъ, въ эту

Глухую полночь тѣни мертвецовъ
Такъ ужаснули Ричардову душу,
Какъ не удастся ужаснуть ее
И десяти полкамъ живыхъ солдатъ,
Закованныхъ въ желѣзо, предводимыхъ
Надменнымъ Ричмондомъ!.. Еще пока
Не разсвѣло. — Пойдемъ со мною, Ратклифъ.

(*Уходитъ съ Ратклифомъ*).

(*Въ палатку Ричмонда входятъ: Оксфордъ и другіе лорды*).

Лорды.— Пріятнаго утра, лордъ Ричмондъ.

Ричмондъ (*прсыпаясь*)— Лорды

И джентельмены, извините! Я,
Лѣнтяй, сегодня заспался совсѣмъ!..

Лорды.— Какъ почивали вы, милордъ?

Ричмондъ.— Чудесно!

Прекраснѣйшіе сны, какіе только
Когда-нибудь въ усталой головѣ
Являлись, съ той поры, какъ вы ушли, —
Меня не покидали! Мнѣ казалось,
Что души Ричардовыхъ бѣдныхъ жертвъ
Слетались къ моей палаткѣ, громко
Взывая: встань и побѣждай! — Клянусь,
Моя душа наполнена восторгомъ!
Который часъ теперь, милорды?

Лорды.— Скоро

Четыре.

Ричмондъ. —

Такъ пора вооружаться
И строить наши храбрые ряды. (*Подходитъ къ войску*).
Друзья и земляки! Распространяться
О томъ, что я уже повѣдалъ вамъ,
Не позволяютъ мнѣ ни время наше,
Ни наши нужды, — помните одно:
Господь сражается за наше дѣло,
И теплыя молитвы райскихъ душъ
Окопами предъ нашими рядами
Стоять! — Сердца озлобленныхъ враговъ,
За исключеньемъ Ричарда, желаютъ
Побѣды намъ, а не вождю дружинъ
Своихъ!.. И въ самомъ дѣлѣ, джентельмены,
Кто предводитель ихъ?.. Тиранъ, убійца,
Возвысившійся кровью и на тронъ
Въ крови взошедшій!.. Не щадилъ онъ средствъ
Для достиженья цѣли и губилъ
То самое, что подавало средства
Его трудамъ!.. Простой, фальшивый камень,
Сверкающій алмазомъ потому,
Что вмѣсто фольги у него — корона
Британіи, похищенная имъ!..
Онъ — врагъ небесъ, и если вы пойдете
На Божьяго врага, Господь укроетъ
И защититъ поборниковъ своихъ!
Устанете, свергая супостата, —
Заснете мирно, побѣдивъ его...
Сразитесь съ врагомъ отчизны вашей —
И благо земляковъ вознаградитъ
Васъ за труды. — Возстаньте на защиту
Несчастныхъ женъ, и жены встрѣтятъ васъ,
Какъ побѣдителей, въ триумфѣ мирномъ!..
Избавьте отъ меча дѣтей-малютокъ,
И ваши дѣти, и родные внуки
Вознаградятъ васъ въ старости за это!..
Итакъ, во имя Бога и святыхъ
Его законовъ, распускайте ваши
Побѣдныя знамена, — на-голо
Ретивые мечи!.. Когда, друзья,
Неправо дѣло наше, пусть мой трупъ
Холодный на холодную равнину
Падетъ наградой моихъ желаній! —
Когда-жъ удастся мнѣ, успѣхъ побѣды
Я раздѣлю съ послѣднимъ изъ моихъ

Сподвижниковъ!.. Гремите-жъ, барабаны,
И потрясайте воздухъ сонный, трубы,
Веселиемъ и храбростью!.. Святой
Георгій! Небо! — Ричмондъ и побѣда! (*Уходятъ*).
(*Снова являются: Ричардъ, Ратклифъ, свита и войско Ричарда*).

Король Ричардъ. — Чтѣ говоритъ о Ричмондѣ суровый
Нортумберлендъ?

Ратклифъ. — Что онъ прямой невѣжда
Въ военномъ дѣлѣ.

Король Ричардъ. — Это правда. Что же
Ему сказалъ на это Сэрри?

Ратклифъ. — Онъ
Сказалъ съ улыбкою: «Тѣмъ лучше, лордъ,
Для насъ!»

Король Ричардъ. — И это правда! Безъ сомнѣнья! (*Бьютъ часы*).
Считите-ка часы, да календарь
Подайте мнѣ. — Кто видѣлъ нынче солнце?

Ратклифъ. — Я не видалъ...

Король Ричардъ. — Такъ, значитъ, намъ оно
Свѣтитъ не хочетъ нынче!.. Въ этой книгѣ
Написано, что цѣлый часъ уже
Оно должно блестѣть на горизонтѣ;
Кому-то нынче будетъ черный день!..
Лордъ Ратклифъ!..

Ратклифъ. — Государь!

Король Ричардъ. — Сегодня солнце
Совсѣмъ не хочетъ показаться... Мрачно
Нависло небо гнѣвное надъ нашимъ
Отрядомъ. — Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ эта
Слезливая роса исчезла съ поля...
Не разсвѣтаетъ!.. Впрочемъ, что-жъ такое?
Не я одинъ, и Ричмондъ погрузитъ!
Нахмуренное надо мною небо —
И надъ его померкло головой!.. (*Входитъ Норфолькъ*).

Норфолькъ. — Къ оружію, къ оружію, король!..
Враги уже несутся по равнинѣ...

Король Ричардъ. — Скорѣй — тревогу!.. Мнѣ коня взнуздать!
Сказать милорду Стэнли, чтобъ придвинулъ
Онъ свой отрядъ! — Я въ поле поведу
Войска и такъ устрою планъ сраженья:
Передовыя лиши, изъ равныхъ
Частей пѣхоты и отрядовъ конныхъ.
Подъ предводительствомъ милорда Сэрри
И Норфолька, растянутся фалангой.

Стрѣлки займутъ средину. Между тѣмъ,
Я съ главной силой выступлю за ними,
И сильный центръ пѣхоты окрылится
Блестящей конницей! — Святой Георгій
И это все — помогутъ намъ! Какъ ты
Объ этомъ думаешь, достойный Норфолькъ?

Норфолькъ. — Прекрасное распоряженье, храбрый
Король... Но вотъ что я нашель зарей
Сегодня около моей палатки. (*Подаетъ ему свитокъ*).

Король Ричардъ (*Читаетъ*). —

... «Джонъ Норфолькъ, дружище, смотри, не храбрись!
«Твой Диконъ *) ужь преданъ и проданъ, очнись!..»
{* *Диконъ* — старинное фамильярное искаженіе имени Ричарда.}

Все это выдумки враговъ презрѣнныхъ!...
Впередъ же, джентльмены! По мѣстамъ!
Не позволяйте говорливымъ грезамъ
Тревожить воли... Смѣло же впередъ
И прямо въ схватку, на смертельный бой!..
Что вамъ сказать еще?! — Вы не забудьте,
Съ кѣмъ вы ведете бой!.. Съ толпой бродягъ,
Бездѣльниковъ, воровъ и бѣглецовъ,
Съ презрѣнной накипью Бретани, съ гнусной
Толпой рабовъ, которыхъ бѣдный край
Извергнулъ изъ себя искать по свѣту
Достойной гибели и приключеній! —
Вы спали мирно, но они явились
Лишить васъ сна! У васъ есть земли, вы
Имѣете прекрасныхъ женъ, и вотъ
Имъ хочется лишить васъ блага первыхъ
И честь послѣднихъ опозорить!.. Кто
Ведетъ ихъ полчища? — Дрянной мальчишка,
Откормленный въ Бретани нашимъ хлѣбомъ...
Молокосось, котораго нога
Всю жизнь его не уходила въ снѣгъ
За щиколотку, выше башмака!..
Отбросимъ эту сволочь снова въ море...
Очистимъ родину отъ бѣглецовъ
Французскихъ, этихъ жадныхъ попрошайекъ,
Которымъ жизнь давно ужь надоѣла...
Не соблазняй коварный ихъ успѣхъ, —
Давно бы ужь повѣсилися крысы
Отъ недостатка средствъ къ существованью!
Ужь если пасть и быть побѣждѣну,
Пускай, друзья. насъ побѣждаютъ мужи,

А не гнилые выродки Бретани,
Которыхъ наши дѣды, въ ихъ же бѣдной
Странѣ, такъ знатно колотили, били
И, въ завершенье радостнаго дѣла,
Еще такимъ потомствомъ наградили!..
Ужели эта сволочь завладѣтъ
Землями нашими, ужель отниметъ
Она у насъ супругъ и дочерей?
(Вдали раздаётся глухой барабанный бой).
А!.. Слышите, милорды?.. Барабаны!
Ихъ барабаны!! — Джентльмены, въ битву! —
Впередъ, впередъ, безстрашные драбанты!
Стрѣлки, прнцѣливайтесь прямо въ лобъ!
Припшоривайте вашихъ скакуновъ...
Въ крови купайтесь и ужасните
Небесный сводъ обломками мечей! *(Входитъ гонецъ).*
Что-жъ Стэнли? Гдѣ его отрядъ могучій?

Гонецъ. — Милордъ... Онъ отказался вамъ служить!..

Король Ричардъ. — Долой же голову родному сыну
Его! Долой немедленно!

Норфолькъ. — Милордъ,
Врагъ перешелъ уже болота наши...
Отсрочьте казнь до окончанья битвы!

Король Ричардъ. — О! Тысяча сердець теперь трепещетъ
Въ моей груди! — Знамена, — на врага, —
Впередъ! — Нашъ старый, громоносный возгласъ:
«Святой Георгій!» да вдохнетъ въ сердца
Моихъ друзей огонь драконовъ лютыхъ...
Впередъ, и да вѣнчаетъ насъ побѣда! — *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Другая часть поля. — Смятеніе. — Шумъ битвы. — Стычки. — Входятъ: съ одной
стороны Норфолькъ съ войскомъ, съ другой — Кэтзби.

Кэтзби. — Спасайтесь, лордъ Норфолькъ! Поскорѣй
Бѣгите!.. Ричардъ чудеса творитъ!
Кидается въ опаснѣйшія схватки...
Подъ нимъ убили лошадь, — онъ одинъ
Дерется, пѣшій... И въ объятыхъ смерти
Повсюду ищетъ Ричмонда! Спѣшите,
Милордъ, иль этотъ день навѣкъ потерянь!..
(Смятеніе. — Вбѣгаетъ король Ричардъ).

Король Ричардъ. — Коня! — Коня!! — Все царство за коня! —

Кэтзби. — Бѣгите, государь! Я тотчасъ вамъ

Добуду лошадь...

Король Ричардъ. — Рабъ!! Я жизнь мою
Поставилъ на игру судьбы — и смѣло
Взгляну въ глаза неумолимой смерти!
Въ сраженіи — шесть Ричмондовъ, навѣрно!?
Я пятерыхъ убилъ, — а онъ все живъ!!
Коня! — Коня! — Все царство за коня!! — *(Уходитъ).*

(Шумъ битвы. — Король Ричардъ и Ричмондъ входятъ и уходятъ, сражаясь другъ съ другомъ. — Отступление. — Трубы. — Возвращаются: Ричмондъ, Стэнли съ короной, многіе другіе лорды и войско).

Ричмондъ. — Хвала Творцу и вашему оружию,
Побѣдоносные мои друзья!..
День — вашъ!..

Стэнли. — Достойный Ричмондъ, ты раскрылъ
Намъ доблести души твоея! Внимай!
«Вотъ тотъ вѣнецъ, которымъ долго такъ
Владѣли хищники... Я снялъ его.
Съ безжизненной, кровавой головы,
Чтобы твое чело украсить имъ...
Носи-жь его! Владѣй имъ по закону
И возвышай его твоею славой!

Ричмондъ. — Великій Богъ да скажетъ намъ на это:
Аминь! — Скажите, живъ ли вѣрный сынъ
Милорда Стэнли? —

Стэнли. — Живъ, но онъ теперь!
Покуда въ Лестерѣ... Когда угодно
Вамъ, лордъ, и мы отправимся туда!..

Ричмондъ. — Кто изъ людей извѣстныхъ палъ въ сраженіи
У васъ и у враговъ?..

Стэнли. — Лордъ Вальтеръ Феррерсъ,
Сэръ Робертъ Бракенбери, Вильямъ Брандонъ
И герцогъ Норфолькъ!..

Ричмондъ. — Схоронить тѣла ихъ
Со всею почестью, приличной сану
И ихъ рожденью! — Объявить прощенье
Всемиъ воинамъ бѣжавшимъ, если только
Они опять съ повинной головой
Вернутся къ намъ! Теперь соединимъ,
Какъ клятвенно и причастившись тайнъ
Святыхъ мы вамъ ужъ обѣщали, вмѣстѣ —
И бѣлую, и пурпурную розу!
Да улыбнутся небеса на ихъ
Союзъ; такъ долго хмурились они
На ихъ вражду! — И кто, услышавъ это,

Не скажетъ намъ: аминь, — того я прямо
Измѣнникомъ бездушнымъ назову! —
Да, долго Англія сама себя
Терзала и неистово бѣсилась!..
Въ безумномъ ослѣпленіи братъ на брата
Вставалъ и проливалъ родную кровь...
Отецъ тиранилъ сына, сынъ мятежный
Шелъ въ палачи родимаго отца...
Да прекратятся же раздоры Іорка
Съ Ланкастеромъ — въ святомъ соединенны
Елисаветы съ Ричмондомъ, законнымъ
Наслѣдниковъ вѣнчаннаго семейства! —
Соедини ихъ, Боже милосердый!
И пусть потомство ихъ, — когда потомство
Ты имъ пошлешь, — грядущіе вѣка
Обиліемъ, отрадою, весельемъ
И благодатнымъ миромъ увѣнчаетъ!
Владыко всемогущій!.. Преломи
Оружіе измѣны, если ей
Захочется бывшее возвратить
И затопить потокомъ слезъ и крови
Родную Англію, отчизну нашу!..
Владыко праведный, не дай злодѣямъ,
Которые задумаютъ нарушить
Священный миръ, вкусить отраду мира!
Все обновится!.. Раны нашихъ смутъ
Закроются незримо, заживутъ!..
И Царь небесъ на нашъ святой восходъ
Спасительный аминь произнесетъ!..

Занавѣсъ опускается.